

Центр независимых социальных исследований

**ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В
ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД**

Под редакцией
Елены Здравомысловой и Анны Темкиной

Санкт-Петербург

1996

Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научн. статей / Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. Центр независимых социальных исследований. Труды. Вып. 4. - Санкт-Петербург, 1996. - 000 с.

Контакт:

Центр независимых социальных исследований

191002, Санкт-Петербург, а/я 55

Тел.: (812) 321-1066

E-mail: voronkov@socres.spb.su

© Центр независимых социальных исследований 1996 г.

CIPP-print , 1996

Отпечатано на ризографе СФПК СПбГУ. Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Здравомыслова Е. Темкина А.</i> Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России	
<i>Темкина А.</i> Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение	
<i>Темкина А.</i> Женский путь в политику: гендерная перспектива	
<i>Здравомыслова Е.</i> Коллективная биография современных российских феминисток	
<i>Чуйкина С.</i> Участие женщин в диссидентском движении (1956-1986) ..	
<i>Зеликова Ю.</i> Женщины в благотворительных организациях России (на примере С.-Петербурга)	

Сборник подготовлен при поддержке фонда Макаруров: грант #94-27006А-FSU Е. Здравомысловой “Сексистские стереотипы в процессе социализации” и грант #95-31023А-FSU А. Темкиной “Развитие женского движения и женского участия в постсоветском обществе”.

В данный сборник включены статьи, подготовленные в течение 1994-1996 годов, и поддержанные различными фондами. Исследование мотивации женского участия финансировалось коллективным грантом фонда “Культурная инициатива” (рук. Е.Здравомыслова). Исследование женского политического участия, проведенное А.Темкиной, было начато при поддержке С.-Петербургского гендерного центра и продолжено при поддержке фонда Макаруров. Исследование Зеликовой Ю., посвященное женщинам в благотворительности, проводилось при частичной финансовой поддержке исследовательского проекта “Социальная трансформация и культурная инерция в России” социологического факультета Университета г. Хельсинки (Финляндия). Исследование гендерных аспектов диссидентского движения Чуйкиной частично финансируется Фондом Генриха Белля (ФРГ).

Авторы выражают признательность всем фондам, оказавшим финансовую поддержку, а также всем коллегам, которые на разных стадиях работы высказывали свои критические замечания.

Справка об авторах

Юлия Зеликова. Младший научный сотрудник Института социологии РАН.

Елена Здравомыслова. Координатор гендерных исследований, Центр независимых социальных исследований; старший научный сотрудник Института социологии РАН

Анна Темкина. Старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Соня Чуйкина. Сотрудник Центра независимых социальных исследований.

ВВЕДЕНИЕ.

Социальная конструкция гендера и гендерная система в России

Все исследования, включенные в данный сборник, посвящены проблеме участия женщин в общественной политической жизни в современной России. Рассматривая мотивацию и сценарии приобщения российских женщин к политической деятельности, благотворительности, диссидентскому и феминистскому движению, мы тем самым реконструируем гендерную культуру, усвоенную и создаваемую этими женщинами в течение их жизненного пути. Это гендерная культура (или гендерная система) “общества развитого социализма”, доминировавшая в России до последнего времени.

Итак, на самом деле макро-задачей группового исследовательского проекта является амбициозная попытка реконструировать некоторые элементы гендерной культуры на основе эмпирических исследований, что не делалось до настоящего времени. Хотя в современной российской феминистской литературе сформулирована задача воссоздания гендерной культуры, доминировавшей в советской России (Айвазова 1991, Воронина 1988, 1990, Клименкова 1993, Посадская 1993, Posadskaya, A. and E. Waters 1995, Lissyutkina L. 1993 и пр.), однако, насколько нам известно, эмпирических исследований на эту тему до сих пор не было проведено. Мы попытаемся начать исследования в этой области на основе изучения разных сюжетов и аспектов гендерной социализации и гендерной системы.

Теория

Методологической основой данных исследований стали две концепции: теория социальной конструкции гендера и теория гендерной системы. Если первый подход рассматривает динамическое измерение гендерной культуры - процесс ее создания и воспроизводство в процессе социализации; то вторая концентрируется на гендерном измерении социальной структуры общества. Таким образом теория социальной конструкции гендера позволяет изучать представляет диахронический аспект культуры: а концепция гендерной системы - синхронический.

Для начала определим понятия, которыми мы пользуемся и которые пока еще не стали конвенциональными в отечественной социологии.

Гендер (gender), который часто называют социальным полом в отличие от биологического пола (sex), рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. “Гендер” - это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного сообщества. Это означает, что гендеру как статусу соответствует гендерная культура.

Поясним нашу позицию.

Мы солидарны с теми социологами, которые рассматривают гендер как социальный конструкт (Lorber, Farrell 1991). В основе данного конструкта лежат три группы характеристик: биологический пол; поло-ролевые стереотипы, распространенные в том или ином обществе; и так называемый "гендерный дисплей" - многообразие проявлений, связанных с предписанными

обществом нормами мужского и женского действия и взаимодействия (нормами трудно вычленимыми "замыленным глазом" из общего культурного контекста).

Мы используем здесь понятие "гендер", несмотря на всю противоречивость иностранного, феминистского и неоднозначного термина в российском дискурсе. Сложности использования этого термина бесконечно обсуждаются не только здесь, но и в западной литературе (напр., Braidotti 1994). Мы согласны с критикой данного термина проф. И. Коном, однако, не считаем возможным заменить термин "гендер" словосочетанием "поло-ролевые стереотипы" или "поло-ролевая культура". Гендер не исчерпывается понятием роли или совокупности ролей, предписанных обществом по признаку пола. Именно поэтому И. Гоффман ввел в свое время понятие гендерного дисплея, т.е. множества проявлений культурных составляющих пола (Goffman 1976: 69). Множественные размытые, зачастую незамечаемые культурные коды, проявляющиеся в социальном взаимодействии - суть гендерный дисплей.

Гендер - это измерение социальных отношений, укоренное в данной культуре. В нем есть элементы устойчивости и элементы изменчивости. В каждом обществе, особенно многокультурном и многонациональном, необходимо иметь в виду гендерное разнообразие. Это означает, что предписания и исполнения, соответствующие мужественности и женственности, могут быть различны для разных поколений, разных этно-культурных и религиозных групп, разных слоев общества. Для России такой подход также имеет смысл.

В данном исследовательском проекте мы представляем ту гендерную культуру, которая воспроизводится среди российского образованного класса крупных городов. При этом мы придерживаемся двух теоретических подходов - теории социальной конструкции гендера и теории гендерной системы. Изложим основные положения названных выше теорий.

Основное положение теории социальной конструкции реальности (и социальной конструкции гендера как ее варианта) заключается в том, что индивид усваивает культурные образцы (паттерны) в процессе социализации, продолжающемся в течение всей жизни. Период первичной социализации связан в основном с бессознательными и пассивными механизмами усвоения культуры, в то время как вторичная социализация предполагает большую включенность когнитивных механизмов и возможность творческого преобразования среды. По данным психологов, гендерная идентичность - константа - формируется у детей в возрасте 5-7 лет, а в дальнейшем идет ее развитие и содержательное насыщение за счет опытов и практик (Spence 1984).

Важнейшим этапом вторичной социализации является возраст между 17 и 25 годами, когда, по словам К.Манхейма, формируется мировоззрение личности и ее представление о собственном предназначении и смысле жизни. Это период юности, в течение которого усваивается опыт поколения. События, пережитые и осмысленные в этом возрасте, становятся базовыми детерминантами ценностной доминанты (Mannheim 1952).

Значимость агентов социализации на разных этапах жизненного пути различна. В период младенчества и детства (первичной социализации) главную роль играют семья, группы сверстников, соответствующие средства массовой информации, школа, "значимые другие". В дальнейшем в период вторичной социализации, когда "уже социализированный индивид входит в новые сектора объективного мира своего общества" (Giddens 1994: 80), особенно значимы образовательные институты (учебные заведения), сообщества, средства массовой информации (Бергер и Лукман 1995: 213). Именно здесь формируется *среда*, которую воспринимает индивид, с которой он себя идентифицирует и существование которой он поддерживает.

Для нашего подхода чрезвычайно значимо понятие ресоциализации. По определению Гидденса, это процесс, в результате которого происходит разрушение ранее усвоенных норм и образцов поведения, вслед за которым идет процесс усвоения или выработки иных норм. Как правило, ресоциализация происходит в связи с попаданием в критическую и нерелевантную прежним нормам ситуацию. Такая ситуация может быть связана с вхождением в соответствующую среду в юношеском возрасте. Но для нас особенно важно, что ресоциализация, в

том числе в отношении гендера, наиболее вероятно в период современной трансформации в России. В процессе ресоциализации возникают новые нормы (эмергентные нормы - Turner, Killian 1957), которые регулируют социальное взаимодействие в новых условиях.

Итак, в процессе социализации и ресоциализации происходит воспроизводство и развитие гендерной культуры сообщества. Социализация конструирует гендер личности и сообщества, к которому данная личность принадлежит. Изучая социализационные процессы, мы работаем в диахроническом измерении - раскрываем динамику творения и воспроизведения культуры.

Синхронический аспект гендерной культуры мы описываем в терминологии "гендерной системы".

Понятие "гендерная система" включает разнообразные компоненты и по-разному определяется разными авторами. Так, шведская исследовательница Hirdman обозначает гендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включая идеи, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе (Hirdman 1991: 190-191). "Гендерная система - это институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом" (Renzetti & Curran 1992: 14). Кроме термина "гендерная система" используется и термин "гендерный контракт". Гендерная система представляет собой совокупность контрактов.

Гендерная система предполагает гендерное измерение публичной и приватной сферы. Она является относительно устойчивой и воспроизводится социализационными механизмами. Так, например, для "классического капитализма" первой половины 20-го века публичная сфера была преимущественно сферой мужской занятости, в то время как частная сфера - женской. Рыночные ценности диктовали примат публичной - мужской - индустриальной сферы. При этом приватная - женская - домашняя сфера воспринималась как вторичная, второстепенная по значимости, обслуживающая. Соответственно поддерживалась иерархия ролей гендерной системы, которая в феминистской теории обычно называется "патриархатной". Базовым гендерным контрактом был контракт "домохозяйки" (housewife) для женщины и "кормильца" (breadwinner) - *спонсора жизни* для мужчины.

В постиндустриальном обществе изменяются ценности культуры, в том числе меняется гендерная система. Постепенно классический базовый гендерный контракт вытесняется по крайней мере для среднего класса контрактом "равного статуса" (equal status), в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание положения прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной сфере (политика, образование, другие профессии, культурная жизнь), так и в приватной сфере (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, сексуальность и пр.) (Hirdman 1991: 19-20).

Наша исследовательская задача заключается в том, чтобы изучить как работают диахронический и синхронический подходы к гендерной культуре в российском контексте.

В исследованиях, представленных в данном сборнике, мы интересовались главным образом положением женщины, но это не есть идеология нашего подхода, мы вполне сознаем, что для реконструкции гендерной культуры необходимо не менее пристальное внимание к положению мужчин и к отношениям гендерного и полового взаимодействия. Но мы только в начале пути.

Как конструируется гендерная идентичность образованного класса в России советского периода? Вплоть до самого последнего времени различались воспитательные модели для девочек и мальчиков из интеллигентных семей. Подготовка девочек к будущей роли "*работающей матери*" осуществлялась как в семье в период первичной социализации, так и в дошкольных детских учреждениях, позднее в школе, в общественных детских организациях (пионерская и комсомольская организации). Постоянно воспроизводилась двойная ориентация - на материнство и связанное с ней супружество, с одной стороны, и на активность в публичной сфере и, прежде всего, в сфере профессионального труда, с другой. Исследования детской литературы (Gerasimova, Troyan, Zdravomyslova 1996), интервью с родителями и воспитателями дошкольных учреждений, так же как биографические интервью указывают на то, что доминирующий образ женственности предполагает то, что в другом месте мы назвали "квазиэгалитарным" стереотипом -

вспомогательная, но важная роль на службе и материнское предназначение. Именно это наблюдали женщины в своих семьях, где большинство респонденток говорит о работающих матерях и бабушках; читали сказки, где не столько дом был миром Василисы Прекрасной, но и мир становился ее домом. При этом дискриминирующие паттерны, характерные для всякого индустриального общества, воспроизводились, но в камуфлированном виде. Для советского социализма зафиксировано общественное разделение труда по признаку пола, где женщины были заняты в менее престижных и менее оплачиваемых отраслях связанных с функцией социальной заботы. Социализация во многом связана с механизмами произвольного и бессознательного усвоения общественных норм, поэтому ее результаты не воспринимаются как дискриминация, если нет обстоятельств, приводящих к ресоциализации. Укажем на специфические агенты гендерной социализации в советской России.

Роль семьи оказывается весьма специфичной. Это семья, где, как правило, работают оба родителя, и в которой необходимо исполнение роли бабушки. Бабушка - это не родственник, а определенная функция, которую могут выполнять различные родственники, близкие люди или оплачиваемые няни. Эта роль зафиксирована в мифологеме об Арине Родионовне - няне Пушкина. Бабушка - это мощный фактор воспитания и транслятор традиционной культуры.

Мать при этом, как правило, работающая мать, а отец - часто депривированный субъект.

В формировании образа женственности большее значение до сих пор играет детская литература и детское чтение. Этот тезис для нас чрезвычайно важен, особенно при сравнении с западной культурой, где чтение детям вслух не столь распространенная практика воспитания. То, что читается детям вслух, как показывают исследования, проведенные с нашим участием, воспроизводит разнообразные ролевые стереотипы. При том, что гендерный дисплей однозначно и грубо идентифицирует мужественность и женственность, однако ролевое наполнение не соответствует классически патриархатному разделению ролей. Сильная и доминирующая мать - архаическая богиня и царица и старинных русских сказок, которая выполняет "мужские роли" и может переодеваться в мужские платья - это героиня русского фольклора (Gerasimova, Troyan, Zdaravomyslova 1996; Hubbs 1988).

Детский сад - важный агент социальной конструкции гендера. Это учреждение необходимо для воспроизведения и поддержания гендерной системы России. Методические рекомендации по дошкольному воспитанию и профессиональный ежемесячный журнал "Дошкольное воспитание" могут стать специфическим предметом исследования, так же как установки и практики воспитания. При том, что эксплицитно не существовало никакого дифференцированного воспитания по признаку пола, имплицитно оно присутствовало в детских играх, прежде всего ролевых и сюжетных.

Вторичная социализация в школе и в общественных коммунистических организациях также определяла гендерную систему в России. Особую роль следует уделить в дальнейшем исследовании специфическому "спонтанному" сексуальному воспитанию, агентами которого были сверстники или старшие братья и сестры, но не специалисты и не родители. Это и привело к тому, что И. Кон называет сексистским бесполом обществом (Kohn 1995).

Мы подчеркиваем, что социальная конструкция гендера различна для разных социальных классов (страт), разных этносов и религиозных групп. До сих пор наш исследовательский интерес ограничивается европейской городской Россией и ее образованным классом (интеллигенцией). Однако, стоит отметить, что унификационная политика решения "женского вопроса", проводимая советским государством, привела к определенной однородности институтов, обеспечивающих формирование гендерной идентичности в советском обществе.

Разнообразие усиливается сейчас в процессе быстрых социальных изменений.

Все эти, как и другие агенты социальной конструкции гендера способствовали формированию гендерной системы России.

Мы утверждаем, что в советской культуре доминировал тип гендерного контракта, который можно назвать "*контрактом работающей матери*" (Rotkirch, Temkina 1996). Этому соответствует и социализационный паттерн работающей матери и общественное разделение труда,

поддерживавшееся политикой партии-государства. Повторим еще раз, что такой гендерный контракт подразумевает обязательность “общественно-полезного” труда в советском обществе и “обязательность” выполнения миссии материнства как женского природного предназначения.

Особенностью советской и постсоветской гендерной системы является сочетание в ней эгалитарной идеологии женского вопроса, квази-эгалитарной практики и традиционных стереотипов.

Исторические традиции

Традиционные идеалы и квази-эгалитарная практика уходят корнями в российскую (предсоветскую) историю. Традиционное доиндустриальное общество бессмысленно описывать в категориях частной и общественной сфер. Это разделение характеризует процесс модернизации. Женщина в традиционном обществе, выполняя роли хозяйки, матери, занимаясь сельскохозяйственным трудом, не выходит при этом за пределы “своего дома” как своего хозяйства. Социальная роль и влияние женщины в традиционном обществе оценивается как чрезвычайно значимые. Рудименты этой роли сохранились в условиях советского типа модернизированного общества.

В России также запаздывало формирование среднего класса, буржуазии и буржуазных ценностей, которые в Европе лежали в основе сочетания практики и идеала домашней хозяйки, разделения сфер жизни по гендерному признаку: общественная публичная (public) = мужская, частная или приватная (private) = женская. (Engel 1986: 6-7, см. также Glikman 1991, Edmondson 1990, Stites 1978). Традиционные образцы гендерного поведения сочетались с модернизированными.

Гендерная система, окончательно сложившаяся в России (СССР) в 30-е годы, соединила радикальные марксистские и традиционные российские ценности. Вовлечение женщины в производство за пределами семьи в сочетании с традиционными ценностями (Clements 1989: 221, 233) легло в основу доминирующего гендерного контракта.

Доминирующий гендерный контракт

В соответствии с наиболее распространенным - доминирующим -гендерным контрактом женщине предписывалось работать и быть матерью. Однако в деятельности вне дома, формально и неформально обязательной для советской женщины, не предписывалось стремления к карьере. Последнее обстоятельство особенно распространялось на женского участие в политической сфере. Политика считалась и считается мужским делом; хотя "нормативно" низкая политическая активность женщин имеет в советском обществе и особые причины. При участии в политике, которое было обеспечено официальными квотами, предполагалось воспроизведение традиционной женской роли - социальной защиты. Вопросы семьи, материнства и детства - были основными предметами политической деятельности женщин. Таким образом гендерный контракт воспроизводился и на политическом уровне. Такой феномен мы наблюдаем только в России. В 1960-е годы, когда впервые стало фактом массовое участие женщин в политической деятельности в Скандинавии - “социальное материнство” стало сферой их политической деятельности.

Оценка сфер политической деятельности, за которые несут ответственность, женщины как второстепенных, относительна. В современном обществе благосостояния вопросы здравоохранения, социального обеспечения, экологии выдвигаются на передний план в связи изменением ценностей постиндустриального общества. Соответственно оказывается, что женщина ответственна за важнейшие сферы.

Специфика гендерного контракта “работающая мать” заключается не только в том, что предполагается участие женщин в общественно полезном труде и контролируемой общественной деятельности, но и в специфике ее роли в приватной сфере социалистического общества. Частная сфера имела особый характер при социализме. Именно эта сфера своеобразно компенсировала отсутствие свободной общественной сферы, и именно здесь женщина была традиционно

доминирующей. Советский тип модернизации предполагал изменение роли в приватной сфере таким образом, что она являлась личностно чрезвычайно значимой, затруднялся ее контроль со стороны авторитарного государства, и потому она становилась ареной квази-общественной жизни. Роль женщины в советском обществе напоминает ее роль в традиционных аграрных культурах, где гендерная роль традиционна, но важна настолько, что зачастую такую гендерную систему называют матриархатом. Традиционная советская "кухня" - сфера женского доминирования - была символом свободы и интеллектуальной жизни. Особенно ярко это видно в исследовании открытых домой диссидентов, приведенном в данном сборнике (Чуйкина 1996) (см. также Lissyutkina 1993:276). По словам других исследователей, в условиях государственного социализма значимой была не дихотомия общественное / частное, а дихотомия государство / семья, когда семья являлась эрзацем общественной (публичной) сферы, представляя собой анти-государство и сферу свободы (Havelkova 1993).

Кроме того в условиях тотального дефицита частная сфера была сферой особой деятельности по организации повседневной жизни, где доминировала система отношений "взятка-блат", система государственного распределения и привилегий отдельных групп. Эта деятельность требовала специальных навыков, организационных и коммуникативных умений, где также очевидно гендерное измерение.

Женский активизм

Итак, социальная конструкция гендера в России и соответствующая ему гендерная система предполагают высокую степень социального активизма женщин. При этом следует иметь в виду, что этот активизм имеет гендерную специфику - он воспроизводит существующие гендерные стереотипы, как это показано в случае участия женщин в благотворительности и, отчасти, в политической деятельности. Также в процессе участия происходит ресоциализация - изменение гендерных стереотипов, как мы это видим в случае феминистского движения.

Гендерная идентичность, основанная на эссенциалистской идеологии женского предназначения, может стать важным фактором мотивации участия в некоторых видах общественных движений, таких как, например, благотворительные, женские - материнские и др. Гендерная идентичность, основанная на отказе - явном или скрытом - от традиционной роли, может стать идейным мотивом участия в разнообразных формах феминизма (радикального, эмансипационного, либерального, и др.).

Метод

Для изучения культуры (в том числе гендерной), особенно той, в рамках которой исследователи существуют сами, необходим специфический культурно чувствительный инструментарий, который обеспечит как бы "взгляд со стороны". Мы считаем, что одним из таких методов может быть биографическое нарративное интервью. В ходе него рассказчик-респондент представляет нарративы о собственной жизни, где этап за этапом возникают картины практик обыденной жизни. Несомненно, что всякий такой рассказ идеологизирован. Ясно также, что ресоциализация предполагает особенное внимание к идеологической окраске рассказа (это очевидно в нарративах феминисток). Тем не менее, если исключить участвующее наблюдение и анализ материально-вещной среды (символов культуры) анализ текстов таких интервью, особенно нарративов, описывающих конкретные практики, является, пожалуй единственным способом воссоздать уже уходящую культуру.

Литература

Бергер П. и Т. Лукман. 1995. Социальное конструирование реальности. М. "Медиум".

Айвазова С. 1991. Идейные истоки женского движения в России // "Общественные науки и современность" N4, с. 125-132

- Воронина О. 1988. Женщина в мужском обществе // Социологические исследования. 1988. N2.
- Воронина О. 1990. Женщина - друг человека? Образ женщины в массмедиа // Человек. N5.
- Клименкова Т. 1993. Перестройка как гендерная проблема. В сб: M. Liljestrom et al. (Eds.) *Gender Restructuring in Russian Studies*. Tampere. Pp. 155-162.
- Кон И.С. 1993. Устные лекции в Центре гендерных проблем. СПб.
- Посадская А. 1993. Интервью в журнале "Огонек" #38.
- Римашевская Н. М. (отв. ред.) 1991. Женщины в обществе : реалии, проблемы, прогнозы. М. Наука.
- Римашевская Н. М. (отв. ред.) 1992. Женщины в меняющемся мире. М. Наука.
- Чуйкина С. 1996. Участие женщин в диссидентском движении // В этом сборнике
- Braidotti, R. 1994. *Nomadic Subjects*. N.Y., Columbia University Press.
- Clements, B.E. 1989. *The Birth of the New Soviet Woman*. In: Gleason A., ed. et al. *Bolshevik Culture*. Bloomington. Indiana Univ.Press.
- Edmondson, L. 1990. *Women and Society in Russia and the Soviet Union*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Engel, B.A. 1986. *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Gerasimova, K., Troyan, N., Zdravomyslova, E. 1996. Gender Stereotypes in Pre-school Children's Literature. In: A.Rotkirch and E.Haavio-Mannila (Eds.) *Women's Voices in Russia Today*. Dartmouth.
- Giddens, A. 1994. *Sociology*. Polity Press.
- Glikman, R. 1991. *The Peasant Woman as Healer*. In: Clements et al. (Eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, University of California Press.
- Goffman, E. 1976. *Gender Display // Studies in the Anthropology of Visual Communication*. #3, pp.69-77.
- Havelkova, H. 1993. A Few Prefeminist Thoughts. In: Funk, N. & Mueller, M. (Eds.) *Gender Politics and Post-Communism*. NY, L.: Routledge. Pp.62-74.
- Hirdman, Y. 1991. *The Gender System*. In: T. Andreasen, et al. (Eds.) *Moving on. New Perspective on the Women's Movement*. Aarhus Univ. Press. Pp. 208-220.
- Hubbs, J. 1988. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Indiana University press.
- Kohn, I. 1995. *The Sexual Revolution*. NY. The Free Press.
- Lissytukina, L. 1993. *Soviet Women at the Crossroads of Perestroika*. In: Funk N., ed. *Gender Politics and Post- Communism*. NY, L.: Routledge.
- Lorber, S., Farrell, S. (Eds.). 1991. *The Social Construction of Gender*. Sage Publications.
- Mannheim, K. 1952. *The Sociological Problem of Generations* In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. London.
- Posadskaya, A. and E. Waters. 1995. *Democracy Without Women IS No Democracy: Women's Struggle in Postcommunist Russia*. In: A. Base (Ed.) *The Challenge of Local Feminisms*. Wesview Press. Pp. 374-405.
- Rotkirch, A., Temkina, A. 1996. *The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia // Actia Sociologia*. В печати.
- Renzetti C. & Curran D. 1992. *Women, Men, and Society*. Boston: Allyn & Bacon.
- Spense, J. 1984. *Gender Identity and Its Implications for the Concepts of Masculinity and Femininity*. - Nebraska Symposium on Motivation, Vol.32. University of Nebraska. Lincoln and London.
- Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. NY: Oxford Univ.Press.
- Stites, R. 1978. *The Women's Liberation Movement in Russia*. Princeton University Press.
- Turner, R. and L.Killian. 1957. *Collective Behavior*. Englewood Cliffs.

Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение.

Гендерное измерение политики и проблемы женского политического участия стали важной сферой исследовательского интереса в Западной Европе и Америке с 1970-х годов. За последние 30 лет под влиянием социальных и культурных изменений и женского движения произошли существенные сдвиги в политическом участии женщин.

Вплоть до настоящего времени, однако, почти во всем мире политическое представительство женщин оставалось ниже, чем мужчин (Costantini 1990, Genovese 1993, Randall 1897). В начале 90-х годов женщины составляли 2% в сенате в США, 7% в Британском парламенте, 10% - среди немецких парламентариев (Genovese 1993: 2). По словам Гидденса, удивителен даже не столько низкий уровень представительства женщин в политике, сколько то, что такое положение меняется крайне медленно по сравнению с другими сферами, даже с бизнесом (Giddens 1989: 324).

Культурные ценности, - указывает другой автор, - подразумевают маргинальное положение женщин, их идентичностей и интересов; политика продолжает отражать интересы мужчин (Charman 1993: 11). Вместе с тем существуют общества, где положение женщин за последние двадцать пять лет изменилось столь сильно, что к ним вряд ли можно применить высказывание Гидденса.

Таким регионом является Скандинавия. В начале 90-х годов в среднем по Скандинавии доля женщин среди парламентариев составляла 30%, в Финляндии - 39%. Улучшение положения женщин было столь существенным, что изменилось в целом "лицо" политики (Karvonen & Selle 1995: 4, 21).

Стали неприменимыми модели маргинализации женского политического участия, а сама маргинализация оценивается как миф, по крайней мере в Скандинавии (Raum 1995: 25-26). Изменилось не только положение женщины, но и отношение к ней общество, государства. В настоящее время можно говорить о разрушении системы патриархата (как это считалось в 70-е - 80-е годы), и становлении общества, с благоприятными для женщины условиями (woman-friendly society).

По мере того, как менялось положение женщины в политике, менялись интерпретации и акценты научных исследований женского политического участия.

В 50-е - 60-е годы принадлежность по полу рассматривалась как одна из многих переменных, определяющих политическое поведение. Женское участие не являлось особой сферой исследования. Начиная с пионерского исследования М. Дюверже, указавшего на меньшую политическую активность женщин по сравнению с мужчинами, данному факту давались преимущественно психологические объяснения (Duverger 1955). В то время считалось, что женщины более привержены традиционным ценностям и консервативным взглядам. Однозначно признавалась биологическая связь принадлежности по полу и поведения, в частности мужественности (агрессивности) и политической деятельности. Согласно этой позиции женщины "по своей природе" не могут принимать маскулинный стиль политики и не могут иметь самостоятельных политических предпочтений, разделяя политические взгляды своих мужей. Таким образом, если муж и жена голосуют по-разному, то выбор мужчины объясняется рационально, а выбор женщины - иррациональными причинами. Женщины в принципе более эмоциональны и менее политически заинтересованы (см. об этом, например: Lovenduski et al. 1981).

1970-е годы стали годами роста интереса к проблеме соотношения пола и политики. Под влиянием феминистского движения и расширения участия женщин в производстве гораздо большее количество женщин стало заинтересованным в политическом участии. Акцент исследований все более смещался на проблемы политической социализации, социальные и экономические проблемы.

В эти годы не только произошел приток женщин в политику и переоценка женского политического поведения, но и изменилось отношение ко многим вопросам, которые раньше считались личными, частными. Разводы, аборт, насилие и разделение труда в семье стали предметом общественных дискуссий. Ранее табуированные темы появились в политической повестке дня. Лозунг женского движения "личное - это общественное" означал критику либерального разделения личной (частной) и общественной (публичной) сфер общества. Исключение женщины из общественной сферы (труда и политики) означало исключение из политики "женских" вопросов. Такая политика была названа феминистками патриархальной.

В 80-е годы установилось относительно конвенциональное описание причин низкого уровня представительства женщин в политике (Costantini 1990; Bookman & Morgan 1988, Helblom 1987, Randall 1987). Среди наиболее значимых факторов политического участия указывались политическая социализация, структурные и ситуационные (биографические) факторы.

Рассмотрим влияние каждого из блоков факторов на политическое участие женщин.

Разная политическая социализация ориентирует мужчин и женщин на разные роли, разное отношение к политике и активной деятельности вообще. Политическая сфера считается неподходящей сферой для приложения жизненных сил женщины. В процессе социализации поощряется независимое, уверенное поведение мальчиков, ориентируемое на достижение целей, и зависимое поведение девочек, ориентируемое на заботу об окружающих. "В детстве мальчику говорят, что когда он вырастет, то сможет однажды стать президентом, а девочка может надеяться на то, чтобы выйти замуж за мужчину, который однажды станет президентом" (Renzetti & Curran 1992:260). Даже после изменения представлений о гендерных ролях в 70-е годы, политика оставалась той сферой, где разные роли женщины приходят в максимальное противоречие друг с другом. Политически активная женщина "должна прийти к осознанию себя как личности..., которая разрешает ... противоречие между убеждением в собственной политической эффективности ... и общественным представлением о том, что никакая женщина не может достичь достаточного (для политика) уровня компетентности" (Genovese 1993:5).

В традиции Парсонса влияние политической социализации интерпретировалось следующим образом (Parsons & Bales 1955). Мужчина приходит в политику преимущественно в целях своей карьеры. В этой сфере так же, как семье, он специализируется на "инструментальных" функциях, ориентируясь на внешние задачи системы. Женщины-политики гораздо в меньшей степени ориентируются на карьеру, они специализируются на "экспрессивных" функциях, внутренних задачах системы, обеспечивая интеграцию ее членов.

Второй блок причин представляют структурные факторы участия, т.е. те факторы, которые связаны с социальной структурой общества. Среди них выделяются неравномерность в распределении ресурсов, которые мужчины и женщины могут использовать в политике. Определенное гендерной системой неравенство в уровне образования, доходов, опыта работы приводит к тому, что женщины меньше представлены в тех слоях, из которых происходит рекрутирование в политику, поэтому их шансы на политическое участие значительно меньше. Женщины часто приходят в политику из сфер образования и здравоохранения, обладая меньшим политическим опытом, чем мужчины. В последние годы, однако, ситуация меняется, растет количество женщин юристов и бизнесменов, имеющих богатый политический опыт.

Третий блок составляют ситуационные (биографические) факторы. Они связаны с особенностями жизненного пути женщины в современном обществе. До сих пор в большинстве своем женщины несут ответственность за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, и именно поэтому не имеют достаточного времени или энергии для политической деятельности. Не случайно женщины, как правило, приходят в политику в более позднем возрасте по сравнению с

мужчинами, а среди “женской политической элиты” чаще встречаются одинокие, разведенные, вдовы. Это не означает, что мужчины не испытывают конфликта между политической карьерой и семейной жизнью. Однако мужчины занимаются политикой, *несмотря* на такой конфликт, а женщины из-за такого конфликта склонны отказываться от политической карьеры. По данным некоторых исследований, женщины гораздо реже, чем мужчины удовлетворяют свои политические намерения (см. Renzetti 1992: 260).

Кроме этих трех блоков факторов, авторы указываются также на такие причины низкого политического участия женщин как дискриминация, препятствующая их политической активности. Она проявляется как в нежелании предоставить женщинам ключевые политические посты, так и в нежелании избирателей голосовать за женщин. Подчеркивается, что в настоящее время и электорат, и мужчины-политики становятся более лояльными по отношению к женщинам (Welch et al. 1985, Costantini 1990).

Изменение теоретических подходов к исследованию проблем женского политического участия связаны с изменением парадигмального подхода к положению женщины в обществе, который схематично можно описать следующим образом.

В 50-е - 60-е годы гендерные различия интерпретировались как различия по признаку пола. Термин “гендер” еще не стал привычным в научной дискуссии. Поло-ролевые различия интерпретировались как биологически обусловленные и иерархически организованные. Согласно такой интерпретации гендерные различия не подразумевают гендерного равенства. Примером тому может быть отношение к женщинам как “к слабому полу”, нуждающемуся в защите.

В 70-е годы возникли два новых подхода: гендерно-нейтральный и гендерно-чувствительный.

Гендерно-нейтральный подход основан на принципах гендерного равенства и отсутствия гендерных различий. Идеологически он связан с либеральным направлением женского движения.

Гендерно-чувствительный подход подчеркивает сочетание гендерного равенства и гендерных различий. Он связан с радикальным направлением женского движения (схема “гендерно-нейтрального” - “гендерно-стереотипизированного” - “гендерно-чувствительного” - “индивидуально-центрированного” подходов описана в: Smeds et al. 1994: 26-27, Oskarson 1995: 61-63).

Акценты научных исследований сначала были связаны с первым подходом, исходя из необходимости ответа на вопросы: “Почему женщина не занимает равных с мужчиной позиций в политике? Что мешает? Что необходимо изменить для достижения женщиной равного с мужчиной положения?” Гендерно-нейтральный подход доминировал в Скандинавии. Практически все исследователи признавали, что влияние ситуационных и структурных факторов таково, что в распоряжении женщин находится меньшее количество ресурсов политической деятельности. Так, например, на Западе уровень образования женщин ниже, чем у мужчин, меньше их заинтересованность в политике, их повседневная жизнь в семье отдалена от политической сферы. Если они участвуют в политике, то обычно отвечают за маргинальные области: образование, здравоохранение, социальную политику.

В последней трети XX века количество политических ресурсов, имеющихся в распоряжении женщин, увеличилось; в некоторых организациях уровень женского участия даже стал выше, чем мужского (Oskarson 1995: 60). В соответствии с этим методологические акценты сместились в сторону гендерно-чувствительного подхода, исследователи ставили перед собой задачу выяснить, что специфического приносят женщины в политику? Каковы их особые интересы и роли в политической деятельности? Каковы различия политического стиля мужчин и женщин? Что влияет на формирования различных политических ценностей мужчин и женщин? Почему сохраняются гендерные различия в политических пристрастиях? Возник даже вопрос о том, говорят ли мужчины и женщины на разных политических языках (Karvonen 1995).

После победы в 1980 на президентских выборах в США консервативного кандидата Рональда Рейгана в американском феминистском дискурсе стало использоваться понятие “гендерного разрыва” (gender gap). Это понятие отображает наличие непреодолимых гендерно-

обусловленных расхождений в политическом участии, оценках, партийных предпочтениях и голосовании мужчин и женщин (Conover 1988). Оно было призвано не только зафиксировать, но и интерпретировать тот факт, что женщины стали менее активны в поддержке консервативной политики, чем мужчины. Было признано, что женщины имеют особые интересы в совмещении материнской и профессиональной ролей, более уязвимы на рынке труда, более чувствительны к социальной политике, и потому имеют особые политические предпочтения, чаще голосуя за социалистические и социал-демократические партии. Если раньше женщины были склонны более активно голосовать за правые партии, ориентирующиеся в числе прочего на традиционные ценности и роль семьи, то теперь они голосуют за левых. Возможности социальной защиты ассоциируются не с институтом семьи, а с государством. Гендерный разрыв во взглядах на проблемы окружающей среды, социальной защиты и внешней политики стали интерпретироваться как следствие исторически и культурно различных ролей мужчин и женщин (Renzetti 1992: 252).

В рамках гендерно-чувствительного подхода к ранее поставленным вопросам о доступности ресурсов политического участия добавились вопросы об особых интересах женщин в политике, о разных ожиданиях по отношению к женщинам и мужчинам в политике. Утверждалась некоторая общность женской судьбы и соответствующих интересов - интересов сестринства. Общие интересы женщин, согласно этой аргументации заключаются в том, чтобы не подвергаться дискриминации, защищать политику социального благосостояния и избегать военных конфликтов (Jonasdottir 1988).

Вместе с тем, в странах, где проводится государственная политика равных возможностей для мужчин и женщин, где повышение уровня образования и участия в производстве выравнивается в гендерном отношении, женщины и мужчины получают равный доступ к политическим ресурсам, проблема гендерного разрыва в политических предпочтениях либо утрачивает актуальность (Oskarson 1995), либо получает иной смысл. Это относится прежде всего к скандинавскому дискурсу.

Именно в Скандинавии в середине 90-х годов появились исследования, посвященные благоприятным для женщин политическим отношениям, и критика теорий маргинализации женщины (Oskarson 1995, Raaum 1995). В государстве, политика которого благоприятна для женщины, стали нерелевантными положения о том, что женщины не заинтересованы в политическом участии, поскольку политика продолжает выражать мужские интересы. Соответственно поменялось действие структурных и ситуационных (биографических) факторов женского политического участия. Очевидно под сомнение был поставлен и "железный закон: чем больше власти - тем меньше женщин" - представительство женщин на верхних уровнях управления неуклонно растет. Существование общественного разделения труда, преобладание женщин в образовании, здравоохранении и социальной политике привело не к исключению их из политической сферы, а к их возросшей политической ответственности за эти области. В современном постиндустриальном обществе эти области уже не являются второстепенными по сравнению с теми, где до сих пор по традиции большинство составляют мужчины (финансы, транспорт, сельское хозяйство, внешняя политика). И в настоящее время в развитых странах разделение труда на основании гендера не является синонимом функциональной маргинализации женщин (Raaum 1995:50).

Итак, к середине 90-х годов в исследовании политического участия женщин был сформулирован тезис о наличии гендерного разрыва, при отсутствии маргинализации женщин в политике. В сферу исследовательского интереса стали включаться различия в политическом участии женщин, принадлежащих к различным социальным, национальным, этническим группам. На смену тезису о мировом сестринстве пришел тезис о множественности гендерных культур.

Литература

- Carnaghan, E. & Bahry, D. 1990. Political Attitudes and the Gender Gap in the USSR // *Comparative Politics*. V.22, N.4.
- Chapman, J. 1993. *Politics, Feminism and the Reformation of Gender*. L: Routledge.

- Conover, P. J. 1988. *Feminism and Gender Gap* // *Journal of Politics*. Vol.50, N.4.
- Costantini, E. 1990. *Political Women and Political Ambition: Closing the Gender Gap* // *American Journal of Political Science*. V.34, N.3. Pp.741-770.
- Bookman, A. & Morgan, S. (Eds.) 1988. *Women and the Politics of Empowerment*. Philadelphia: Temple University Press.
- Duverger, M. 1955. *The Political Role of Women*. Paris, UNESCO.
- Genovese, M., ed. 1993. *Woman as National Leaders*. Newbury Park: Sage.
- Giddens, A. 1989. *Sociology*. Polity Press.
- Haavio-Mannila, E. et al. (Eds.) 1985. *Unfinished Democracy*. Oxford: Pergamon Press.
- Helblom, M. 1987. *Women and Power in American Politics*. Washington: American Political Science Association.
- Jonasdottir, A. 1988. *On the Concept of Interest, Women's Interest, and the Limitation of Interest Theory*. In: Jones, K. & Jonasdottir, A. (eds). *The Politics of Gender*. L: Sage.
- Karvonen, L. & Selle, P. 1995. *Introduction: Scandinavia: A Case Apart*. In: Karvonen, L. & Selle, P. (Ed.) *Women in Nordic Politics*. Dartmouth.
- Karvonen, L. et al. 1995. *Political Language*. In: Karvonen L. & Selle P., ed. *Women in Nordic Politics*. Dartmouth.
- Lovenduski, J. & Hills, J. (Ed.) 1981. *The Politics of the Second Electorate Women and Public Participation*. L: Routledge.
- Oskarson, M. 1995. *Gender Gap in Nordic Voting Behaviour*. In: Karvonen, L. & Selle, P. (Eds.) *Women in Nordic Politics*. Dartmouth.
- Parsons, T. & Bales, R. 1955. *Family, Socialization and Interactional Process*. The Free Press. Glencoe. Illinois.
- Randall, V. 1987. *Woman and Politics*. L.: MacMillan.
- Raaum, N. 1995. *The Political Representation of Women: A Bird's Eye View*. In: Karvonen, L. & Selle, P., eds. *Women in Nordic Politics*. Dartmouth.
- Renzetti, C. & Curran, D. 1992. *Women, Men, and Society*. Boston: Allyn & Bacon.
- Smeds, R. et al. 1994. *Sweeping Away the Dust of Tradition*. In: Cockburn, C. et al. (Eds.) *Bringing Technology Home*. Open Univ.Press.
- Welch, S. et al. 1985. *The Effect of Candidate Gender on Electoral Outcomes in State Legislative Races* // *Western Political Quarterly* 38: 464-75.

ЖЕНСКИЙ ПУТЬ В ПОЛИТИКУ: ГЕНДЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Реформы второй половины 1980-х годов - перестройка - радикально изменили отношение к политике в российском обществе. Политическое участие стало способом проявления гражданского отношения к реформам. В 89-90-х годах резко возрос уровень массовости в общественных движениях. Иным стало отношение к выборам, к тем, кто избирается в органы государственной власти. Формальное, пассивное, обязательное участие в комсомольско - партийно - профсоюзной - депутатской общественной (политической) работе сменилось массовым энтузиазмом. Начало радикальных экономических реформ (январь, 1992) повлекло за собой спад массовой мобилизации. Профессионализация политики изменила требования, предъявляемые к политикам. Изменились и сценарии выхода на политическую сцену, хотя в биографиях многих политиков "новой волны" присутствует комсомольско-партийно-профсоюзно-депутатское лидерское прошлое, являющееся важнейшим, если не единственным способом политической социализации активистов в период социализма. Другие политики вышли на сцену, не имея ранее политического опыта. В их прошлом - только опыт участия в движениях конца 80-х. Третьи начинают проявлять интерес к политике, лоббируя свои профессиональные интересы, как в государственном, так и в частном секторе. Сценарии выхода на политическую сцену стали многообразными.

Гендерная перспектива политического участия имеет свои особенности. В 89 - 90 годах многие женщины участвовали в рядовой политической деятельности. Впоследствии, по мере профессионализации политики и спада массовой мобилизации, уменьшилось гражданское участие в политике вообще и участие женщин в политике, в частности. На политической арене действует едва ли более десятка заметных женщин-политиков, несмотря на то, что с 1993 года существует движение и фракция "Женщины России" (до 1995 года), а женское движение (в том числе феминистское) возникло и развивается с 90-е годов.

На основе использования материалов глубинных интервью в данной статье рассматриваются возможности и ограничения женского политического участия в России. Проанализируем некоторые сценарии прихода женщин в политику в условиях переходного периода. Рассмотрим, как выглядит повседневная жизнь и занятость в частной сфере политически активных женщин; как они оценивают роль женщины в политике и свою собственную, в частности; какие препятствия существуют для политического участия женщин и каким образом их можно преодолеть.

Особенности политического участия в России периода реформ

В 1970-х годах предметом западных исследований стало положение женщины в СССР, в том числе ее политическая деятельность. Это произошло в значительной мере под влиянием женского движения и развития феминистских академических исследований. Взоры американских и европейских исследователей устремились в направлении той страны, которая одной из первых провозгласила равенство полов. Там, однако, они обнаружили, что вопреки декларациям женщины практически исключены из сферы принятия решений, у женщин отсутствует доступ в высшие политические сферы (напр., Browning 1985, Moses 1978). Объяснение причин давалось в том же ключе, что и для западных обществ (см. Темкина в этом же сб.): механизмы рекрутирования элиты в СССР в сочетании с процессом социализации определяет возможности для политической женщины (*the political woman*). Женщины либо не участвуют в политике, либо занимают в ней второстепенные позиции.

Политическая маргинальность женщин в советском обществе объяснялась, с одной стороны, недостаточной мотивированностью участия, а, с другой, - дискриминацией (Lapidus 1978).

Поскольку женщина в СССР и работала в общественном производстве, и выполняла основные обязанности в частной сфере, она была ограничена в возможностях политического участия (ситуационное объяснение).

В политике женщины в большинстве своем были ответственны за сферы здравоохранения, образования, социального обеспечения, за отрасли легкой промышленности (структурное объяснение).

Женщины, как правило, имели и имеют иное, по сравнению с мужчинами, образование. Социализация ориентирует мальчиков на технические профессии, а девочек - на те специальности, которые легче совмещаются с семейными обязанностями (учитель, врач и пр.) (Lapidus 1978: 224).

Разумеется, недемократический характер советского режима прежде всего определял сущность политического участия вообще и женского участия, в частности. Кроме того, особенности гендерной системы и социальной конструкции гендера влияли и продолжают влиять на политическое поведение женщин в переходный период.

Тема “женщина и политика” получила новое звучание в 90-е годы, поскольку появились возможности проведения конкретных исследований, и что не менее важно, появились новые интерпретации гендерного измерения политики (Carnaghan & Bahry 1990, Voronina 1994, Константинова 1992, Кочкина 1992, Осадчая 1991). Воронина, например, считает, что феномен “женского политического аутсайдерства” объясняется советской эмансипацией, которая ориентировалась на мужчину как на образец; комбинацией формального равенства полов, отсутствия реального равенства и обструкции женского движения (Voronina 1994).

На мой взгляд, тенденции политического участия женщин определяются особенностями гендерной системы советского общества (среди которых существуют как общие социализационные, структурные и ситуационные факторы, так и специфические факторы, влияющие на политическую деятельность) и циклами политической трансформации.

Case-study. С.-Петербург. 1994: проблемы политического участия в гендерном измерении

Политическая трансформация в России: циклы мобилизации

В периоде трансформации в России 1985 - 1995 годов можно выделить два цикла реформ и протеста. Первый цикл - перестройка (1985 -1991) характеризовался возникновением и массовой мобилизацией общественных движений, массовой поддержкой населением демократических преобразований в стране (Duka, Kornev, Voronkov, Zdravomyslova 1995). Это был период новых политических, культурных, социальных и социально-психологических возможностей для возникновения общественных движений. Перестройка стала также периодом формирования новых образцов политического поведения, периодом массового политического участия, создания новых политических институтов и объединений граждан, массового участия в альтернативных выборах.

Второй период трансформации - период экономических реформ (1992-1995) - характеризовался спадом мобилизационной волны, снижением заинтересованности в политическом участии и уровня доверия к политической власти. Этот период был в целом неблагоприятным для развития общественных движений. Политическая демобилизация стала одной из причин того, что возникшие в данный период женские движения (“Женщины России”, “Женщины Петербурга”, феминистские группы) не получили массовой поддержки.

Таким образом электоральная ситуация для женщин, баллотирующихся в депутаты в Городское собрание С.-Петербурга в 1994 году, была вдвойне неблагоприятной. Во-первых, женское политическое участие оставалось маргинальным как и в советское время. Во-вторых, выборы проходили на фоне политической демобилизации. В результате в Городское собрание была избрана всего одна женщина.

Исследование проводилось методом глубинного неформализованного интервью. Было проинтервьюировано 28 женщин, баллотировавшихся в депутаты. Среди них были

профессиональные политики (деятели профсоюзов, активисты партий и движений, представители законодательных и исполнительных органов) (около 1/3 опрошенных); бизнесмены и руководители государственных предприятий (более 1/3) и представители других профессий. Одна треть опрошенных были представителями женского блока “Женщины С.-Петербурга”. В результате исследования были идентифицированы сценарии вхождения российских женщин в политику (“пути в политику”), структурные и ситуационные факторы женского политического участия.

Структурные факторы женского политического участия

Структурные объяснения исходят из гендерного разделения труда в обществе, неравномерности распределения ресурсов, которые мужчины и женщины могут использовать в политике (разный уровень образования, доходов, опыта работы). Женщины чаще приходят в политику из сфер образования и здравоохранения, и обладают меньшим политическим опытом, чем мужчины. В целом женщины до сих пор являются “маргиналами в политике”. Это подтверждается и структурой депутатского корпуса периода перестройки.

В 1989 года на Съезд Народных депутатов СССР было избрано 352 женщины из 2250 человек, что составило 15.7% (Первый съезд... 1989: 41-44). В данных выборах ранее существовавшие квоты для социальных групп (в том числе женщин) были заменены квотами для общественных организаций (в том числе для Комитета Советских женщин), которые затем были отменены в 1991 году.

Выборы в С.-Петербургское Городское собрание в 1994 году проходили в условиях отсутствия каких-либо квот. У этих выборов было два этапа. На первом этапе выдвигались как кандидаты от 16 электоральных объединений, так и независимые кандидаты. На 50 мест претендовали 754 кандидата. Среди них было 97 женщин, что составило 13%. На втором этапе среди выдвинутых 277 кандидатов от 9 блоков было 20 женщин (7%). В результате была избрана одна женщина (что составило 2% от депутатского корпуса).

Среди кандидатов были выраженные гендерные различия по профессиональной принадлежности. Большая доля женщин пришла из здравоохранения и образования. По другим профессиям существенных гендерных различий не было. По возрасту также наблюдаются гендерные различия. Большая доля женщин, чем мужчин, была в возрасте от 41-50 лет. Женщин было меньше в возрастных группах до 30 лет и после 51 года.

Такой состав кандидатского корпуса подтверждает теорию структурного подхода к участия женщин в политике.

Сценарии прихода в политику

Среди тех женщин, которые были выдвинуты кандидатами в депутаты, были *случайные персоны*. В интервью они говорили, что совершенно не хотят заниматься политической деятельностью, не видят себя политиками. Баллотировавшись в депутаты, они лишь подчинились решению выдвинувшей их политической организации.

Однако большинство женщин сознательно сделали этот шаг, и на их примере мы можем рассмотреть, как выглядит сегодня женский путь в политику. Собранные *рассказы о жизни* (life-stories) представляют варианты политического продвижения в ситуации оттока женщин из политики, спада политической мобилизации, хаотичности и нестабильности политической жизни в целом. *Кто* же все-таки проявляет интерес к политическому участию? *И почему* они это делают?

Используя широко распространенный в западных женских исследованиях метод, дадим высказаться самим рассказчицам, комментируя нарративы.

В большинстве случаев политика стала продолжением карьеры женщин - профессиональной или политической. При этом в начале 90-х годов существовало два основных канала

политического рекрутирования: (1) через политические институты и профессиональные карьеры “старого образца” и (2) через новые политические организации и профессиональные карьеры. Новые возможности появились в связи с возникновением общественных движений и партий, новых профессий и новых элит. “Новому” и “старому” рекрутированию соответствуют два поколения в политике - те, кто пришел в нее до 1985-1989 годов, и те, кто пришел позднее.

СЦЕНАРИЙ ПЕРВЫЙ “Политика как продолжение профессиональной карьеры”.

Те женщины, чей путь в политику начался с успешной профессиональной карьеры, обычно занимают высокие позиции на государственных предприятиях (старый канал рекрутирования) или в бизнесе (новый канал). И в тех, и в других случаях женщины были в той или иной степени активны в комсомольских или партийных организациях, единственных каналах реализации социальной активности в доперестроечное время.

Рассмотрим типичные примеры таких биографий.

(1) Вера. Женщина-финансист, около 40 лет, замужем, имеет ребенка младшего школьного возраста, образование высшее, кандидат наук, высокий уровень благосостояния. До перестройки политической деятельностью не занималась, хотя и состояла в партии, в период перестройки стала заниматься партийной работой на уровне предприятия, что было отчасти случайностью. Приведем нарратив, который показывает, как наша респондентка стала членом КПСС и в последствии попала на руководящую должность “местного уровня”.

“У меня в общем-то политической биографии нет. Я экономист, в институте была зам. секретаря парткома. Но это была, честно говоря, случайная вещь, поскольку выбрали меня туда где-то в середине меня, когда я находилась в институте повышения квалификации, по принципу: выберем, кого нет, лишь бы не нас. А что касается вступления в партию, то я не могу сказать, чтобы у меня был резко выраженный негатив по отношению к КПСС, у меня была свекровь, которую я очень любила, и она была секретарем парткома ЖЭКа, будучи смертельно больным человеком. Просто работала, с отдачей, и мне это нравилось. Были очень приличные люди в партии. Честно говоря, условием нашей работы в то время было членство в партии... Я была очень своеобразным зам. секретаря парткома, думаю, что шокировала всех в райкоме партии, у меня была самая короткая юбка, самые темные колготки... Время было трудное, появился “Демократически союз”, кришнаиты, босые студенты с крысами - мода появилась, и те, кто традиционно занимались проблемами, как-то резко отошли, по боязни проблем, так скажем.”

Впоследствии наша респондентка по причинам, связанным с ее профессией в области науки стала постепенно ориентироваться на новые экономические структуры.

“Я занималась вопросами экономического развития, если это широко сформулировать. Я одна из первых стала читать лекции по основам предпринимательской деятельности, мы читали буквально с листа, то что сами успевали перевести. Я стала понимать, что мне не хватает знаний в области практики, шел уже 87 год. И стала брать приработки по анализу положений предприятий, вывода их из сложной ситуации. Мы начали писать учредительные документы коммерческим структурам, и в конечном итоге это привело нас к созданию финансовых компаний. И сейчас я являюсь учредителем многочисленных новых компаний.”

Что касается политики, то она явилась следствием профессии, с одной стороны, а другой стороны, следствием успешно делаемой карьеры. Профессия экономиста, участие в крупном бизнесе вплотную подвели к проблемам экономической политики. Но, с точки зрения самой

респондентки, наиболее важным был “творческий” мотив, потребность в саморазвитии и экзистенциальной рефлексии.

“Я всегда, всю жизнь занимаюсь саморазвитием....Я люблю заниматься темами, которые не знаю. Я никогда не занималась практикой, я стала заниматься практикой, я никогда не занималась политикой - стала заниматься политикой... Наличие материальной основы и где-то по большому счету возраст поставили вопрос “смысла жизни”. Это сложный философский вопрос: “Нужно ли делать добро другим?” Хочется какой-то след оставить...”

Что касается непосредственного выдвижения в кандидаты, то оно проходило по “принципу команды”. “Команда” попросила участвовать, поддержала в избирательной компании, перед ней существует ответственность и обязательства.

“Как меня выдвинули? Позвонил лидер блока и сказал, что формируется блок, неплохо бы, чтобы люди, которые друг другу доверяют, объединились на основе непротиворечащих платформ.”

Таким образом, данный случай представляет собой вариант рекрутирования в политику через профессиональную карьеру нового типа. Рассмотрим теперь другую историю политической жизни, рекрутирование через профессиональную карьеру традиционного типа - с руководящего поста государственного предприятия. Следующий случай, кроме того, типичен - женщины чаще занимают руководящие посты в сферах традиционной женской занятости.

(2) Зоя. Руководитель государственного предприятия в области здравоохранения, около 50, замужем, имеет ребенка-подростка, образование высшее, кандидат наук, материальный уровень выше среднего. Всегда была активной, в институте была секретарем комитета комсомола, старостой группы, была (два года, в перестроечное время) членом КПСС. После окончания института училась и в дальнейшем быстро продвигалась по профессиональной лестнице, вплоть до руководящей должности в области здравоохранения.

“Как я пришла в политику? Конечно, я не великий политик. Но самые основные вопросы здравоохранения волновали меня, волновали весь коллектив, волновали группу поддержки. Мы может быть лучше всех видим, в каком состоянии находится наше общество: наше здравоохранение все меньше и меньше получает финансирования. Трудно работать, мы работаем на энтузиазме... И вот поэтому, чтобы вопросы здравоохранения не были на задворках, чтобы нас услышали (я стала кандидатом в депутаты - А.Т.)”

В данном случае мы видим типичный пример лоббирования профессиональных интересов.

СЦЕНАРИЙ ВТОРОЙ “Политика как профессия”.

Среди тех женщин, которые в настоящее время продолжают заниматься политической деятельностью, есть такие, которые относятся к “старому поколению” политиков и были всегда активны - в комсомоле, профсоюзе, партии, и такие, которые пришли в политику во время перестройки из бывших аутсайдеров или политически пассивных интеллектуалов. Приведем примеры обоих типов политического участия.

(1) Дина, профессиональный политик нового поколения, около 40 лет, двое детей подросткового возраста, образование высшее, материальный уровень средний, журналист.

Свою политическую биографию отсчитывает с детских лет. Если в случае *сценария профессиональной карьеры* женщины часто отмечают, что главное для них - профессиональный

интересы, а политика - это только средство, то данный сценарий предполагает наличие собственно политической мотивации. Не случайно респондентка интересовалась политикой с детства.

“Я интересовалась политикой с детства. Родители работали в геологической экспедиции, и это было время, когда начали возвращаться освобожденные после массовых репрессий. Они не имели права вернуться в крупные города, они приходили в горы, там, где жили мои родители. Они приходили и рассказывали, я на этих рассказах выросла. И я стала сравнивать то, что пишут в газетах, с тем, что рассказывали эти люди. В молодости читала Солженицына и соглашалась с ним. В период застоя я была аутсайдером, даже эмигрировать хотели... Я пришла в политику, когда все вышли на улицу. Мне казалось, что я только одна, потому что во всех коллективах, где я была, у меня не было единомышленников. И когда я увидела такую массу людей, все эти митинги... Я впервые увидела людей, которым не надо объяснять, которые многие моменты истории оценивали так же, как я. И так я попала в “Народный фронт”, хотя мне, конечно, больше нравился “Дем.союз”. Но мне казалось важным, чтобы в политику пришли не только аутсайдеры, дворники, операторы котельных...”

Эту биографию можно охарактеризовать как диссидентскую: хотя респондентка и не занималась диссидентской политической деятельностью, в советское время она являлась сознательным аутсайдером, аполитичным человеком. Данная биография имеет много общего с феминистской биографией. Не случайно Дина, хотя и не состоит в феминистских организациях, относится к ним с симпатией и лично знакома с некоторыми феминистками. Есть у этой респондентки и лидерский комсомольский опыт, который, однако, закончился “выбытием из комсомола” по причинам несогласия с принудительностью комсомольской подписки.

После включения в политическую деятельность в период перестройки Дина принимала участие в создании других демократических организаций, работала журналистом, в информагентстве, сохраняя тесные связи с демократическим движением города. Неоднократно баллотировалась в кандидаты.

Эта респондентка, выйдя на политическую арену из аутсайдерства, стала профессиональным политиком. Ее политическая социализация была диссидентской, однако, небольшой период комсомольской активности в ней тоже присутствовал. В период перестройки это была типичная “демократическая” карьера, отразившая разногласия и противоречия демократического движения.

(2) Женя, профессиональный политик, около 50 лет, двое взрослых детей, замужем, на освобожденной политической работе находится около 10 лет, средний материальный достаток. Заочно училась в институте, была выдвинута на профсоюзную работу, с которой началась ее политическая карьера. С 1989 года стала участвовать в реальной политической деятельности.

“Я вообще по натуре энергичный человек и вечно в каком-то движении: получается - не получается. В молодости не только комсомол. Я занималась художественной самодеятельностью, всю жизнь какие-то туристические слеты, все время какое-то движение. Такой характер - активность и самолюбие... А когда борьба развернулась, жизнь заставила крутиться. Знаете, приходит человек и задает тебе вопрос, и ничем помочь не можешь - зачем тогда сидишь председателем?...”

“Как произошел выход на политическую сцену? Выбрали случайно, это было стечение обстоятельств, но мне эта работа понравилась, мы пытались отстоять интересы делового человека не просто на бумаге, а действительно на деле... Все было жизненно и просто. Мы жили в коммунальной квартире, и когда освободилась соседняя комната, пришлось пойти на служебную площадь, чтобы у нас стала квартира отдельной. А там я уже была выдвинута на профсоюзную работу... Проходит выборная кампания, 1989 год. По тем временам это была непродуманная случайность, оказаться председателем профкома было непривычно...”

Но мы пытались действительно отстоять интересы трудового человека, не на бумаге. А тут пикетирование, комиссии, изменения в законодательстве... Потом выдвинули в областной комитет. Но когда меня выдвинули в кандидаты, я долго колебалась, это большая ответственность, но согласилась...”

Мы видим достаточно типичный вариант, когда первоначально на политическую работу женщина попала почти случайно. Но изменились условия, и ее должность стала значимой для общественной борьбы. Из относительно формальной профсоюзная работа превратилась в неформальную, дающую возможность реального воздействия на политический процесс.

Обобщая вышеописанные политические истории, заметим, что для большинства характерны политическая активность в молодости, в студенческие годы, комсомольский, профсоюзный, партийный опыт. Эти женщины достаточно активны и в профессиональной карьере. Если их выдвижение в кандидаты происходит с политической должности, то часто этому предшествует профессиональная карьера. Иными словами, политика - это профессия, или продолжение профессиональной деятельности на другом поприще.

Надо отметить, что в данном исследовании мы не можем выявить гендерные отличия политического рекрутирования. Можно только предположить, что данные каналы рекрутирования не являются специфическими женскими, за исключением того, что женщины, гораздо реже, чем мужчины, делают карьеру, которая может стать плацдармом для дальнейшей политической деятельности. Кроме того, в редких случаях их политическая карьера насчитывает более пяти лет.

Есть в нашем исследовании и примеры специфических женских путей в политику. Рассмотрим их.

СЦЕНАРИЙ ТРЕТИЙ “Политика как следствие женской биографии”.

Существуют некоторые пути движения в политику, которые могут быть идентифицированы как собственно женские. Рассмотрим два таких примера.

(1) *Политика как следствие женской роли в семье.* Полина, женщина-бизнесмен, около 40 лет, замужем, имеет ребенка школьного возраста, материальный уровень высокий. Сама характеризует свой путь в политику как “женский”, хотя во многом он имеет сходство с профессиональным сценарием. Посмотрим, какова ее гендерная самоидентификация в политике.

“Я пришла в бизнес и в политику из желания сохранить семью. У меня совершенно уникальный муж, который занят по восемнадцать часов в сутки. Это было всегда. И в какой-то момент я поняла, что либо я сижу дома одна и жду его, либо я постараюсь быть с ним... Благодаря этому, я пришла в бизнес... И в политику я пришла как женщина, как дополнение к мужчине, мы всегда вместе, и сейчас вместе пошли на выборы. Сначала думали, что политики решат без нас. Но когда я узнала, что Жириновский пришел к власти, мне просто стало стыдно, какая-то гражданская совесть во мне поднялась. Я поняла, что если все будут отсиживаться по теплым углам, то за нас решат все те бабушки, которые проголосуют за коммунистов... Сегодня у власти непрофессионалы, а нужны люди практические, доказавшие, что они умеют что-то сделать, могут повлиять на принятие разумных законов... В данном случае я себя к этим людям, конечно, причисляю.”

Участие в бизнесе мужа и выдвижение в депутаты стало для респондентки продолжением отношений в семье. Традиционная роль жены стала реализовываться и в публичной сфере.

Респондентка в результате стала самостоятельным крупным предпринимателем, хотя бизнес продолжает сохранять семейный характер.

(2) *Политика как следствие женской роли в обществе.* Среди наших респонденток многие представляли избирательное объединение “Женщины С-Петербурга”. В политику они пришли через профсоюзы, комсомол, партию, в ряде случаев - через профессиональную карьеру. При этом

в данном случае большинство из них они имело опыт работы в женсоветах, учрежденных во второй половине 1980-х годов в период горбачевских реформ. Женсоветы составили сеть женского движения.

Нина, около 40 лет, предприниматель (малый бизнес), образование высшее, ребенок школьного возраста, материальный достаток чуть выше среднего.

“После окончания института работала инженером, руководителем подразделения. Работала в совете молодых специалистов, потом была секретарем комсомольской организации, потом секретарем партийной организации. С 87 года мне было предложено работать в женсовете, я стала заниматься женсоветом объединения... В 91 году женсоветы ушли. Это была несколько надуманная организация, она перекликалась с профсоюзной работой, потом я в район перешла, была зам. председателя женсовета района, занимались жильем, детскими садами, разными видами помощи... Сформировался довольно хороший актив, люди, с которыми мы взаимодействуем до сих пор. Мы стали заниматься районным женсоветом, и потом решили создать женскую организацию, которая могла бы открывать места для безработных женщин, и потом я сюда официально перешла на работу... Мы хотим поднимать вопросы на уровне властных структур, но мы не стремимся к политическому лидерству... Наша организация вошла в блок “Женщин С.-Петербурга”, блок общественных организаций, от которого мы баллотируемся.”

Если рассматривать политические биографии женщин - участниц данного женского движения, то мы увидим, что подавляющее большинство из них проходили типичные для нашего общества лидерские ступени: комсомол - профсоюз - женсоветы. Многие из них занимали в общественных организациях руководящие посты, некоторые - являются руководителями государственных предприятий (подразделений), предпринимателями. Иными словами, - это типичные политические биографии, где однако “командой”, сетью коммуникации выступила сеть женсоветов и впоследствии женского движения

Ситуационные факторы: гендерное измерение повседневности

Теперь обратим внимание на так называемые ситуационные факторы, связанные с тем, что женщины несут ответственность за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, и именно поэтому не имеют достаточного времени или энергии для политической деятельности.

Приведу пример рефлексии женщины по поводу гендерных различий в возможности повседневного политического участия. Речь идет о демократическом движении времен перестройки, участником которого была наша респондентка:

“Меня давят мужики. Давят потому, что я не могла ездить на эти бесконечные тусовки в Москву - у меня дети, я не могла заседать столько, сколько они заседают, причем, если бы эти заседания были эффективные, я еще понимаю, но как это все выглядело: “ля-ля-ля”, “тра-ля-ля” - вопрос не решен, “хорошо, переносим на следующий раз”, следующий раз опять заседание, опять то же самое... Для них это были тусовки, для них это было времяпрепровождение. То ли они, скажем, бегали от своих семей, чтобы, там, их жена не пристегнула к хозяйству? Для них эти заседания были бесконечны, для меня бесконечно быть не могло, к тому же это было неэффективно. И в выходные назначают... Для них это была жизнь, а я приходила туда работать. И чувствовала, что они меня стали давить, выдавливать, я решила не дожидаться и покинула это дело.” (Профессиональный политик, около 40 лет)

Общеизвестно, что профессиональный рост и политическая карьера трудно сочетаемы с воспитанием детей, особенно маленьких, ведением домашнего хозяйства. Посмотрим, как описывают наши респонденты эти проблемы.

“Когда дочке исполнилось три года, мы решили ее отдать в садик, но это было напрасно, она проходила два-три месяца и серьезно заболела, потом ходила по 20 дней, и опять заболела... Наша дочка была у нас как ходячая эстафета: ее зачастую можно было встретить

с моими студентами: я шла на лекцию, а она шла с ними сдавать зачет. Мы делали друг другу ручкой, и она продолжала двигаться в другом направлении... Ей сейчас 8 лет, и ее передавали с рук в руки, очень разные люди. Сейчас она пошла в школу, а бабушка на пенсию, поэтому бабушка ею занимается.” (Бизнесмен, около 40 лет)

Абсолютное большинство женщин, которые занимались политической или общественной деятельностью, указывали, что занятия с детьми, быт остается сферой ответственности женщины, независимо от статуса и личностных ориентаций.

“Хозяйство легко на мои плечи. Я должна сказать, что раньше мне муж помогал: он брал на себя покупки в магазинах, помогал убирать квартиру. Ну, я могла обратиться к нему со всякими просьбами и не получить никакого отказа. А потом мне пришлось смириться с той ситуацией, что большая часть домашней работы падает на мои плечи. Он докторскую написал без докторского отпуска: в этот момент он отошел в сторону от хозяйства, от всяких дел. И очень трудно его вернуть к прежнему стилю нашей жизни, когда он мне активно помогал. Ему понравилось... Он так воспитан, что, когда его спрашивают, умеет ли он гладить брюки, он отвечает: а зачем? У меня есть жена.” (Преподаватель вуза, около 50 лет)

“Хозяйство было на мне. Я считала, что для мужчины вопросы карьеры важнее, для меня они были второстепенными. Я человек не честолюбивый, диссертацию не защитила, хотя написано их было штук двенадцать. Родилась моя первая дочь, просто времени не было на оформление, хотелось двигаться вперед. А муж - вечно со своей работы в десять прибежит, что-то схватит, убежит... Помню случай, как анекдот. Когда среди ночи с диким криком он вскакивает. Что такое? “Уже первое декабря!” Я говорю: ну и что? “До конца года осталось 30 дней, а у меня еще три отчета! Вот такая жизнь...” (Профессиональный политик, около 60 лет)

Гендерные идеи и самовосприятие.

Существует противоречие между представлениями респонденток о женском предназначении вообще и их представлениями о самих себе. Активную женщину они обычно считают девиацией.

“Предназначение женщины - это безусловно дом. Но есть некоторые женщины, может быть это отклонение, - хвост не туда отклонился в свое время - которые, как мужчины, то есть без работы они не могут.” (Предприниматель, около 40 лет)

“Я не согласна с принципом равенства. Не должно быть никакого равенства, глава дома - это мужчина.” (Профессиональный политик, около 40 лет)

Итак, они считают, что в идеале женщина отличается от мужчины, у нее другое предназначение, другая судьба. Однако рассказчицы единогласно отмечают, что сами они не соответствуют идеалу женственности, отчасти из-за ситуации, отчасти из-за особенностей своего характера. Себя они считают исключением, говорят, что они не могут ограничить себя рамками семьи, что домашние дела однообразны, что они чувствуют потребность в саморазвитии, самореализации в публичной сфере.

“Я родила дочку, просидела с ней полгода, но в халате я долго не могу, вышла на работу. Вся моя жизнь связана с работой, когда у меня нет работы, у меня даже проблемы - болею в субботу, воскресенье, а в рабочее время я никогда не болею. Иногда мне и хочется все бросить, но я знаю, что я начну плохо себя чувствовать и испытывать комплекс неполноценности, мне нечего будет дать ни дочке, ни мужу.” (Бизнесмен, около 40 лет)

О себе они говорят, что обладают мужскими чертами характера, такими, как способность принимать решения, уверенность в себе, решительность, смелость. Большинство из них удовлетворены своей работой и жизнью, многие - уровнем материального достатка.

Женщина-политик глазами женщины-политика.

Каковы, по оценке наших респондентов, специфические качества женщины-политика? Если ли у женщины свой стиль в политике, свои сферы компетентности, равна ли она мужчине или имеет маргинальную роль?

Женщина-политик представляет собой довольно противоречивый конструкт. По мнению наших респонденток, желательная роль женщины связана с ориентацией на семью и домашнее хозяйство. Однако, на практике эта роль невыполнима. Женщины играют относительно активную роль в общественной жизни в России и даже имеют в ней некоторые преимущества. Посмотрим, с чем связаны эти преимущества в формулировках рассказчиц.

(1) “Женская привлекательность”.

“Я достаточно привлекательная женщина, представительная. Я этим очень много пользовалась... Мужчину можно купить и женским началом, это даже выигрышная ситуация. Но чтобы доводить до абсурда - переспать - нет! Я никогда не позволяла мужику в себя влюбляться... На работе меня нет как женщины... Для деловой женщины очень важна одежда, умение преподнести себя - это и макияж, и обувь. Женщина должна преподнести себя мужчине, должна убить его своей внешностью, но построить разговор так, чтобы он сказал: да, это может быть интересно.” (Директор государственного предприятия, около 50 лет)

(2) “Особенности женской роли”. Еще один тип преимуществ объясняется особенностью женской роли, и ее продолжением в политике.

“Женщина в политике - это иной механизм влияния... Женщина - хранительница очага, она идет в политику для создания очага. Не для того, чтобы звать на демонстрации, а чтобы по-домашнему строить.” (Администратор, около 50 лет)

“Если бы женщины пришли в политику... У них есть чисто женское чувство охраны семьи, охраны очага... Мужчина строит дом, а порядок в нем наводит женщина. Женщина будет охранять дом, она быстрее расправится с преступностью. Женщина принесет отсутствие конфронтации, стабильность, сбалансированность. Все равно все мужики несут деньги - куда? Женщине. 90 процентов женщин распоряжается деньгами.” (профессиональный политик, около 35 лет)

(3) “Особенности женской психологии”. Женщина более моральна, более ответственна, внимательна, больше ориентируется на компромисс, чем на конфликт; обладает большим чувством юмора, меньше думает о карьере, чем мужчина; более чувствительна, менее склонна к интригам, лучше работает.

“Если уж женщины взялись за политику, то действительно это жизнь заставила. А потом я все-таки считаю, что женщина - человек мобильный, ответственный в любой ситуации. И несмотря на то, что она идет на компромиссы, но она меньше идет на сделки, какие-то махинации, вот в этом я убеждена. Понимаете, она все-таки из себя что-то представляет, более чистое, нормальное. Хотя я не огульно всех мужчин под вторую категорию подвожу.” (Профессиональный политик, около 40 лет)

“У нас в районном совете 120 депутатов, из них 10 женщин и 110 мужчин. Из 10 женщин 5 работали на износ, и из 110 мужчин - тоже пятеро. Вот вам эффект. Активность у женщин выше, коли уж они попали.” (Профессиональный политик, около 60 лет)

Барьеры политической деятельности

Существуют ли препятствия для политической деятельности женщин? Что думают по этому поводу женщины, которые имеют опыт (хотя бы минимальный) такой деятельности?

Они считают, что распространено негативное отношение к женскому политическому участию:

“Восприятие наших людей таково: женщина в политике - это неприлично”; “в женщин почему-то не верят”.

Ряд качеств, приобретенных женщинами в процессе социализации, мешают им в политическом участии. Среди них наши респондентки называли “нерешительность”, “закомплексованность”, “неуверенность в себе”, “отсутствие достаточного опыта”. По утверждению одной из респонденток, “стереотипы мешают женщине, не каждая женщина может бороться”, “мало кто может сделать первый шаг, многим мешают стереотипы женской скромности”. Ситуация у многих женщин такова, что “женщине в политике сложно. Если заниматься политикой, очень сложно совместить: дом, семья, обеды”. “Женщине некогда заниматься политикой, если у нее семья”.

Женщины часто остаются только на вторых ролях:

“На меня всегда сваливают всю техническую работу”. “В партии я всегда выступаю на вторых и третьих ролях”.

Существует и проблема дискриминации. Как сказала одна из наших респонденток:

“Дискриминация женщин есть, была и будет. Всегда”. “Мужики просто норовят запихать локтями, у них какая-то мужская солидарность очень развита.” “Дискриминация есть. Еще не было ни одного, извините, не сочтите за хвастовство, мужчины-начальника, который был бы умнее меня. Но его ставили начальником, потому что он мужчина”.

Имеет место и проблема сексуального домогательства, хотя для российского контекста артикуляция данной проблемы не характерна.

“Женщин в политических кругах очень мало. У нас традиционная привычка: женщина - никто, она только мешает. Мужчины рациональны, они должны сопоставить, обладает ли человек способностями. Но как только возникает женщина, возникает и вторая тема: а как бы сделать так, чтобы еще и попользоваться. Как только говоришь: нет, господа, эта тема не пройдет, сразу возникает тормоз”.

Вместо заключения. “Женщина должна сказать: мужчины остановитесь!”

Что же нужно сделать для того, чтобы изменить ситуацию, по мнению наших респонденток? Они предлагают несколько вариантов.

Во-первых, надо “дать женщине возможность выбора: работать или не работать”, “создать ей возможность заниматься семьей: если женщина больше отдаст своему мужу, то соответственно и мужчина будет больше работать”.

Во-вторых, женщина должна иметь возможность выйти за пределы семьи. В тех случаях, когда она занимается политикой, она должна “быть настойчивой, решительной”, “иметь твердую жизненную позицию” и даже “быть чуточку лучше мужчины”.

“Я забываю, что я женщина, когда я веду деловые переговоры. Работаем на равных. Единственное, что надо четко помнить, есть стереотип мышления: если это женщина, то она или чего-то не знает, или не понимает, или, там, слабый пол. Чтобы сломать такой стереотип нужно, чтобы на переговорах женщина в своих вопросах знала больше, чем тот, который сидит напротив. Вот тогда он будет с тобой разговаривать на равных.” (Профессиональный политик, около 40 лет)

Некоторые рассказчицы считают, что в нынешней ситуации политика становится предназначением женщины.

“Нам, женщинам, надо брать все в свои руки, надо просыпаться, проявлять большую активность и действовать разумно, влиять на мужчин. Мужчины занялись политикой, развалили страну, забыли о женщинах, детях, семьях, они запутались... Женщина должна сказать: мужчины, остановитесь...” (Бизнесмен, около 50 лет)

Литература

Константинова В. 1992. Женщины и проблемы политического лидерства. В сб. Хоткина З. (ред.) Женщина и социальная политика. М.

Кочкина Е. 1992. Демократия без женщин - не демократия // Вы и Мы. N 6.

Осадчая Г. 1991. Политическое поведение женщин // Социологические исследования. 1991. N 12.

Первый съезд народных депутатов СССР. 1989. Стенографический отчет. Т.1. Издание Верховного совета СССР. М.

Carnaghan E. & Bahry D. 1990. Political Attitudes and the Gender Gap in the USSR. In: Comparative Politics. V.22, N.4.

Browning G. 1985. Soviet Politics - Where are the Women? In: Holland B.(Ed.) Soviet Sisterhood. Bloomington. Indiana.

Duka A. et al. 1995. The Protest Cycle of Perestroika. The Case of Leningrad. Round Table on Russia Sociology // International Sociology. V.10, N.1, pp.83-99.

Lapidus G.W. 1978. Women in Soviet Society. Equality, Development, and Social Change. Berkeley: University of California Press.

Moses J. 1978. Women in Political Roles. In: Atkinson D. et al. eds. Women in Russia. The Harvest Press.

Voronina O. 1994. Soviet Women and Politics: On the Brink of Change. In: Nelson B., et al. eds. Women and Politics Worldwide. New Haven: Yale University Press. Pp.722-736.

Елена Здравомыслова

Коллективная биография современных российских феминисток

Статья написана на основе исследовательского проекта, посвященного жизненным историям современных российских феминисток. Исследование проводилось при поддержке Фонда Макаруров.

Введение о методе

Данная статья представляет собой опыт реконструкции коллективной биографии современных российских феминисток на основе проведенных с ними биографических интервью. В результате интервью были собраны рассказы о жизни (или авторские истории жизни), которые и стали предметом социологической реконструкции. История жизни представляется мне адекватным методом изучения участия в общественных движениях и коллективных действиях вообще. На мой взгляд, этот метод позволяет исследователю изучить не только мотивацию участия в движении, но и выделить те социализационные факторы, которые способствовали формированию идентичности российских феминисток. Биографический метод является новым для изучения общественных движений в России. Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить некоторые типичные черты жизненных историй первого посткоммунистического поколения российских феминисток, которые помогли бы объяснить формирование коллективной идентичности. Иными словами, перед исследователем встали следующие вопросы: как “нормальная” российская советская женщина приходит к феминизму? Каков механизм формирования новой феминисткой идентичности и рекрутирования в движение?

Методом исследования является биографическое интервью, выполненное в форме беседы. Проведение биографических интервью предполагает руководство повествованием со стороны исследователя (Porta della 1992:69). В данном случае эта процедура заключалась в следующем. Каждой из респонденток была изложена цель проекта - изучение биографий современных феминисток. Затем была сформулирована задача (“Расскажите, пожалуйста о себе”) и определено общее время беседы (не меньше полутора часов). В ответ излагалась и записывалась автобиография, т.е. авторское повествование о собственной жизни (нарратив). В процессе рассказа интервьюер-исследователь задавала уточняющие вопросы, связанные с разными этапами первичной и вторичной социализации и ресоциализации. По завершении повествования (первичного рассказа) интервьюер обращалась к тем периодам жизненного цикла и тем обстоятельствам образа жизни, которые рассказчица упустила.

В рамках проекта было проведено к настоящему времени 18 биографических интервью в 1995-1996 гг. Исследование не закончено.

Исследование участия в общественных движениях, в частности, в феминистском, имеет специфические сложности. В нарративах феминисток неизбежно присутствует идеологическая и пропагандистская направленность: рефлексии о собственной жизни - неотъемлемая часть феминистской методологии и техники роста сознания (Московский Центр Гендерных исследований 1995). Тренинги, групповые дискуссии, проводимые в настоящее время в России, зачастую под руководством феминистки ориентированных психоаналитиков и психологов, типичны для этих групп. Поэтому основная сложность исследования заключалась в том, чтобы уменьшить, насколько возможно, элемент сконструированности биографии, идеологизированности рассказа участницы движения. Попытки нивелировать идеологизированность первичного повествования о жизни включали участие интервьюера-исследователя в диалоге, формирование обстановки доверия и понимания, обращение к

фактуре жизненных сюжетов, к нарративам о конкретных событиях, т.е. практически все процедуры, способствующие избеганию предлагаемых респондентками интерпретаций. Впрочем автор исследования вполне осознает как тщетность и невозможность такого избегания, так и присутствие всех тех ограничений, свойственные биографическому методу, на которые с особенным усердием указывают его критики (Батыгин, Девятко 1994).

При реконструкции историй жизни российских феминисток я прежде всего обращала внимания на следующие темы, последовательность которых стала имплицитной схемой интервью:

(1)Первичная социализация: социальное происхождение, семейный контекст, образ жизни в родительской семье.

(2)Вторичная социализация: школьный опыт, группы сверстников в подростковом возрасте, формы детской и юношеской активности, студенческий опыт.

(3)Вторичная социализация: социальная среда, особый круг общения.

(4)Вторичная социализация: типичные женские практики, включающие сексуальный опыт, замужество, репродуктивное поведение, воспитание детей...

(5)Политическая социализация и ресоциализация в период перестройки.

(6)Собственно феминистская социализация или ресоциализация, начиная с первого осознания фактов дискриминации по признаку пола до участия в коллективных феминистских действиях.

Историческая справка о современном феминистском движении в России

Феминистские группы в России возникли сравнительно недавно. Большинство из них появилось на завершающей фазе цикла массовой протестной мобилизации периода перестройки, а именно в конце 1989- начале 1990-х годов (Duka, Kornev, Voronkov, Zdravomyslova 1995). При том, что Москва безусловно является центром российского феминизма сегодня, существуют также небольшие феминистские группы в Санкт-Петербурге, Твери, Набережных Челнах, Мирном, Петрозаводске и других культурных и промышленных центрах России. Все эти группы составляют сеть, так или иначе связанную с западным движением. В 1990 г.в г. Дубне под Москвой произошел первый Форум женских инициатив; в 1992 году - прошел второй Форум. Женские инициативы выпускают журналы и информационные листки, которые распространяются по сети в общефедеральном масштабе. Тем не менее движение является замкнутым и самодостаточным. Для него характерна тактика интенсивной мобилизации, при которой рекрутирование ориентировано не на массовость, а на преданность целям-ценностям движения. Значительную роль играют финансовые ресурсы: для многих работа в феминистских инициативах является средством существования, что впрочем ни в коем случае не предполагает отсутствия идеологических мотивов и мотивов солидарности. Финансовая заинтересованность вполне уживается с приверженностью феминистским идеалам (иногда в местной интерпретации).

О самоназвании и названии (самоидентификация и идентификация)

Термин “феминизм” стал использоваться для самоидентификации участницами одного из направлений женского движения в России лишь в 1990 - 1991 годах. До сих пор это все еще довольно “темный” термин в российском дискурсе, имеющий негативные коннотации. Одна из респонденток утверждает:

“Российские женщины, объединяющиеся в профессиональные организации, не знают, что такое феминизм. Когда их спрашивают, феминистки они или нет, они отвечают:

“Конечно нет, ни в коем случае”. Они отвечают таким образом, потому что считают, что феминизм - это какое-то ругательство.” (М.В.)

Другая рассказчица отмечает отсутствие релевантного “языка” для описания феминистских установок и опытов:

“Одна из самых больших проблем феминизма... как части борьбы за права человека в России - это отсутствие русских (вербальных) эквивалентов... На русском языке “феминизм”, как мне кажется, не существует. И вина в этом во многом, (.) тех, кто себя считает ведущими русскими феминистками; которые сознательно, мне кажется, не хотят этим заниматься. (.) Надо работать, напряженно работать, пытаться искать в языке. ...Возникает масса проблем, потому что явление должно быть описано, должно быть проработано... Слово “феминизм”, я считаю, должно быть реабилитировано у нас в искусстве, в журналистике, в культуре: оно не реабилитировано еще. Оно не имеет смысла, так же, как слово “патриотизм”.” (О.А.)

Практически все респондентки отмечают сложность употребления термина *феминизм* и психологический дискомфорт, связанный с самоидентификацией. Ситуация вербального вакуума и интерпретативного диссонанса может быть описана фразой из анекдота: “место есть, а слова нет”. Так, например, рассказчица повествует:

“Я думаю, что в принципе,... большинство российских женщин по жизни, по судьбе, ...феминистки, ибо они вынуждены бороться за свои права и борются, и берут на себя всю возможную ответственность - они феминистки, в этом смысле, безусловно, я не могу от этого отличаться.” (О.Б.)

Ей вторит, не сговариваясь, другая респондентка:

“Вся моя жизнь готовила меня для феминизма. Все российские женщины - феминистки, они просто либо не знают этого слова, либо боятся его использовать по отношению к самим себе.” (Т.В.)

В данном исследовании я называю феминистками только тех женщин, которые (а) оказались достаточно храбрыми и убежденными, чтобы идентифицировать себя таким образом и (б) участвовали в феминистских коллективных акциях. Несмотря на то, что это женщины из разных городов и разных профессиональных групп, в историях их жизни есть много общего и можно попытаться реконструировать их коллективную, хотя и многовариативную биографию. Исследование подтвердило основное предположение: для российских феминисток типична не только гендерная социализация, общая для всех советских женщин, принадлежащих к образованному классу (тип социализации “работающая мать”), но и некоторые черты, которые делают их особой группой, сензитивной к феминисткой идеологии. Рассмотрим шаг за шагом этапы этой коллективной биографии для того, чтобы проиллюстрировать основной тезис данной статьи.

Самой молодой из респонденток летом 1995 года было 28 лет, самой старшей - 48 лет. Средний возраст составляет 36,3 года - эти женщины в настоящее время находятся в активной фазе жизненного цикла.

Социализация российской феминистки

Родительская семья.

Социальная группа. Все феминистки, которых я интервьюировала, относятся к слою советской интеллигенции. Они выходцы из материально благополучных семей. Это

представители так называемого советского образованного класса (Голофаст 1992). Среди их родителей по профессии мы встречаем офицеров, университетских профессоров, учителей, инженеров, врачей, журналистов, партийных работников и пр. В большинстве семей оба родителя работающие - что вполне типично для России, где, как известно, в советское время работало 90% женщин (Условия труда... 1992). В нескольких случаях - отцы были офицерами, матери были домохозяйками, хотя при этом и имели высшее образование. По словам одной из респонденток - это "такая типичная интеллигентная семья средней руки".

Для этих семей характерна выраженная ориентация родителей на профессиональную и общественную деятельность, анти-потребительская ориентация в приватной сфере (сфере быта), значительная независимость детей, начиная с самого раннего возраста, обусловленная занятостью родителей.

Из интервью:

"У меня была интересная семья: мои родители мной не занимались. (Это повторяется довольно часто- Е.З.). У меня папа был инженер, и в нашем доме все время толклись какие-то молодые рационализаторы. Пробираться можно было, как сейчас помню, к своей постели ... сквозь чертежи, которые... ровно были разложены по полу, по ним на четвереньках ползала какая-нибудь бригада молодых рационализаторов. А моя мама все время опекала разных молодых поэтов и прозаиков, потому что она была очень хорошим специалистом по языку, и она все время правила им рукописи. Вот, где-то там в углу кучковались еще молодые поэты с моей мамой. Т.е. я привыкла к тому, что в доме всегда была такая - очень рабочая обстановка, никакого деления на семейную жизнь и такую общественную, производственную вне дома у нас не было. И такая постоянная работа моих родителей - это было, в общем-то, абсолютно нормальным явлением." (Л.Н.)

Обстановка. Описывая материально-вещную среду или обстановку "родительского дома", жилища, где они провели детство и юные годы, женщины вспоминают:

"Я помню, что у нас был такой чулан, в котором предполагалось хранить какие-то старые вещи, но мои родители там хранили книги. Там были стеллажи ... как клозет, там где у всех платья висят, там у моих родителей были книги... до потолка, в чулане. И я там провела, в общем-то, половину своего детства..." (Л.Н.)

С удивительным постоянством респондентки указывают на то, что у них были прекрасные домашние библиотеки, и они чрезвычайно рано приобщились к чтению. Чтение, приобщение к книжной культуре можно назвать важнейшим фактом ранней социализации будущих феминисток.

Из интервью (речь идет о быте 1970-х годов):

"...Книг было дикое количество. Библиотека была замечательная. Все, что я прочла, я прочла дома. Покупались в основном книги. Дома в общем ничего не было: не было ни стиральной машины, не было своей машины, не было своей дачи, вообще ничего не было." (К.Я.)

Еще один пример описания родительского жилья - однокомнатной квартиры, где жило 3 человека - мать, отец и дочь в 1980-е годы:

"Там была кровать моя, была кровать родителей, был мой письменный стол, который выполнял разные функции. Был какой-то стол, который перемещали из кухни, когда гости приходили или что-то. Были два или три шкафа. Маленькая комната, там было тесно, там было всего очень мало. Были антресоли, туда запихивалось все. Было книжек традиционно много...Книжки вот у меня мама коллекционировала, ну и я соответственно тоже...Это была просто художественная литература, энциклопедия, "Всемирная

литература”,...масса приключенческих каких-то книжек - я их обожала, очень много читала. Потом, у бабушки с дедушкой была большая библиотека, что-то я у них брала. Ну там русская вся классика, там зарубежная классика... Т.е. я, с детства много читала, очень это любила, я сейчас даже всего не помню.” (О.Б.)

Родительские роли. Для таких семей типичны авторитарные матери, которые “контролируют, управляют и лезут во все”, “заботятся и опекают”. Вот например, кусочек из интервью :

“(У меня) была очень сильно опекающая мама, т.е. такая... доминирующая, но доминирующая не от злобы, а от любви. Вот этот опекающий вариант, я считаю, очень многому помешал, навредил и т.д. И мама все время (спрашивала)... “что ты съела?”, “что ты”... “ (Г.Д.)

Вспоминая авторитарное давление со стороны матери в детстве, другая респондентка вспоминает и интерпретирует:

“С мамой я, как честный офицер, я ее терплю, хотя уж она по мне ногами походила там, всю жизнь прошла...Глубочайшее желание сделать все наоборот, чем у нее (у мамы), конечно меня в какой-то мере и подтолкнуло к таким вещам, как феминизм...”(Н.Б.)

Необходимо отметить, что и сейчас эти женщины детское воспитание идентифицируют преимущественно с материнским влиянием, а не с отцовским. И, как правило, горят о том, что это влияние было жестким и авторитарным:

“У меня заниженная самооценка. Я сейчас как-то стараюсь ее преодолеть, последние годы. .... Это мама еще дорогая! Потому что она мне всегда объясняла, что я из себя ничего не представляю... Это нормальная советская система воспитания. На самом деле, вот я смотрю по своим подругам, это почти всем объясняли, что “ты как бы никто” “ К.Я.

Что касается отцов, то их присутствие, хотя и является значимым фоном, но практически не вспоминается. Приходящий отец, который осуществлял, по словам одной из респонденток, “дистанционное управление”, типичен. Впрочем, это факт советского семейного воспитания:

“Отец мной не занимался - он всегда работал. Я его жутко боялась, пока не накричала на него в 15 лет, и тогда он меня испугался.”(О.Б.)

Часто узнаешь в рассказе об отце *облик депривированного советского мужчины*, для которого характерен “какой-то комплекс своей нереализованности; ...А какие-то амбиции в жизни были, и все это у него позже вылилось в то, что он пил...” (Ж.Л.)

Итак, это были дети во многом предоставленные сами себе и приученные к самостоятельности и самодостаточности как в силу занятости родителей, так и в силу, иногда, собственной болезненности.

Бабушка как роль и образ - это необходимый агент советской гендерной социализации.

Большинство советских детей этого поколения посещают детский сад и/или находятся на воспитании у бабушек, недавно ставших пенсионерами. Роль бабушки в советской первичной социализации чрезвычайно велика, если не сказать чрезвычайно. “Рассказ о бабушке” занимает значительное место в повествовании о жизни. Он может длиться до часа, и практически всегда начинается словами : “У меня была замечательная бабушка”. Эта фраза сама по себе указывает на эмоциональную значимость образа бабушки, а не только ее инструментальную функциональность в обществе, где одним из элементов социальной конструкции гендера является стереотип “работающая мать”. Такой стереотип возможен при поддержке второй женской роли в семье- “помогающая бабушка”.

Вот примеры:

“Она (бабушка) рассказывала очень много про свою жизнь. Бабушка у меня очень интересный человек, ..Ну может, она такая русская феминистка по жизни. Бабушка моя, ...хотела быть образованной, принцип высшего образования был как-то очень важен. (.) В 27 лет стала главным геологом шахты, это был 1937-й год, когда пересажали всех мужчин. А она еще даже не закончила институт геологический, (.) И она стала руководить мужиками.” (О.Б.)

Еще:

“ Бабушка моя работала всю жизнь. Не было тогда, как известно, ни декретных вот этих, ни отпусков по больному ребенку, она вынуждена была вот так круглосуточно работать в этой своей шахте, у нее было двое маленьких детей... Моя бабушка всегда была лидером так же, как почти все ее сестры. Очень активная женщина, которая привыкла принимать решения сама. С другой стороны, она всегда была уверена в том, что мужчина лучше женщины, и всегда говорила: вот мужчина - у него ум, ну это мужчина. Это вот то, что я слышала в детстве. Ей была ближе как бы такая тяжелая работа и ее там семья, которая рядом.” (Н.С.)

Бабушка чрезвычайно важна в жизни чисто функционально. Бабушка была необходима, потому что “мама моя работала..., отец у меня учился, потом тоже работал”. Как и полагается “бабушка неплохо готовила, традиционные такие сибирские пироги, пельмени, шикарный холодец”... С нею дети регулярно проводят лето. Иногда, в случае болезни или командировок родителей, живут с бабушкой в течение нескольких, как правило, дошкольных лет. Бабушка - это символ дома и семейного воспитания в советской России.

В дальнейшем в подростковом возрасте в принципе характерен протест будущих феминисток против поколения родителей. Идентификация родителей с общественностью и школой, с “другими”, а не с собственными детьми, присущая советскому семейному воспитанию, вызывала сильное неприятие у подрастающих девочек. В момент конфликта со школой и со сверстниками родители оказывались не на стороне ребенка, а на стороне его оппонентов, оставляя его одного. Часто дети воспринимали такую позицию как предательство по отношению к себе или как лицемерие. Эта обида запоминалась и помнится до сих пор, что видно из нарративов. Впрочем фрустрация не означала, что родители одновременно не внушали уважения. Этот сложный комплекс чувств - сочетание обиды, неприятия, отторжения с любовью и уважением - типичен для девушек.

Из интервью:

“Я считаю, что ... мое поколение, - это опыт жизни всех моих подруг, - наиболее преданное своими родителями: Это не моя проблема... - ничего подобного, со всеми так поступали.” (Н.Б.)

Еще один пример:

“Вообще мы были такие “протестантки”, это была довольно смешная семья, потому что у нас были очень видные...родители: знаете, такие высокие, красивые, полные, всегда шикарно одетые,... и мы две (сестры)- какие-то такие заморыши, мы от этого всего отказывались...” (К.Я.)

Школьные годы

В возрасте семи лет девочки поступают в советскую общеобразовательную школу. Это талантливые дети - “отличницы” или по крайней мере “хорошистки”, зачастую любимицы учителей, а иногда их называют и “совестью класса”. Активность в школьные годы проявляется

и в учебе, и в общественной жизни. Прежде всего это яркие фигуры классного коллектива, официальные активистки и/или неформальные лидеры школьной жизни. Пионерская и позднее школьная комсомольская активность - заметные факты автобиографии. Нам надо помнить этот факт советской социализации, потому что для нового российского поколения такие формы детской общественной активности уходят в прошлое со всеми их минусами и плюсами.

Вспоминая школьные годы, респондентка рассказывает:

“Ответственность была очень высокая, я была председателем совета отряда и всегда (моей обязанностью была - Е.З.)- редколлегия...” (Ж.Н.)

Или:

“Я была ... лидером в классе, ...маму гоняли все время в школу и объясняли, что я - лидер малой оппозиции... Отца вызвали в школу, я помню, он сказал, а что она сделала такого плохого? - на что учительница сказала: она на меня смотрит наглым глазом. Он говорит: на меня тоже! Что я могу сделать? это ненаказуемо. Но училась я хорошо.” (К.Я.)

Еще один пример:

“В 8-м классе я стала отличницей. И я стала председателем городского клуба старшеклассников “Гренада”... В этом клубе была очень интимная атмосфера. На самом деле, это была такая сплоченная компания, которой для того, чтобы собираться вместе, нужно было организовывать какие-то городские мероприятия.” (Н.О.)

Одновременно в семье они обучаются быть прилежными и исполнительными. Они очевидно ориентированы на школьные успехи. Успеваемость в школе отмечается всеми как высокая, хотя и не всегда ровная. Именно тогда закладывается работоспособность и ориентация на публичные достижения, честолюбие, поддержанное и семейными стандартами родительского отношения к работе.

В поздние комсомольские годы, однако, у многих из них происходят изменения в сфере общественной активности. Иногда эти девушки “замещают” общественный активизм контркультурным образом жизни и полудиссидентской деятельностью. Это вариант “компенсации” “общественного темперамента” характерен для жительниц столичных городов из поколения постарше (1950-х годов рождения), которые всю свою юность практически прожили в контексте режима застоя. Для более молодых и, как правило, жительниц провинциальных городов, родившихся в 1960-е годы, характерна политическая социализация “комсомольцев-неформалов” предперестроечного и перестроечного времени.

Как правило, в рамках семейного воспитания они получают дополнительные навыки и знания. Это “*стандартные воспитательные наборы для детей из культурных семей*”, состоящие из музыкальной школы, курсов иностранного языка, фигурного катания, драмкружка, литературного клуба. Спортивные занятия - для воспитания тела, художественно-творческие - для воспитания души, языки - для воспитания интеллекта.

В целом *опыт клубного активизма*, связанный вместе с тем с *дополнительным образованием* - очень типичен для них. А что такое клубный активизм? В период застоя - это неформальная инициативная среда досуговой деятельности, тот “бульон”, где формируются культурные практики, где молодые люди получают возможность реализовывать себя и получают навыки организационного активного поведения. Специфическая роль таких клубов как зародышей гражданского общества в России обсуждается в социологическом дискурсе (Shlyarentokh 1989, Alarupo 1993).

Итак для школьной социализации феминисток оказались характерны: хорошие показатели школьной успеваемости, стандартные наборы дополнительного образования для детей из интеллигентных семей, опыты пионерского, комсомольского и клубного активизма.

Юношеские годы

На мой взгляд, юношеский опыт наиболее важен для политической социализации будущей феминистки (Шуман и Скотт 1992, Mannheim 1952). Несмотря на определенное сходство в жизненном пути всех советских российских женщин образованного класса, опыт юности у моих респонденток достаточно специфичен. Исследование показало, что все они прошли через опыт тех или иных неформальных образований - предстуркт гражданского общества - тех социальных ниш, где развивалась инициатива и допускалась относительная свобода самопроявления, отличная от доминирующей культуры .

Посмотрим, как складывалась жизнь будущих феминисток после окончания школы (после 16 лет).

Политический контекст и “уход в себя”. Юность этого поколения, так же как детство и отрочество, пришлось на тот период советской истории, который получил название *застоя* - конец 1970-х - начала 1980-х годов. Это период максимального развития коррупции, двойных стандартов и “расхождения между словом и делом” (Левада 1993). Этот период в рассказах о жизни называется “безвременьем, где один день похож на другой, и ничего не происходит столетиями.” (К.Я.)

Конфликт с родителями в ряде семей (особенно номенклатурных) приобрел в юношеском возрасте характер конфликта поколений, протеста против лицемерия советского образа жизни.

Из интервью:

“ Я не была никогда диссидентом, я не думала, что надо изменить строй. (Однако,) мне ближе была компания... вот такая художественно-консерваторская, где... выпивали, говорили о дзэн-буддизме и так далее. А вопросы карьеры... Ну, не знаю, не нравилось мне все это. Ну может быть, я была нормальным человеком просто... Мне не нравились родители собственные - их политические взгляды меня совершенно не устраивали... Я была очень интравертный человек, а вся эта жизнь была очень экстравертна: слишком активна, слишком много гостей, слишком весело... Мне нравилось сидеть у моря, читать шведские, норвежские книжки...” (К.Я.)

Юношеская “интравертность” как защитная эскапистская реакция против лицемерия советской публичной жизни сильно выражена в юношеские годы . Сначала это был “уход в себя” от семьи, затем от советских разрешенных образцов общественной активности, а впоследствии и от профессиональной карьеры. Т.е. для целой группы феминисток, принадлежащих к старшему поколению, юношеская рефлексия привела к отказу от амбиций и привычек детства, *отказу от себя*.

Университеты. Все будущие феминистки были ориентированы на получение высшего образования. Эта ориентация была поддержана родительской семьей. Высшее образование - “это даже не вопрос - это естественно”. Профессиональная карьера и материальная независимость были эксплицитно сформулированными целями их жизненного пути. Большинство из них получили дипломы высшего образования. По профессии среди респонденток мы находим инженеров, музыкантов, писательниц, журналисток, экономистов, социологов, юристов и пр. Некоторые из них имеют два высших образования и научные степени.

Есть, однако, исключения из этого правила. Но и в тех случаях, когда феминистки не получают высшего образования, они ориентированы на него и на студенческую среду общения. Такое исключение лишь подтверждает правило.

Для девушек из провинциальных городов начало самостоятельной жизни связано с переездом в столичный город (Москву-Петербург) и поступлением в вуз. С пафосом чеховских героинь респондентка вспоминает:

“Да, бежать, бежать. В Москву, в Москву, просто “Три сестры”, просто единственное, о чем я мечтала.” “Я помню, у нас школа была недалеко от виадука, где поезд на Москву шел, и вот он шел в конце первого урока. Вот точно Чехов. И мы с моей подругой, она: “поезд, поезд, поезд... а-а, в Москву, в Москву!” Да, и поэтому я считала... я из провинции еду в столицу нашей родины, то тут все более образованные, тут музеи, тут все...” (К.Я.)

Большинство рассказчиц отмечало, что они поступили в высшие учебные заведения без взяток и блата, иногда не с первой попытки. Впоследствии часто совмещали учебу с работой. В тех случаях, когда блат все-таки имел место при поступлении на престижные факультеты, он приобретал лишь характер рекомендации при прочих равных условиях. Например:

“На международное отделение я поступила по благу... Но я действительно должна сказать, что, поступив, я в ужасе поняла, что я подготовлена почти лучше всех.” (К.Я.)

Образ, который с легкостью реконструируется из их рассказов - это **образ человека, который сделал себя сам, используя культурный капитал семейного воспитания и личных способностей.**

И вот затем наступает период **острой относительной депривации**. Реальность не соответствует ожиданиям - возможности самореализации в разрешенных формах деятельности имеют мощные барьеры. Большинство девушек испытывают острое разочарование в советской системе высшего образования, особенно в сфере социальных и гуманитарных наук. Их социальный активизм периода ранней юности за эти годы снизился или вовсе “сошел на нет”. Прежде очевидный общественный темперамент, воспитанный родителями, школой и клубными практиками, подавляется системой.

Огромное раздражение вызывало идеологическое давление, которое практически шло вразрез с убеждениями и привычными практиками молодых женщин. Аполитичность и антикоммунистические настроения часто формировали эскапистскую позицию. Лишь одна из респонденток стала членом КПСС, и то это произошло на волне горбачевского призыва в 1989 году.

Общее правило таково:

“В комсомольские студенческие годы уже стыдно было быть активной... Меня не могли сподвигнуть ни на что, понимаете: ни на участие, ни на - ну, я не говорю про вступление в партию, это как-то вообще было невозможно... Ну просто ни на что...” (К.Я.)

Вот до сих пор, как мне представляется, истории будущих феминисток соответствуют некоторым типичным сюжетам из жизни советских российских горожанок, принадлежащих к образованному классу.

Потом в нарративах излагаются иные практики, отличающие их от тех, кто не станет себя идентифицировать с феминизмом. Это другое - та **специфическая среда**, (социальная сеть, *milieu*), в которую они входили в период юности (некоторые раньше в возрасте 15-17 лет, некоторые позже, когда им было уже за 20, в период перестройки). Эта *среда* представляла контекст их политической социализации

Среда - тусовка - общественное движение. Я считаю, что именно эта среда, о которой речь пойдет ниже, и давала тот опыт, который привел этих женщин к феминистским убеждениям и самоидентификации. Эта среда являлась той экологической нишей, где формировались их предпочтения и ценности, осваивались и рутинизировались практики. Таких “сред” в ходе интервью было названо несколько. Рассмотрим предложенные рассказчицами

варианты. К ним относятся - творческая контркультурная среда; хиппи и рок- культура; интеллектуальное движение, отличное от обычных научных советских школ.

В это время молодые женщины уже отделены от родительской семьи. Это происходит либо в связи с их переездом в центральный город из провинции, либо по так называемым семейным обстоятельствам: есть комнаты бабушек, переходящие к внукам; есть ранние браки, которые становятся причиной и/или поводом отделения от родительской семьи. Одним словом, характерно, что все респондентки довольно рано начали жить отдельно от родителей.

Вот узнаваемый рассказ:

“...Уже после 10-го класса - я жила одна. И жизнь у меня была такая лихая и крутая, там у меня такой был салон, где собирались всякие там - хиппи и фарца, и все там поэты, там, диссиденты. Все время ментов вызывали, ну, все так, как обычно бывает в таких ситуациях, квартирные выставки там, все дела...” (Н.Б.)

Семью заменяют круг друзей, “клубящаяся по мастерским среда”, городские контркультурные кафе. Эта общественная жизнь является одновременно и приватной сферой. Эти среды не были прямо диссидентскими (никто из моих респондентов не говорил о своем участии в антисовесткой деятельности), но часто их называют “диссидентствующими”. Рассказы о своей среде, своем круге в интервью пространны и образны.

Для этих сред характерны политический критицизм, имплицитная оппозиция советскому политическому режиму и образу жизни, тесные неформальные отношения, ориентация на западный образ жизни (каким его воспринимали тогда), сексуальная свобода. В этой среде говорилось “нет” советским практикам и советским лейблам. Позднее возможность “быть другой” помогла женщина из такой среды воспринять самоназвание, которое вызывает протест у массового человека. Люди этой среды - российские ваганты периода застоя, в среде которых женщинам отводилась традиционная вторичная роль - музы, наперсницы, подруги и сексуальной партнерши.

Приведу рассказы о среде.

“Это был просто...рассадник антисоветских идей.... И там нам читали - я еще была совсем юная - один выгнанный за антисоветчину аспирант читал нам лекции Левады и давал нам их конспектировать. И я их как бы вот просто наизусть знала. И для меня было колоссальным потрясением; я считала в те годы, что Левада - это вот Солженицын...” (О.Б.)

Или:

“...Какие-то нити пронизывали вот эти все мастерские художников; я подрабатывала натурщицей у этого художника, потом у его друзей; туда ходили поэты, туда ходили эти хиппи, это все была одна среда... эта клубящаяся по мастерским *среда*.” (О.Е.)

Описывая свою роль и место в этой социальной сети, респондентка рассказывает:

“Я (.) очень высокого была о себе мнения, сидела такая, знаешь, писюха и в кафе сидела и писала, значит, свои эти самые... Тут же рядом сидели проститутки профессиональные, которые нас дико любили, нам все про жизнь объясняли, покупали мороженое, потому что у нас были деньги только на кофе. Тут же сидели хиппи, там вся эта наркота, уголовка, в кафе... Ну в общем, как бы я там довольно рано оказалась, и мои политические пристрастия довольно быстро сформировались.”(Н.Б.)

Тусовка - вот одно из имен такой среды. Значение этого термина легче реконструировать иностранному исследователю, этнографу советской реальности, которые смотрит на нее “со стороны”. Томас Кушман, посвятивший исследование советской рок-культуре, пишет о тусовке таким образом:

“Контркультура может быть описана как тусовка в широком смысле, в которую вовлечены тусовщики, которые ценили, дорожили и разделяли альтернативные опыты, практики или хепенинги в мире советской современности...Сама идея тусовки ассоциируется с альтернативным коллективом, собранием индивидов, объединенных общим интересом к тому, что не является частью официального советского мира.” (Cushman 1995: 92)

Политический климат среды способствовал тому, чтобы будущая феминистка утверждала:

“Я сформировалась в ненависти к социализму, (.) это вот то, что было самое определенное, у меня на лбу была написана гражданская позиция... во все времена.”(Н.Б.)

Для такого круга характерна усиленная *творческая и интеллектуальная работа*, обладавшая для рассказчиц чрезвычайной привлекательностью. Приведу несколько выдержек из интервью.

О творческом клубе :

“Ощувив всю эту ауру, я совершенно в первую секунду просто пала жертвой этой атмосферы, и для меня вопрос был решен однозначно... И все.... была атмосфера, это был клуб,.. где сидели молодые ребята, ну, как бы, скажем, ученики шестидесятников, которые в тех условиях ...делали какое-то тихое хулиганство, они делали вот эту полоску в газете для подростков, где обсуждали все. И где на самом деле печатались: Окуджава, которого тогда не печатали; там были какие-то материалы из вроде бы там уроков литературы - что-то такое из моих любимых 20-х годов; там был такой живой разговор, там была масса юмора. Но главное - там была фантастическая совершенно атмосфера вот такого... для меня это было очень все ново и непривычно, какая-то творческая очень, такая энергетическая и удивительно полная - полная действительно творческих этих импульсов. Поэтому я туда рвалась, я прогуливала уроки, я туда приходила и на все заседания ходила. И когда у меня еще стало получаться, то тут это... какая-то осмысленность существования.”(1976 год. О.Б.)

Об интеллектуальном движении:

“Мы ходили на семинары, и это была действительно очень тщательная работа. Т.е. мы читали книжки, (.) друг другу доклады делали. Причем доклады как связанные с книжками, так и не связанные с книжками. У него (лидера группы - мужчины) такой сильный понятийный аппарат, и он как-то всех вот так вот вытягивал в слой понятийной работы.” (Л.О.)

Тусовка - как среда межличностного неформального и контркультурного общения, в которой сильны диссидентские настроения и интеллектуальная творческая фантазия - была чрезвычайно притягательна. Она становилась образом жизни.

Ниже представлен пример того, как проходил день работы интеллектуального выездного семинара, длившегося иногда около недели:

“ Он (лидер группы - мужчина) читал лекции по философии, по истории и по логике, и по ходу игры проводились рефлексивные мероприятия. И часто очень затягивалось это до часу ночи. А потом, он считал, что нужно плясать. И врубали музыку громкую в зале где-нибудь, все страшно-страшно прыгали, сгоняли какую-то энергию и уже расходились спать. Но часто не спали вообще круглосуточно. Потому что группы работали в совершенно безумном режиме, изобретали практики жизнестроительства и всего чего угодно, в совершеннейшей эйфории и восторге.” (Ж.Н.)

Рефлексия как элемент жизни тусовки приводила к росту самосознания участников таких движений:

“...Шло такое распредмечивание, проблематизация людей, всей предыдущей жизни, неправильностей этой жизни - это называлось “выдергивание коврика из-под ног”: иногда люди очень сильно падали и расшибались.” (С.Б.)

Молодые женщины проводили в этом кругу дни и ночи. Личная сфера была и публичной. Их сексуальный опыт, а иногда и супружеский также, был связан с этой средой.

Как указывают и другие авторы, описывающий тусовку, промискуитетные отношения для некоторых из таких сред были вполне типичны (Cushman 1995).

По словам одной из респонденток:

“(В этой среде переживалась) сексуальная революция, такая борьба с социализмом в постели. Все что “нельзя”, значит мы вам сейчас вот покажем.” (Н.Б.)

Для молодых женщин включение в эту среду длилось вплоть до начала перестройки (1986), т.е. практически в течение нескольких лет в решающем для политической социализации возрасте.

Это был круг, чрезвычайно ценный для наших героинь. Ценна была политическая атмосфера, интенсивность творческой деятельности, атмосфера дружественности. Такая среда способствовала росту самосознания. Однако именно рост самосознания и рефлексивные практики среды способствовали осознанию дискриминации. Росла сензитивность по отношению ко всем формам дискриминации. Атмосфера дружбы, творчества, интеллектуальной деятельности и антисоветской солидарности мотивировала их к протесту против дискриминации по признаку пола, которую они испытывали в этой же среде. Постепенно гендерная иерархия и связанный с нею нравственный климат стали вызывать неудовлетворенность.

Одна из героинь, которая была близка к этой среде, но сознательно дистанцировалась от нее, рассказывает:

“...Абсолютно мне не нравилась (контркультурная атмосфера). Мне не нравились морально - нравственные отношения внутри этого. Я сидела и молчала все время. Мне не нравилось все, потому что мне казалось, что это все вранье. Мне не нравилось, что там рождаются дети, которых потом бросают. Вот это я помню. Что это все идет за счет кого-то. Что весь этот выпендрож идет именно за счет какой-нибудь несчастной дуры.”(К.Я.)

Другая женщина, отдавая должное интеллектуальной атмосфере и сильному, почти харизматическому, мужскому лидерству, тем не менее отмечает:

“Это (интеллектуальная игра - Е.З.) очень мощное оружие манипулирования людьми.... А в игре они как бы (.) разрушали людей очень сильно, как бы не давая ничего взамен.... Их как бы переиначили, раскачали, и они уже потом не попадают в ритм общий и выбиваются, либо сами уходят, либо их увольняют (с работы). (.) Нельзя распредмечивать так людей, нужно давать тогда что-то взамен. Хотя это были хорошие годы, но постоянно были какие-то срывы. И видела я, (.) что они высасывают (энергию).” (Ж.Н.)

Гендерная социальная организация тусовки была традиционно патриархатной. Вот как описывает ее в контексте интеллектуального движения одна из его участниц:

“Там было много умненьких девочек. И было понятно абсолютно, что... структура отношений такова, что есть как бы некоторая... прорывающаяся группа... а есть информационно обеспечивающая часть. И понятно было, что девочки должны писать рефераты...” (Н.О.)

Таким образом разделение ролей было традиционным: лидерские - мужские, вспомогательные - женские. При смешении личного и общественного, характерного для таких

сред, харизма лидера-мужчины в общественном движении имела тенденцию превратиться в образ желанного возлюбленного и партнера в частной сфере. Описывая восприятие женщинами мужчин- лидеров группы, рассказчица свидетельствует:

“У девочек было очень много личных трагедий. Поскольку на самом деле было непонятно, что их двигало: то ли страсть к какому-то мужчине как мужчине интересному, блестящему, сексуальному, как угодно; то ли возможность приобщиться через какого-то лидера к какой-то вот такой очень яркой, наполненной, интеллектуальной жизни... Это все-таки... всегда и то, и другое, но просто я хочу подчеркнуть этот момент, который был довольно своеобразным. Т.е. вот эта вот страсть к интеллектуализму - она была страстью у девочек... И, вот, этот момент — разобраться все-таки с собой, с этим различием между человеком и женщиной — он был определяющим.” (Н.О.)

Ощущение несправедливости приводит к разочарованию и последующему когнитивному освобождению от зависимости от бывшего значимого другого. Примеры такого переживания, связанного с личным кризисом, приводятся во многих нарративах.

Из интервью:

“У меня был большой личный кризис, который начался несколько лет назад, когда я поняла, что люди, которые для меня долгие годы были каким-то эталоном во всем - какие-то мои учителя, какие-то старшие, какие-то люди, которые были, ну, просто более чем авторитетны, лично очень важны, - что они не всегда как-то себя ведут по жизни... Когда этот человек... отказался на суде признать ребенка этой девушки и что-то долго по этому поводу говорил, для меня и, кстати, для одной из моих учительниц, которая про него книжку хотела писать... Она отказалась про него писать книжку и заболела физически. Я физически не заболела, но вот это пример такого отношения... И вот такого рода вещи, они очень болезненны, как-то болезненно я их очень переживала.” (Н.Б.)

Постепенно росло противостояние женщин таким практикам. Вот тут-то и появились женские группы как один из вариантов противодействия иерархическому строению организации, связанного с гендером:

“..Мы начали собираться в такой кружочек, и как бы делать всякие занятия для себя. Потому что было как бы понятно, что нужно как-то понять, что такое быть женщиной в таком очень специфическом коллективе... У нас возник чисто женский кружок,.. потому что как бы чувствовался момент очень сильной несправедливости и несоответствия наших интеллектуальных амбиций такой внутренней социальной организации... Мужчины туда не ходили, мы их особо и не приглашали как-то, нам было достаточно хорошо друг с другом. Вот, у нас был этот кружок, мы в нем собирались, там писали всякие истории, потом у нас начали какие-то накапливаться работы... Конечно, спасибо ему (лидеру), он как-то сделал такой большой, в общем-то, жест доверия.” (Л.О.)

Итак, эта контркультурная среда- тусовка- общественное движение стали референтной группой для молодых женщин. Именно такая среда способствовала росту их самосознания, и сделала их чуткими к любой форме дискриминации в том числе к той, которую они там испытывали.

Профессиональная деятельность в период застоя

Обратимся теперь к трудовому опыту этих женщин в годы застоя. Мой тезис прост - в годы застоя мотивация к труду понизилась. Первоначальная ориентация на карьеру у многих сменилась эскапизмом. Итак, начало профессиональной карьеры. Те из респонденток, которые получили распределение по окончании высших учебных заведений, были крайне недовольны той рабочей атмосферой, с которой они столкнулись. Застойный период сливается в непонятный

срок для них, по выражению одной из респонденток. Это “социальное безвременье”. Если изначально они были ориентированы на карьерные достижения и профессиональный рост, то столкновение с социалистической культурой труда и соответствующими ей практиками способствовало развитию отчуждения и неудовлетворенности как основных характеристик их отношения к труду. Ориентации на карьеру были вытеснены ориентацией на приватную жизнь и квази-публичную активность в контркультурной среде.

Объясняя изменения в своей трудовой мотивации, респондентка отмечает:

“Я не могла работать как журналист, потому что у меня с двойным сознанием очень плохо было. Т.е. я не могу существовать, если я себя не уважаю, я как бы вот на этом держусь: если я себе перестану уважать - ну и что тогда? А тогда еще в возрасте в таком юном - это очень обостренное чувство у меня было...” (К.Я.)

Другая рассказывает:

“... Ну в общем как бы, я была никто....Пока не рухнул социализм...” (Н.Б.).

Объясняя свои тогдашние установки рассказчица уточняет:

“У меня не было каких-то политических таких страшных приятелей-неприятелей, но просто мне не хотелось ни в чем участвовать: мне хотелось найти такую работу, желательно издательскую или редакторскую, чтобы (.) было какое-то дупло, куда сунешь работу - потом тебе оттуда новую работу, и просто никого не видеть и ни в чем не участвовать.” (К.Я.)

Коренным образом изменилось отношение к работе в период перестройки. Вновь проявилась ориентация на профессиональный рост, и для многих включение в феминистскую тематику было связано с работой. Это типично для тех случаев, когда женщины занимались профессионально женским вопросом - либо изучением женской занятости в сфере экономике, либо темой молодой семьи в женском журнале. Но об этом позже...

Приватная сфера в годы застоя могла быть другим каналом самореализации для этих женщин. Довольно часто в их жизненных историях звучит такой сюжет: относительно рано, в студенческие годы они начинают жить одни или выходят замуж и отделяются таким образом от родительской семьи. Некоторое количество любовных сюжетов и ранние браки в возрасте 21-22 лет, сопровождающиеся незапланированной беременностью, - все это типично для опыта современной советской женщины. В биографиях часто присутствуют рассказы об абортах, представляющих собой один из самых страшных и унижительных опытов, если не сказать, практик советских женщин.

Вот как описывает историю своего замужества одна из рассказчиц:

“Второго аборта я испугалась, а он разлетелся жениться, и мы - женились. Оказался - алкоголик. ... Был художник, оказался алкоголик. Т.е. .. натуральный алкоголик, когда человек напивается до состояния невменяемости, хулиганит, орет, швыряется ботинками. Вот, два раза я уходила, на третий я ушла совсем. Так что мы женаты были, наверное, всего полтора года, из них уже полгода я вообще как ушла, а в промежутке я была то беременная, то рожала, то уходила. После этого я замуж не выходила.” (О.Д.)

А вот совсем безопасное начало, обещающее семейное счастье:

“А потом появился С. - неумная, первая такая любовь... я его просто как бы боготворила. Он был очень талантливый человек, учился в нашем институте, на семь лет старше меня, очень интересный, очень трудолюбивый.... Когда я вышла за него замуж..., я его очень сильно любила. Я не хотела жить дома, я хотела жить с ним. Я хотела жить с ним, вот просто жить каждый день.” (Н.О.)

Кончается эта история тем же: “Он как-то сломался...” Следует развод по инициативе жены.

Для опыта советской замужней женщины характерно разочарование в советском типе семьи. Семейная жизнь - это непосильная нагрузка двойной или тройной занятости на работе, дома и по обеспечению семьи, частые случаи мужского алкоголизма и отсутствие помощи по дому со стороны мужа. Все это, впрочем, описано в известной в свое время повести Н. Баранской “Неделя как неделя”.

Описывая динамику супружеской жизни, респондентка вспоминает:

“Потом начались такие запойные явления, когда он на меня очень агрессивно нападал, он начинал ругаться матом и.. обзывать...он, например, мог вечером не прийти ночевать. Он уходил, они там пили пиво, отдыхали, к ним ходили девчонки, а я почему-то - не знаю, почему, но я занималась и дома сидела, и очень любила хозяйство: я любила печь пироги, готовить. И часто было так, я жила в районе, который семь километров лес, поселок так называемый, и я бежала за ним ночью, в три часа, до трех часов его ждала, зимой и летом бегала.” (Е.Щ.)

“Он паразитировал на мне, потому что все пропивалось... Да, я работала, например, до 9-10 часов, И я работала очень поздно, а потом ехала к нему сразу с работы. И всегда он меня встречал: “Деньги везешь?”(Р.О.)

В отличие от многих других женщин с подобной историей семейной жизни, мои респондентки не были готовы к предписанному терпению. Очевидна прежде всего сложность для профессионально ориентированной женщины, будущей феминистки, смириться с ролью супруги, как она определена гендерной системой советского общества:

“... Когда мой коллега-мужчина приходит домой, я знаю, что его кормят, поят, обстирывают, обглаживают и т.д. Выпроваживают домой наготово, даже сбегают и книги принесут из библиотеки, которые нужно. Я же, когда прихожу домой, я должна кормить, стирать, обувать, еще успевать читать, анализировать, писать, и т.д. Я все это делаю за счет своих внутренних физических резервов. Почему? Потому что, опять же, мы так воспитаны, что все это должна делать женщина... И везде эта работа фактически идет как неоплачиваемая работа. Этого не замечают, допустим, мужчины все во всяком случае, и этого не замечают очень многие женщины. А когда они начинают это замечать, они начинают думать: а зачем вообще рядом с ней вот этот мужчина, которого она кормит, поит, обстирывает, получает от него что: постоянное ворчание, постоянное брюзжание, и т.д., и т.д.” (Н.В.)

И вот еще одно выражение неприятия советского варианта брака:

“Что такое семья? Если мужчина говорит, что для него семья это: чтобы он пришел домой - и перед ним ужин стоял, - то я ему говорю, что мне тебя очень жаль. Потому что, видимо, ты себе искал жену по принципу кухарки и домохозяйки. Я могу тебя поздравить, ты нашел, видимо, кухарку себе, но вслед за этим перед тобой встанет другая проблема...: тебе нужно будет найти любовницу. Потому что это очень трудно все совместить. Ты найдешь любовницу - перед тобой встанет вопрос: тебе нужна будет интеллектуальная подруга, которая могла бы быть твоим другом, собеседником и т.д. У нас так и живут, ряд мужчин, ведь по несколько семей имея. Т.е. они не могут жить с одной женщиной в силу того, что эта женщина не может совместить в себе вот все эти роли как следует... А мне кажется, что если ты мужчина и тебе нужен, извините, ужин дома на столе, то ты должен заработать столько, чтобы ты мог завести себе домохозяйку - и платить за этот труд, тогда у тебя будет ужин, завтрак и обед. А не жену заставлять успевать и ужин делать, и в постели, значит, быть прекрасной, еще и на работу ходить, детей уметь воспитывать, и т.д., и т.д.”(Н.В.)

Роловой конфликт и рассогласование ожиданий в сфере семейной жизни приводят к разочарованию в браке, когда он построен на патриархатных принципах. Рассказывая о семейных конфликтах, приведших к разводу, одна из женщин вспоминает:

“У нас не было объективных каких-то проблем. Проблемы были чисто субъективные, но они оказались очень важны. Но конечно, на самом деле, ему нужна была такая женщина, которая была бы традиционной организаторшей его жизни и фактически такой секретаршей широкого профиля. И мои притязания в плане личных интересов он воспринимал со страданием. Я, например, была потрясена, когда я писала диссертацию... он меня спрашивал: ты написала диссертацию потому, что плохо ко мне относишься? - это цитата, меня это несколько удивило. Хотя где-то там на людях он мог очень долго этим хвастаться.”(О.Б.)

Во фрагменте, приведенном выше, рассказчица прямо указывает на **фактор относительной депривации, - по ее словам, “субъективный фактор”** - который оказался причиной семейной драмы. Об абсолютной депривации - плохих жилищных условиях, низком уровне доходов - здесь речи не идет. Рефлексируя о причинах разрушения семейной жизни, которая еще недавно казалась счастливой и прочной, казалось, была гарантирована общим ребенком, семейным достатком, собственным жильем в отдельной квартире и престижными занятиями как мужа, так и жены, рассказчица продолжает:

“Нужна постоянная готовность идти на компромисс совместного проживания с кем-то. Потом мой бывший муж стал пить, перестал представлять всяческий интерес как мужчина, хотя он был достаточно молодой человек. (.) А потом, это же действительно, как болезнь, токсикомания. Тут сохранялся брак только в том случае, если вторая сторона - как правило, женщина - шла на глобальный компромисс, отказываясь на 80-90% от каких-то собственных интересов, притязаний и т.д., т.е. лишь сопровождая его...” (О.Б.)

Итак **развод** - это тот опыт, через который прошло большинство моих респонденток. Единственным исключением (и показательным) была женщина, вышедшая замуж в 30 лет, т.е. поздно, по советским меркам. По ее утверждению, ее муж также является феминистом. Развод в данном случае существенно значим как мучительное личное решение, принятое женщинами, не способными более идти на компромисс и жертвовать своей собственной жизнью ради кого-то. Развод может быть интерпретирован как сознательный и символический отказ от роли советской жены - воплощенного терпения, подруги, “спутницы жизни” и жертвы. Это протест против советской гендерной системы и ее базового контракта (Rotkirch, Temkina 1995).

Причиной разводов объявляется и “распад личности” мужа, и то, что “он перестал быть мужчиной, хотя был еще совсем молодой человек”, и “бытовое пьянство и хулиганство”, и (во время перестройки) идеологические разногласия. Характерно при этом, что женщины осознают социальную обусловленность судьбы супругов или партнеров. Они часто повторяют тезис, проливающий свет на жизни многих мужчин при советской власти:

“Он был талантлив, и потому у него был постоянный комплекс неполноценности. Он не мог реализоваться в этой стране при этом режиме, он пил постоянно...” (М.Н.)

Чувство самосохранения и самозащита выталкивали женщин из такой семьи. Расхождение их социализации с гендерной системой приводило к личному кризису. Они были социализированы как независимые автономные личности, а советская гендерная система предписывала им роль “спутницы жизни”.

В зависимости от возрастной когорты феминисток можно говорить о разводе, пришедшемся на период перестройки и трансформации вообще, и о разводе “доперестроечном”. Надо сказать, что перестроечный развод - особое социальное явление. Он является симптомом разрушения всего советского образа жизни, казавшегося сложившимся и устойчивым. Развод в

период перестройки может быть интерпретирован как символ ресоциализации - отказа от старых образцов в приватной сфере, не совместимых с новыми возможностями, новыми практиками и тенденциями демократизации. Любопытно, что в числе наиболее важных решений, принятых ими в течение жизни, женщины неизменно называют развод. Приговор был таким образом подписан не браку как таковому, а браку старого советского типа, который оказался не способным к изменениям, востребованным временем. Демократизация с трудом происходила в обществе, но в приватной сфере и в сфере интимных отношений часто она была невозможна (Giddens 1992).

“Я шутила, что мой брак - это вообще жертва перестройки. Если бы не это (реформы), мы бы продолжали жить как Филимон и Бавкида и трубили бы до самой смерти.” (Н.Б.)

Это означает, что сензитивность к иерархическим структурам, несправедливости, неравноправию повысилась у будущих феминисток в период перестройки, и развод такого рода можно интерпретировать как акцию демократического протеста против советской гендерной системы. Опыт развода создает новое отношение к браку, которое постепенно становится программным.

Из интервью:

“Да, вы знаете, я в общем-то ни разу фактически, наверное, не пожалела в общем о том, что я развелась. Потому что, видите, в чем дело: я человек такой довольно общительный, у меня масса контактов, масса связей, у меня даже есть любимый человек на сегодня... Единственное, что я думаю, что может быть я больше не должна вступать в брак вот *в том смысле, как это обычно делается* (выделено мной - Е.З.) Потому что так много пишут, что любовь и брак это вещи разные, что у нас такой тяжелый быт, что вот эти чувства о быт разбиваются... Я не вижу сегодня необходимости для себя вступать в так называемый законный брак. Мне кажется, что людей должны объединять несколько другие вещи. В конце концов, можно составить брачный контракт, совсем необязательно регистрировать эти свои отношения.” (В.Н.)

* * *

Большинство из интервьюируемых имеют также опыт *материнства*. Рождение и воспитание детей заставило их по новому оценить свой собственный позитивный и негативный опыт гендерной социализации. Мне хотелось бы подчеркнуть роль родительства - материнства советского типа - в процессе роста феминистского сознания.

Прежде всего ощущается воспроизводящаяся модель символического отца или отсутствующего отца. И независимо от того, замужем женщина или нет, ее собственный отец и отец ее ребенка - это фигуры, посещающие дом, но не живущие в нем полноправно. Конечно, с разводом эта роль “приходящего папы” усугубляется. Вспоминая детство своего сына, мать рассказывает:

“Он (бывший муж) практически не принимал участия в воспитании ребенка. Особого желания помогать не высказывал. Он периодически звонил, он так до сих пор как бы периодически звонит, но это как бы не является регулярной частью нашей жизни. Я в общем-то никогда не говорю “нет”, когда сейчас сын с ним встречается; но это просто приобрело очень смешные формы сейчас.”(Н.О.)

Еще один пример:

“Алименты он платил, очень маленькие. Были какие-то периоды, когда 4 рубля с него вычитались. Дополнительно сверху он ничего не давал, с ребенком он не виделся. Ну, свекровь его за руку всегда приводила, раз в год на день рождения к ребенку.”(О.Д.)

Опыт материнства без поддержки отца содействовал формированию автономности и независимости сильной женщины, ответственной не только за свою жизнь, но и за жизнь своего ребенка. Такая женщина- мать становится главой семьи. Она вынуждена совмещать роль добытчика (breadwinner - традиционная мужская роль) и с ролью хранительницы домашнего очага (традиционная женская роль). Если в такой семье есть бабушка, то традиционную женскую роль, как правило, выполняет она. И тогда этот треугольник может выглядеть следующим образом: мать в роли традиционного отца - бабушка в роли традиционной матери - и ребенок - всегда в своей собственной роли опекаемого.

Советские материнские практики способствуют формированию определенного вектора феминистского сознания. Как правило, о радикальном феминизме как идеологии отождествления мужчины со злом, речи тут не идет. Те феминистки-матери, у которых я брада интервью, особенно чутко относятся к дискриминационным практикам по отношению к мужчинам и к проблеме воспитания мальчиков.

“...Мне хотелось воспитать его в моем представлении идеального мужчины. Вот те мужчины, с которыми я сталкивалась, как-то все не соответствовали моим представлениям. В чем-то они как-то в общем проигрывали. И мне казалось, что у меня обязательно должен быть мальчик, которому я расскажу, как нужно понимать женщину, как нужно ее любить, как нужно ей помогать. В общем, я не знаю, насколько у меня это получится. Но я все время говорю своему ребенку, что ты должен у меня все уметь: готовить, стирать, убирать. И он иногда, значит, ворчит на меня, но, как правило, все делает. Я все время говорю: я очень не хочу, чтобы твоя жена потом испытывала какие-то с тобой проблемы, я должна всему тебя научить.”(Н.В.)

Другая феминистка рассказывает:

“У меня - мальчик, и потому для меня феминизм это прежде всего борьба с дискриминацией по отношению к мужчинам. Почему мальчики должны быть жестокими, чтобы выжить? Почему общество требует от них черствости и вытесняет их из сферы тепла и дома? Феминизм означает сопротивление этому в нашей жизни.” (Д.Р.)

Итак, в годы застоя политический климат, профессиональная жизнь и приватная сфера стали контекстом эскапизма и неудовлетворенности. Лишь неформальная среда способствовала самореализации женщин, но в этой сфере они должны были также выполнять предписанную традиционную вторичную роль. Конфликт между ожиданиями, сложившимися в период социализации, и возможностями их реализации в условиях душного режима создал типичный синдром относительной депривации. Однако возможности для личного и группового протеста появились лишь во второй половине 1980х годов.

Феминизм и перестройка

Решающими событиями для феминисток стали изменения в общественной и личной сфере, произошедшие в период перестройки (1985-1991). Перестройка стала этапом их ресоциализации. Прежние юношеские ориентации на политический и социальный активизм и профессиональную самореализацию возродились в этот период, благодаря политическим возможностям, появившимся в процессе развития цикла реформ и протеста (Duka, Kornev, Voronkov, Zdravomyslova 1995; Zdravomyslova 1996-с). В целом, можно сказать, что перестройка способствовала дальнейшему развитию творческой инициативы практически во всех сферах деятельности этих талантливых и в высшей степени ориентированных на успех женщин. Они начали подвергать сомнению все - политический режим, прошлый и настоящий, базовую идеологию и свой собственный образ жизни, стереотипные практики, в частности, в их гендерном измерении. Они стали “возвращаться к себе”.

На ранний период перестройки приходится по всей стране подъем неформального комсомольского активизма, и все наши респондентки, которые в этот период еще находятся в комсомольском возрасте, проявляют его в полную меру.

“Я страшная активистка была. Я была заместителем секретаря комитета комсомола по шефской работе, у меня было три школы, у меня была боевая комсомольская дружина, у меня было 60 трудных подростков, у меня был целый микрорайон. Каждый завод шефствовал над микрорайоном. И работали мы круглыми сутками, проводили военно-спортивные слеты, выездные игры летние, зимой - зимние кроссы... И пели, и плясали, и стенгазету выпускали, стихи я сама писала, и вообще, всегда была центром и душой всех этих тусовок. У меня есть фотография, где я командир военно-спортивного слета всего завода; каждый цех выдвигает свою команду; я там стою, все в пилотках, в форме, честь отдают... Бесились, совершенно здорово было, самые интересные такие годы.” (Ж.Н.)

Для более молодых женщин именно возможности перестройки открыли ту привлекательную среду, которая оказала решающее влияние на развитие их самосознания и феминистских взглядов. Это было время, когда полуподпольные, диссидентствующие среды периода застоя стали публичными и открытыми и для тех людей, которые не имели к ним доступа ранее. Те круги, в которые можно было попасть лишь благодаря специальным талантам или в условиях протеста с родительским поколением, во второй половине 1980-х годов оказались гостеприимными для всех желающих.

Приведу подробный рассказ о том, как в период перестройки люди получали доступ в формирующую среду:

“В 28 лет (1988 год! - Е.З.) попала на игру Щ., вот это был абсолютнейший поворот в моей жизни. Город вообще всегда славился разными новациями. Кто-то случайно попал на одну из игр, кто-то из начальства большого. После этого у нас их было шесть игр, это вообще редкий такой случай, чтобы много раз запускали такого разрушителя просто и времени, и всего на свете... Ну, в мае, это было в мае 88-го года. Была выездная 68-я деятельностная игра. Я попала туда совершенно случайно. Как-то дали такую разнарядку, чтоб было там несколько социологов; меня послали просто, как в командировку. Т.е. это собирал... зам.генерального директора по связям с общественностью и информацией; и он дал такое распоряжение, чтобы всех отправили на эту игру. Игра была по региональному развитию. Вот, я первый раз увидела вообще ребят и самого Г.П. Конечно, это воображение потрясает..., и я совершенно подпала под магию этого действия.” (М.Н.)

Другие женщины, особенно в столице, активно вовлекаются в демократическое движение периода перестройки.

Вот еще один рассказ из интервью:

“Потом, начинается... В 88-м году возникает движение диаспоры... После Сумгаита стали как бы со страшной силой создаваться армянские общества, и я вот стала зам. председателя армяно-русского общества (.) “Северное сияние”. И в общем, года четыре я очень активно в этом участвовала.” (О.Д.)

Не только политический активизм, но и профессиональные возможности для самореализации возрастают:

“В 90-м году у меня изменилось - как бы настрой рабочий и вообще ситуация... Во мне было много, так сказать, неиспользованного. Я никогда не работала активно, и, мне

казалось, что я уже этого не хочу. И так вот я немножко проснулась, как большинство, видимо, людей в этот начальный перестроечный период.”(К.Я.)

“Ну, а у меня был чисто вот такой азарт, который был связан еще с тем, что вот как-то это была перестройка, мне было там тридцать с чем-то лет, и мне казалось, что вот, я ничего не сделала раньше, хотя было много достойных людей, которые, значит, вот участвовали в протесте каком-то... Ну, и как многие, наверное, люди: было какое-то определенное чувство вины - мне казалось, что вот в этот момент, если я что-то могу сделать... Ну, кроме того, что мне это самой хотелось. Т.е. это было достаточно искренне. И мы этого добились, как ни странно.”(К.Я.)

Появились возможности для профессионального роста и признания:

“А когда у меня начались дела, вот Перестройка когда началась, как-то ... времени стало меньше оставаться...Цензуру отменили, мои пьесы разрешили к исполнению. А как Союз (театральных деятелей) развалился, так у меня действительно пошли все дела. Тут же появились западные продюсеры, которые... они на нас до этого не могли выйти - им не давали адресов просто. Пьесы по рукописям-то на Запад попадали, а вот найти невозможно было нас; потому что приглашение приходило в Союз театральных деятелей - его аккуратно рвали и бросали в корзину.” (Н.Б.)

Дискриминация и перестройка

Нельзя сказать, что до перестройки не было дискриминации. Однако, она не была осознана. Дискриминирующие женщин практики считались нормой или даже справедливостью, торжествующей вопреки советской идеологии в женском вопросе.

Однако во время перестройки, когда появились возможности для самореализации как в профессиональной, так и в политической сфере, сензитивность женщин в отношении прав личности и чувства собственного достоинства усилилась. Дискриминирующие практики стали вызывать у них личностный протест. Если в застойное время они готовы были мириться с этим или не обращали внимания, уходя в социальную нишу, то в новых условиях такая позиция стала неприемлемой.

Вот фрагмент из интервью:

“Когда я пыталась работать с людьми, которые мне казались своими, - по возрасту, по типу мышления, по идеологии, в 90-е годы все это было очень важно, - то выяснялось, что на самом деле деньги там гораздо больше решают и значат. И что меня больше убило: даже не деньги, а страшное желание стать новой номенклатурой, отношение к людям... Вот был один момент, когда мы ехали в машине, и что меня убило: провожая меня, один из новых начальников, из очень таких уважаемых мною людей молодых, сказал: “Я отвезу Вас на машине, кто у нас сегодня дежурный шофер?” - и сделал пальчиками такой шелчок, вот. После этого я пришла домой и долго говорила мужу, что я себя комфортнее чувствую с людьми, которые... не самоутверждаются за счет шоферов... Это может быть, это даже ко всему новому поколению относится.” (К.Я.)

Второй отрывок показывает как происходит когнитивное освобождение - своеобразное прозрение и осознание сексизма как дискриминации по признаку пола.

“Я это не воспринимала как дискриминацию, действительно. Там, где я работала и училась, я под нее не подпала. Я долго считала, что ее нет, потому что я под нее действительно не подпадала.. Я помню, что меня несколько раз даже приглашали на какие-то встречи с какими-то там редакторами чего-то, что “вот у нас такая молодая женщина этим занимается.” (Как в анекдоте - есть квота:) один еврей и две женщины. У

нас был такой образцово-показательный еврей один, а женщин было, конечно, больше. А почувствовала я элементы дискриминации на работе, когда я была единственная еще молодая тетка среди наших прославленных этих мастодонтов-демократов в “Огоньке”. Первое, что сказал наш полковник в отставке, МВД-шник, который преступностью занимается: “Ну, теперь, - говорит, - анекдот не расскажешь”. Он нежнейше ко мне относился. Они все ко мне очень хорошо относились. Не говоря о том, что эта моя “женская тема” не вызывала большого энтузиазма у них, они считали, что это глупость, это несерьезно. И когда я про женщин в политике чего-то пыталась сделать, наш главный защитник демократии - редактор отдела политики - был убежден, что я расскажу о том, что бабам нечего соваться. Когда оказалось, что все наоборот, он просто схватил меня за рукав, с вытаращенными глазами говорил: “Вы что, феминистка, что ли?”” (О.Б.)

Перестройка и советский брак

Семейный кризис и разводы типичны для этих женщин. Много “браков, социалистических по своему происхождению”, было расторгнуто. Ни жены, ни мужья не были удовлетворены изменяющимися отношениями, хотя и по разным причинам. Гендерный контракт, типичный для советской семьи, стал неэффективным и начал разрушаться среди образованного класса (Rotkirch, Temkina 1996, Zdravomyslova 1996-a).

Вот история *перестроечного развода* из уст одной из респонденток:

“(В связи с перестройкой) я вернулась в свой, видимо, динамический стереотип, и у меня началась бешеная раскрутка. А как она у меня начиналась, так она у меня уже не затухала. Т.е. Т. (муж - Е.З.)- он такой парень, достаточно патриархальный: он мне очень помогал - там, по дому и все, но он это делал как бы не потому, что он считал, вот так должно, а потому что он хороший; вот плохие-то - нет, не помогают, а он - хороший, он жену любит... И пока к нему ходили брать интервью, пока его фотографировали, а я подавала кофе, все было нормально. Когда это изменилось, я увидела, что все - мужик гибнет просто. У него пошли обломы с работой, он не вылезал из депрессий, он перестал зарабатывать деньги. Мне это было все равно, потому что я начала зарабатывать очень много, а он на этом начал ломаться. И мы пришли к такому моменту, что я заходила в дом и уже знала, что через пять минут он мне скажет, что посуда грязная, пыль везде... Ну, в общем, это, конечно, обломило очень сильно наш брак.”(Н.Б.)

Женщины стали ориентироваться на новый тип отношений, не слишком распространенный в советских семьях. Они стали обсуждать возможность партнерского союза западного типа или регулярных отношений с партнером вместо брака. Демократизация в интимной сфере стала их требованием, не получившим удовлетворения. Результат - развод. При этом часто “стремление к семейной жизни” и даже “тяга к ней”, сохраняется, однако, наладить ее очень трудно. Трудно организовать партнерские отношения в обществе, где семья предполагает выраженное лидерство и отношения иерархии. Трудно сочетать семейную жизнь с профессиональной. Семейная жизнь означает, по словам одной из респонденток,

“что мне просто нужно менять целиком образ жизни. Это невозможно. Да и очень... как-то безумно сложно строить новые отношения, потому что в тот образ жизни, который я веду, в общем-то муж не вписывается абсолютно. Вписывается друг, но из серии такой - приходящий редко. Так, раз в неделю.” (Н.О.)

Респондентка, относящаяся к более молодому поколению, размышляя о планах создания семьи, прямо говорит о сложностях совмещения “личной жизни” и общественной/ профессиональной деятельности:

“Я увидела одного своего знакомого, который попадает еще в круг интересных мужчин... И другого его знакомого, милые молодые люди - за последний год, пожалуй, единственные, на кого можно было положить глаз. И ... мы пили пиво и ... закончился день, и началось утро для меня в другой квартире, на другом конце города. И что: я приехала на работу без текста. Более того, я приехала... с разобранной головой. Хотя выпила я бутылку пива, ничего такого особенного не происходило. Но я вдруг пришла к ужасу, что вот, если я на ночь даже выключаюсь из... Получается, что я тогда не буду успевать делать все, во что я сейчас себя вкрутила.” (Н.М.)

Феминистская ниша

С того момента, как женщины стали осознавать, что имеет место дискриминация по признаку пола, они стали искать нишу для своего социального и профессионального активизма. Эту нишу они создали сами, используя возможности для инициативного действия, открытые в период перестройки.

Среди ресурсов, которые стали им доступны, значимы были *навыки общественной активности и международные контакты*. Личное знакомство с западными феминистками, проводящими исследования в России, феминистская литература, привезенная с Запада, участие в той или иной международной конференции стали поворотными моментами в “обращении” будущих феминисток.

В интервью женщины называют имена западных коллег и российских лидеров - пропагандистов идей, вспоминают конкретные события, которые повернули их в сторону феминизма.

Поскольку западный феминизм активно содействовал формированию групп в России, важным ресурсом мобилизации стало *знание иностранного языка, в особенности английского*, как языка международного общения. Одна из лидеров феминисткой группы сформулировала мысль о значимости английского языка для феминистской мобилизации следующим образом:

“Главная задача нашего движения - изучение английского языка. Это краеугольный камень современного феминизма в России.” (Ж.Д.)

Лидерами новых групп стали женщины, знающие иностранный язык - именно они явились ключевыми фигурами в международных контактах и в распространении идеологии движения. В тех случаях, когда женщины не знали иностранного языка для них особенно значимой становилась *фигура подруги-лидера движения*, харизма которой подкреплялась знаниями сакральных литературных источников. “Безъязыкие” полагались для вторичные знания, почерпнутые из рефератов и переводов иностранных первоисточников.

Для всех этих опытов и ощущений у этих женщин не было адекватного слова. Но скоро оно нашлось. Это был слово - “феминизм” - , которое пришло с Запада и было усвоено и как термин, и как самоназвание.

Из интервью :

“Сюзанна сказала мне, как только мы с ней познакомились, что я феминистка. Когда мы стали с ней отражать нападки этих мужиков, что женщинам не место в политике, а как не место, если Вера Кригер делала “Демократическую Россию”, Салье и Старовойтова были очень известные женщины-политики; Белла Куркова, Белла Денисенко - также. Как они могли не считаться с ними, да? И тогда Сюзанна мне сказала: “Ну, ты прямо вот чистая, нормальная, совершенная вот феминистка. Может быть. Знаешь, я вот как-то просто жила-жила и не думала. Вот в декабре прошлого года я выяснила, что я пацифистка еще, вот до декабря прошлого года я этого не знала.” (Н.О.)

Усвоить и применить по отношению к себе лейбл, который имеет отрицательные коннотации в общественном мнении, помог им опыт политической социализации в среде, оппонирующей советскому режиму:

“Я рано научилась говорить “нет”. И назвать себя феминисткой - все равно, что сказать “нет” этому обществу.” (Н.Б.)

Заключение

В заключение мне бы хотелось переформулировать тезис Алмонда и Вербы, которые утверждали, что поколенческий эффект и механизм социализации являются решающими для формированию идеологии. Эти факторы оказались решающими и для формирования коллективной идентичности российских феминисток. В решающий период своей жизни они жили в сходных политических и социальных контекстах, были подвержены действию тех же социальных сил и пережили те же значимые события. “Существует поколенческий эффект, когда одна и та же группа реагирует на одни и те же стимулы... и они несут себе влияние эти стимулов через всю свою жизнь (Mannheim 1952, Almond & Verba 1980:400) .

Социализация российских женщин, принадлежащих к образованному классу, как работающих матерей создала предпосылки для их обращения в феминизм. Процесс роста сознания и когнитивного освобождения был усилен благодаря практикам социальной среды и политическим возможностям активизма в период перестройки. Внешние ресурсы, поступающие от западных феминисток, также и как роль лидерства, также способствовали вовлечению женщин в феминистское движение в России.

Литература

- Almond, G.A. and Verba, S. (Eds.). 1980. *Civic Culture Revisited*. Princeton: Princeton University Press.
- Allapuro, R. 1993. *Civil Society in Russia?* In: *The Future of the Nation State in Europe*. Ed. by Jyrki Livonia, Edward Elgar Publishing Limited.
- Cushman, Th. 1995. *Notes From Underground. Rock Music Counterculture in Russia*. State University of N.Y. Press.
- Duka, A., Kornev, N., Voronkov, V., Zdravomyslova, E. 1995. *Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad* // *International Sociology*, Vol. 10, March, pp.83-99.
- Giddens, A. 1992. *The Transformation of Intimacy*. Polity Press.
- Mannheim, K. 1952. *The Sociological Problem of Generations*. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. London.
- Porta, della, D. 1992. *Life Histories in the Analysis of Social Movement Activists*. In: M. Diani and R. Eyerman (Eds). *Studying Collective Action*. Sage Publications.
- Rotkirch, A., Temkina, A. 1996. *The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia* // *Actia Sociologia*. В печати.
- Shlyapentokh, V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York: Oxford University Press.
- Zdravomyslova, E. 1996-a. *The problems of Becoming a Housewife*. In: *Women's Voices: Work, Everyday Life and Social Skills of Russian Women*. Dartmouth Publishers.
- Zdravomyslova, E., Gerasimova, K., Troyan, N. 1996-b. *Gender Stereotypes in Russian Pre-school Literature*. In: *Women's Voices: Work, Everyday Life and Social Skills of Russian Women*. Dartmouth Publishers.

Zdravomyslova, E. 1996-c. Opportunities and Framing in the Transition to Democracy: the case of Russia. In: D.McAdam, J. McCarthy and M.Zald (Eds.) Comparative Perspectives on Social Movements. Political opportunities, mobilizing structures and cultural framings. Cambridge University Press. Pp.122-140.

Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. 1994. Миф о качественной социологии // Социологический журнал. N 2, с. 28-43.

Голофаст В.Б. 1992. Социальная структура, иерархия и образованный средний класс // Региональная политика. N 1, с. 32-51.

Левада Ю. (ред.) 1993. Советский простой человек. М. "Мировой океан".

Московский Центр Гендерных исследований, 1990-1995. МЦГИ, 1995.

Условия труда и быта женщин. 1992. Статистический сборник. М. Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата России.

Шуман Г., Скотт Ж. 1992. Коллективная память поколений // Социологические исследования N 2.

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ДИССИДЕНТСКОМ ДВИЖЕНИИ (1956-1986)

Случай Ленинграда

Введение

Диссидентское движение было в последние годы объектом исторических, советологических и социологических исследований. Они охватывают различные аспекты диссидентства: идеологию, идейные истоки и наследие, социальную базу. Однако, гендерный аспект участия в диссидентском движении, разделение ролей между мужчинами и женщинами, еще не изучался. Исследование этих вопросов необходимо для понимания диссидентской среды, реконструкции ее повседневной жизни, изучения статусов, ролей и стратегий выживания диссидентов в условиях преследований. Изучение участия женщин в диссидентском движении важно также и потому, что оно вносит вклад в исследование проблем женского участия в политической деятельности, в том числе и в совершенно особой подпольной (нелегальной).

Объектом данной статьи является мотивация участия и сценарии вовлечения женщин в диссидентское движение; разделение ролей между мужчинами и женщинами в движении; особенности повседневной жизни диссидентов, обусловленные участием в оппозиционной деятельности и преследованиями властей. Исследование охватывает истории жизни трех групп участниц диссидентского движения: участниц подпольных групп (преимущественно 1956-65 гг.), оппозиционных кругов (1965-85 гг.) и участниц феминистской группы (1979-82 гг.).

Понятие “диссидентское движение Ленинграда”

В данном исследовании понятие “диссидентское движение” рассматривается в более широком смысле, чем “движение за права человека”. Под “диссидентством” понимается сочетание инакомыслия и инакодействия, оно не подразумевает конкретной политической ориентации. Это совокупность мыслей и поступков, не соответствующих идеологии, нормам и ценностям советского общества, направленных на изменение или подрыв советской общественной системы. Под “движением” понимается “коллективное образование, действующее в течение достаточно длительного времени, целью которого является содействие или сопротивление социальным изменениям в обществе или группе, частью которой оно является.” (Р.Тернер, Л.Киллиан, цит. по Здравомыслова 1993:18). Вопрос о периодизации диссидентского движения дискуссионен. С социологической точки зрения, “рассматривать сопротивление режиму как общественное движение возможно лишь по отношению к периоду, начавшемуся в 1956 году... XX съезд КПСС зафиксировал окончание эпохи безоговорочного господства ортодоксального сталинизма. Хрущевская “оттепель” стимулировала распространение не только инакомыслия, но и инакодействия” (Voronkov 1993: 940). Движение закончило свое существование около 1985 года, с началом реформ Горбачева, а окончательно оно прекратило свое существование после 1987, когда были освобождены политзаключенные и стали возможны открытые формы политической деятельности. Таким образом, движение существовало примерно тридцать лет (1956-85) и, “говоря об этом тридцатилетии, следует считать движение сопротивления единым, поскольку объективно главной целью его существования был именно подрыв монополий на идеологию и политическую деятельность” (Voronkov 1993: 940).

Диссидентское движение разделяют обычно на два этапа: период становления движения (1956-65 гг.) и правозащитный период (1965-85). Первая стадия движения проходила в Ленинграде так же, как и в других крупных городах. Возникло два направления общественного

движения: “общее” движение, которое проявлялось в многочисленных дискуссиях в стенах Вузов и в домах интеллигенции, в появлении самиздата и магниздата, и “реформаторское” движение, участие в котором было небезопасно и в него были вовлечены немногие. В это время были предприняты первые попытки объединения для выражения политического протеста, а именно тайные политические кружки и подпольные группы.¹ В период после 1965 года характер диссидентского движения приобрел свою специфику по сравнению с движениями в Москве и других городах.

Специального исследования, посвященного специфике диссидентского движения в Ленинграде, еще не было проведено, но некоторые исследователи рассматривали этот вопрос. Например, историограф диссидентского движения Л.Алексеева, сравнивая движение в двух столицах, приходит к выводу, что развитие общественной жизни в Ленинграде шло в одном направлении с Москвой, оно “проходит те же стадии, но каждая из них в Ленинграде оказывается продолжительней, чем в Москве, и ‘отставание по фазе’ с течением времени не исчезает, а, возможно, углубляется.” (Алексеева 1993: 270) По ее мнению, инакодействие в Ленинграде характеризуется также большей “подпольностью”. Так, например, в Москве, подпольные группы как форма протеста к концу 60-х прекратили свое существование, тогда как в Ленинграде они продолжали существовать и в дальнейшем.

Анализ интервью и воспоминаний показывает, что ленинградское движение имело инфраструктуру, подобную московскому правозащитному движению. Так, функционировали сеть взаимопомощи (фонд помощи политзаключенным, “открытые дома”), сеть информации (“Хроника текущих событий”, различные самиздатские бюллетени и журналы). При этом ленинградское движение было только отчасти “филиалом” московского, но в целом оно имело иную, в большей степени “культурную”, чем “политическую” направленность. Судя по деятельности многих диссидентских кругов Ленинграда, целью их было прежде всего восполнение информационного вакуума в гуманитарных областях и открытие для свободной дискуссии произведений неизвестных западных и русских авторов и исторических документов и публикация их в самиздате.

Методы исследования.

Исследование проводилось методом коллективной биографии². Было проведено 18 свободных биографических интервью³ (интервью о жизненном пути) с бывшими участницами ленинградского диссидентского движения. В интервью рассматривались следующие темы: детство; юность; школьные и студенческие годы; формирование мировоззрения и инакомыслия; политические взгляды; мотивы, побудившие к участию в движении; агенты рекрутирования; любовь, семья, воспитание детей; образование, профессия и работа; деятельность в диссидентском движении; опыт заключения или поездок на свидания в лагерь. Полученные интервью обрабатывались при помощи качественного контент-анализа.⁴

Особенности “рассказов о своей жизни”⁵, сообщаемых женщинами.

Об особенностях женских рассказов о своей жизни и о различиях между восприятием своей биографии мужчинами и женщинами писали многие исследователи автобиографий. Например, Альбрехт Леманн указывает на существенные, по его мнению, различия между рассказами о жизни мужчин и женщин: “Женщины переживают такие же периоды жизни, как мужчины, и они включены в тот же процесс исторического развития. Однако, их жизнь движется

¹ о подпольных группах периода 1956-65 гг. см. Иофе 1982, 1991.

² метод коллективной биографии (прозопрография): исследование общих отличительных черт группы исторических действующих лиц через обобщенное изучение их жизненных путей. (Schroeder W, 1985)

³ о биографическом интервью см. Fuchs W 1984.

⁴ О качественном контент-анализе см. Mauring, Ph. 1988.

⁵ “рассказ о жизни” соответствует англ. понятию “life-story” и немецкому “Lebensgeschichte”.

по иным рельсам, чем жизнь мужчин... Течение жизни мужчин и женщин имеет разные центры. Если мужчина, как правило, живет, прежде всего, своей профессией, то “женский” рассказ о жизни нередко представляет собой ‘историю брака.’” (Lehmann 1983: 50-51) Хотя по отношению ко многим женщинам, это не полностью правдоподобно, такую тенденцию можно проследить и на примере интервью с диссидентами. Особенность информантов-женщин заключалась в том, что, независимо от уровня образования и профессионального статуса, они больше и подробнее рассказывали о повседневной жизни своей семьи, о ежедневных проблемах, о своих детях, чем мужчины из их круга. Эти особенности женских рассказов делают их ценными источниками как для изучения биографической ситуации участниц движения, так и для реконструкции субкультуры диссидентской среды.

Коллективная биография участниц диссидентского движения: социализация и “путь к диссидентству”

Сравнение рассказов о жизни участниц диссидентского движения позволяет реконструировать обобщенный жизненный путь героинь данного исследования. В этой коллективной биографии отражены основные этапы социализации женщин и факторы, оказавшие влияние на их вовлечение в оппозиционную деятельность.

Участницы диссидентского движения принадлежат к различным биологическим и социологическим поколениям³. Среди них те, кто принадлежит к поколению “шестидесятников” (родившиеся до войны), и те, кто родился в 50-х - начале 60-х годов. Их социальное происхождение (место рождения, профессия родителей, их образовательный уровень, материальное положение семьи) было различным. В диссидентском движении участвовали женщины, родившиеся в Ленинграде и в провинции, в семьях рабочих, военных, интеллигенции... и т.д. Таким образом, социальное происхождение не было дифференцирующим фактором, отличавшим участниц оппозиционной деятельности. Наиболее значимы были события периода вторичной социализации: вовлеченность в неформальные кружки и среды, прочитанные книги и критически воспринятые общественно-политические события, конфликты с советской системой и влияние “значимых других”. Рассмотрим подробнее эти этапы социализации:

Участие в неформальных кружках и средах.

Формирование мировоззрения и инакомыслия, критического взгляда на окружающую действительность было во многом обусловлено социализацией в дружеской среде, где дискутировались происходящие в обществе события и процессы, обсуждались книги и фильмы, в обмене мнениями рождались различные идеи. Чаще всего такой средой были неформальные кружки. Для периода оттепели, в конце 50-х и в 60-е годы, было характерно возникновение кружков среди комсомольских активистов, объединенных вначале совместной общественной деятельностью. В семидесятые годы это чаще бывали кружки по интересам (например, литературные объединения). Для участниц феминистской группы характерна социализация в кругах “второй культуры”.

“Глаза открылись немножко, когда я поступила в университет. И у меня появился доступ к литературе, к книгам. Матмех всегда отличался этим, туда поступали люди, которые мыслили самостоятельно, отличались оригинальностью мышления. В этом смысле мне повезло, потому что я столкнулась в университете с неординарными людьми. Скорее всего, знакомство с людьми дало толчок к критике. На матмехе люди сохраняли традиции старой аристократии, считалось, что человек должен уметь и знать все. Поэтому люди, которые там

---

³ Различия между биологическим и социологическим поколением рассмотрены К.Манхеймом в статье “Проблема поколений” (Mannheim 1978). О социологическом поколении шестидесятников и социальной базе диссидентского движения см. Voronkov, V. 1993.

учились, интересовались литературой, живописью, все писали если не стихи, то прозу... играли на гитаре, сочиняли песни. Там был такой кружок, интересы кружка были достаточно разнообразны. Ну и, конечно, были разговоры в духе Галича, что хотелось бы свободы.” (М.М, 1957 г.р.)

Критическое восприятие общественно-политических событий.

Важным фактором, формирующим инакомыслие и подталкивающим к сомнению в существующем режиме, были общественно-политические события, переживаемые в период вторичной социализации и обсуждаемые в кругу знакомых. Наиболее значимыми в интервью с оппозиционерами “шестидесятники” назвали следующие события, происшедшие в стране и за рубежом: XX съезд КПСС, забастовки в Польше и венгерская революция, происшедшие осенью 1956 года, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который проводился в Москве в 1957 году. Местные (ленинградские) события этого периода, оказавшие влияние на их современников - это открытие выставки Пикассо в Эрмитаже, а также студенческие дискуссии и волнения на площади Искусств в декабре 1956 года.

“А потом наступила осень со всеми ее трагическими событиями одновременно. Это был Суэцкий кризис, потом следом за польскими начались венгерские события. Венгерские события стали очень серьезной вехой. Потому что молчать больше было нельзя.” (И.В., 1932 г.р.)

На последующее поколение оппозиционеров наибольшее влияние оказали: ввод советских войск в Чехословакию (1968) и в Афганистан (1979), кампания по осуждению в прессе Сахарова и Солженицына (1973). Эти события обсуждались в кругу “своих”, и нередко они служили поводом для акций протеста.

“Когда вошли в Чехословакию наши танки, я это услышала по радио. Впечатление было ужасное. Я помню, что я заплакала.” (Т.Щ., 1930 г.р.)

Конфликты с советской системой

Для участниц диссидентского движения характерна активная жизненная позиция. Они организовывали различные мероприятия в школе, вузе, интересовались литературой, историей, искусством. На почве общественной работы или в процессе учебы из-за невозможности найти ответы на свои вопросы у учителей и в книгах, возникали и открытые конфликты с советской системой, и внутренние конфликты, что было важным фактором формирования инакомыслия.

“Началось осознание коммунизма как помехи в духовном развитии человека. И я почувствовала невозможность оставаться в этих пределах, тем более, насильственных таких. Возникло желание больше узнать, скажем, о христианстве - я наткнулась на то, что книг нет, ничего нет. Даже в Публичной библиотеке в рубрике “Христианство” я нахожу книги только по научному атеизму. И возникла такая как бы внутренняя оппозиция постепенно.” (Т.Щ., 1939 г.р.)

Значимые другие

Характерно для женщин было то, что к личному участию в деятельности их подтолкнуло знакомство и близкие дружеские отношения с оппозиционно настроенными “значимыми другими”. Как правило, это были знакомые, обладавшие авторитетом. Социализация в их кругу, идентификация с ними, а затем желание принять участие в общем деле и помочь способствовали раскрепощению и перерастанию пассивного инакомыслия в готовность к инакодействию. Также для женщин было очень характерно вовлечение в диссидентское движение через любовно-романтические отношения и замужество.

“Стремление к справедливости, оно еще в школе стало проявляться, а не было возможности реализовать. И эту возможность реализации дали они, ребята, друзья, Они мне помогли

самореализоваться, потому что можно быть один на один со своими мыслями, а куда их деть, не знаешь.” (Л.К., 1939 г.р.)

“Разумеется, муж расковал меня... Дал мне возможность более свободно и раскованно думать, я уже не говорю даже, что действовать.” (И.В., 1932 г.р.)

Мотивация участия и сценарии вовлечения в движение

В социологии общественных движений разработаны различные модели участия, которые по-разному отвечают на вопрос: кто и почему участвует в движениях, какие социально-психологические характеристики личности толкают ее к вовлечению в них. Так, С.Липсет считает, что предпосылкой участия в радикальных движениях являются авторитарные установки личности. У.Корнхаузер, Р.Нисбет, О.Клапп выделяют поиск идентичности, поиск новых форм коллективности как значимый фактор, толкающий к участию в движении. Г.Кантрил и К.Кенистон считают, что причиной вовлечения в движения является поиск смысла происходящего, и мотивом участия является приверженность ценностям-целям движения, совпадение ценностей личности и движения. Дж. Гешвендер, Л.Зурхер и др. формулируют модель относительной депривации. Причиной участия в движениях является, по их мнению, социально-психологическое состояние, которое характеризуется несоответствием экспектаций личности ее реальному положению. “Согласно этой модели, люди становятся участниками общественных движений, когда разрыв между желаемым и действительным достигает порогового значения” (цит. по Здравомыслова 1993: 45-47). Р.Тернер и Л.Киллиан подвергли критике представление о том, что участие можно объяснить каким-либо одним мотивом. Они показали, что “мотивы участия в движении разнообразны. Ими могут быть стремление к самореализации, ориентация на цели движения, честолюбие, корыстные интересы и пр. В движении принимают участие люди, имеющие различную мотивацию, разные обстоятельства жизни, разные убеждения” (Здравомыслова 1993: 49). Эта точка зрения представляется наиболее убедительной и применимой к данному исследованию. Рассмотрим, какие мотивы побудили женщин-диссидентов к участию в оппозиционной деятельности.

Анализ интервью показал, что мотивы участия женщин в подпольных группах (в 50-х - 60-х и позже) и в деятельности диссидентских кругов 70-х - 80-х были одинаковы, тогда как мотивы участниц феминистической группы существенно отличаются от них. Поэтому мотивы участия и сценарии вовлечения в движение будут рассмотрены отдельно для каждой из этих групп.

Участницы подпольных групп и оппозиционных кругов (50-х - 80-х годов)

МОТИВЫ УЧАСТИЯ.

Солидарность.

Симпатия к участникам движения и желание оказать им поддержку была наиболее сильным побудительным мотивом, обусловившим не только пассивное инакомыслие и согласие с ценностями-целями движения, а личное участие в нем. Это было связано и с тем, что те люди (друзья, подруги, любимые мужчины и мужья), за которыми женщины пришли в оппозиционный круг, были для них самыми авторитетными, и инициатива, исходящая от них, вызывала полное доверие, желание присоединиться и оказать содействие.

“Надо чтобы как-то так была высказана идея, она должна так прийтись по душе, чтобы я что-то делать стала. А чтобы я стала что-то делать, надо чтобы меня еще попросили и сказали: “Кроме тебя никому!” (.) Меня интересуют конкретные дела все-таки. Конкретное дело, не идея, а живые люди. Если что-то надо от меня, так я могу делать.” (Н.Л., 1950)

“Насчет той деятельности... Я наверное, добрый человек, у меня всегда было стремление не брать, а отдавать, мне хотелось теплом согреть.” (Л.К., 1939 г.р.)

Приверженность целям-ценностям движения.

Этот мотив не был наиболее значимым для личного участия, но он был фоном, на котором происходило вовлечение в движение, и который обусловил знакомство с инакодействующим дружеским кругом, в деятельности которого женщины впоследствии приняли участие. Для женщин, как правило, не были характерны создание собственных оригинальных идеологий, поиск возможных путей развития России, написание теоретических текстов. Такие виды деятельности были более характерны для мужчин, особенно для лидеров-идеологов, которые были в каждом оппозиционном кругу и в каждой подпольной группе. Для женщин был первичен поиск авторитетов, причем показателем авторитетности была, в первую очередь, не образованность идеолога, а человеческая надежность. Нередко, найдя авторитетных “значимых других”, они полностью принимали доминирующую в своем кругу идеологию и, как правило, не подвергали ее сомнению:

“Эти идеи несли люди, которых я уважала, я знала, что они умные, чистые и порядочные, и что они не могут думать плохое, И поэтому, идеи эти очень быстро меня покорили. Правда, я не очень читала классику, а так приняла на веру.” (Н.Г., 1939 г.р.)

“Я доверяла ребятам, Когда мы с ними разговаривали, я, в основном, слушала, Они были подготовлены теоретически. (.) Они говорили, что это тоталитарный режим, который давит на личность. Они теоретики были грамотные, и я, конечно, им очень верила и могла им помогать. И я знала, что это люди чистые, бескорыстные, которые действительно жили во имя того, чтобы всем было хорошо. Так что многое было основано на доверии.” (Л.К., 1939 г.р.)

Бывали случаи (см. “декабристский” сценарий вовлечения), когда диссидентство было вторичным, т.е. сами идеи, инакомыслие имели меньшее значение, и преобладающим мотивом было стремление оказать содействие мужу. Но чаще всего идейная основа участия в диссидентском движении у женщин присутствовала. Ее суть заключалась в неприятии закрытого советского общества, где нарушались гражданские права, ориентация на борьбу за права человека в целом, а, прежде всего, за свободу чтения, дискуссий для себя лично и издание независимой прессы.

“Человек рано или поздно чувствовал себя глубоко оскорбленным. Я прекрасно знала, мы все видели, все понимали, кто там сидит в этом Политбюро, и кто эти чиновники, которые осуществляли цензуру. Мне было оскорбительно, что там сидят какие-то тупицы и распоряжаются тем, что мне читать, что мне не читать, быть мне верующей или не быть. И это для меня имело очень большое значение, т.е. это, я думаю, была защита личности - просто у меня мотивы были такие - защита своего достоинства как личности и свободы. (Т.Щ., 1930 г.р.)”

Относительная депривация.

Неудовлетворенность жизнью проявлялась чаще всего в двух сферах:

- а) в частной жизни - одиночество, поиск коллективной идентичности;
- б) в общественной сфере - отсутствие самореализации.

Анализ интервью показал, что в биографиях молодых участниц диссидентского движения прослеживается общая черта: сразу после школы они отделились от семьи и самостоятельно обеспечивали свою жизнь, принимали все ответственные решения. Это происходило в результате отъезда на учебу в другой город, ранней смерти родителей или разлуки с семьей по разным другим причинам. Этот фактор способствовал поиску круга людей, объединенных тесными товарищескими узами, в котором теплые дружеские отношения, в частности, с людьми, старшими по возрасту, могли заменить отсутствующую поддержку родительской семьи. У части женщин, вовлекшихся в движение в возрасте 30-40 лет, поиск коллективной идентичности был связан с

несложившейся “женской судьбой”: несчастной любовью, разводом, отсутствием детей. Это мотивировало их к поиску интересного круга общения и новых друзей.

Поиск профессиональной самореализации как мотив участия в диссидентском движении прослеживается, как правило, у участниц оппозиционных кругов 70-х - 80-х годов. Этот мотив нехарактерен для участниц подпольных групп 50-х - 60-х годов. Это иллюстрирует сравнение их историй жизни.

Для молодых участниц подпольных групп 50-х - 60-х одной из наиболее значимых ценностей было получение высшего образования и профессиональный рост.

“У меня уже родилась дочь, но когда я закончила институт, мне так хотелось еще учиться, снова ходить по этим коридорам, слушать лекции, и я пошла в аспирантуру. У меня был диплом с отличием, я сдала на все пятерки вступительные и поступила на ту кафедру, на которой я специализировалась, Я была на кафедре с девяти до девяти, иначе было не успеть все сделать. Я была очень увлечена наукой.” (Н.Г., 1939)

Эти женщины были активными участницами дискуссий и мероприятий времен хрущевской оттепели. Участие в подпольной группе было лишь одной из сторон (и часто не самой значимой) их разносторонней деятельности. Либеральная обстановка периода оттепели не предвещала ареста, и арест их самих или их мужа был для них неожиданным и нарушил их профессиональные планы. Через несколько лет после освобождения всех членов семьи они снова нашли приемлемую для себя возможность самореализации в профессии. Таким образом, диссидентство как уход из общества, как позиция аутсайдера не было их сознательным выбором, оно оказалось скорее стечением обстоятельств.

Женщины младшего поколения, участницы диссидентского движения 70-80-х годов, стали участвовать в движении, когда уже было известно, что диссидентство рассматривается как противозаконная деятельность, что участие в движении делает невозможным достижение высокого профессионального статуса и даже затрудняет получение высшего образования. Вовлечение в диссидентское движение было в этом случае выбором инакодействия в ущерб профессиональной самореализации. Часть участниц этого периода изначально не были ориентированы на получение высшего образования и профессиональный рост. Диссидентство заменило им профессию. Они искали работу, где не было идеологического контроля, которую было не жаль потерять, которая не требовала много времени и давала возможность заниматься “своими делами”. Они принадлежали к “поколению дворников и сторожей”, работая надомными машинистками, сторожами, вахтерами, уборщицами, операторами котельной.

“Чтобы уйти из науки в подполье, надо было скрыть диплом, скрыть, что у тебя высшее образование, сказать, что учился, мол, не доучился, да вот, болтался... Мол, дурачок, голова плохо работает, детей много. Мне это удалось, и я устроилась работать на стоянку вахтером. И у меня там и время свободное, и деньги появились.” (Г.Г. 1948 г.р.)

Другие женщины вынуждены были уйти с работы или были понижены в должности из-за своей оппозиционной деятельности. Таким образом, ими был сделан выбор в пользу “жизни не по лжи” и инакодействия.

СЦЕНАРИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Сценарии вовлечения определяются мотивами участия и, прежде всего, солидарностью. Вовлечение в движение женщин в большинстве случаев происходило через “агентов рекрутирования”, т.е. тех людей, совместно с которыми женщины начали участвовать в оппозиционной деятельности. Этими агентами были, как правило, муж и/или друзья и подруги. Можно выделить 2 различных сценария вовлечения, коррелирующих с мотивами участия:

“Декабристский”. Это такой сценарий вовлечения, когда женщина была вовлечена в диссидентское движение в результате замужества. В этом случае солидарность была доминирующим мотивом участия. Как правило, ее роль в движении до ареста мужа заключалась в том, что она “создавала условия”, т.е. не препятствовала его деятельности и, как правило, выполняла функции гостеприимной хозяйки дома. В случае ареста мужа некоторые из этих жен сами включались в диссидентское движение более активно с целью оказания помощи мужу и друзьям.

“До того, как я встретила с мужем, я была активная комсомольская девушка... Когда я встретила с будущим мужем, это было страшно. Сначала надо было переломать все представления о жизни и совершенно иначе ко всему относиться. А потом мне стало легко, и воспринимать жизнь легко стало. Это было так - хороший человек рядом и у него высокий уровень ценностей, моральных и этических. Идеалы, желание жить не по лжи. (.) Я знала, что он принимает участие в семинарах. Но я не участвовала. У меня родился ребенок, и меня все это не особенно увлекало.” (Т.П., 1950)

“Товарищеский”. Это более распространенный сценарий вовлечения, когда женщины участвовали в движении не только в качестве “жен диссидентов”, но как “товарищи по борьбе”. В этом случае они начинали участвовать в деятельности оппозиционного круга или подпольной группы вместе с друзьями, любимым мужчиной/мужем, но у них было свое дело, они выполняли какие-либо функции до и после ареста мужа и друзей, и они были включены в более широкую социальную сеть оппозиционеров.

Участницы феминистической группы

МОТИВЫ УЧАСТИЯ

Относительная депривация: стремление к творческой самореализации. Этот мотив был наиболее значимым для вовлечения в феминистское движение, в первую очередь, его лидеров, главных авторов и издательниц журналов “Женщины и Россия”(1979), “Мария” (1980-82), организаторов клуба “Мария”. Их профессиональный путь схож с биографией участниц диссидентского движения 70-х, но их образование и интересы отличаются гуманитарной направленностью, и с этим связано их стремление к самореализации в литературном творчестве. Они получили высшее гуманитарное образование и не смогли реализовать свои творческие замыслы из-за принадлежности к кругам “второй культуры”, из-за оппозиционности взглядов и оригинальной, отличной от официально разрешенной, направленности литературных произведений. Движение началось с создания самиздатского журнала, где они опубликовали свои статьи, посвященные проблемам женщин в СССР. Журнал стал новой сферой приложения их творческих замыслов, позволившей сделать себе имя во “второй культуре”.

“Для меня самое важное - это момент, как возникла мысль о том, как создать сам журнал. (.) Я могу сказать, почему я во вторую культуру пошла: потому что мою повесть не напечатали первую. Это была дикая трагедия. В 1974 году, когда я принесла это в журнал “Нева”, мне сказали, что главного героя надо было сделать секретарем комсомольской организации, весь конфликт переместить совершенно в другую сферу, то, что самое главное - убрать... У меня был шок или кризис, я тяжело заболела и год лечилась на юге. Я вернулась в 1975 году и узнала, что есть вот эти нелегальные журналы, есть “вторая культура”. Просто мне практически никуда в другое место не было хода, потому что в официальном меня не публиковали. И поэтому с 1975 года я участвовала в журнале “37”. (.) Но вот работа там меня убедила, что они просто не хотят, именно мужская часть редакции не хочет, брать в журнал никаких острых социальных проблем. Там были философские

абстрактные темы холодные, они не задевали никакой реальности. Там меня тоже не хотели печатать, потому что это был живой материал, относящийся к “низкой жизни”, а нужен был высокий дух.

В 1979 году - я очень хорошо помню этот момент - мы стояли на стрелке Васильевского острова и говорили о статье про роды. Потом я села на трамвай, и когда мы заехали на верх моста, вдруг у меня поднялось чувство, что я на гору какую-то поднялась. Само это ощущение, мысль о том, что не просто женский журнал сделать, а сделать женское именно движение возникла у меня. Хотя я ничего не знала о том, что это есть на Западе”. (Н.М., 1947 г.р.)

Прагматический мотив. Этот мотив характерен для некоторых лидеров, но, прежде всего, для “второго эшелона” феминистского движения - тех, кто позже присоединился к издательницам журналов и иногда сотрудничал с ними. Эти активистки были ориентированы на эмиграцию и свое участие в движении расценивали в том числе и как “политический капитал”, возможность быть высланными на Запад и быть принятыми там в качестве “борцов за права женщин”. Поскольку власти предпочитали высылать феминисток, особенно, имеющих детей, на Запад, а не арестовывать их, эти цели были многими достигнуты. К началу восьмидесятых многие издательницы феминистских журналов, хотели они этого или нет, были высланы на Запад.

Приверженность целям-ценностям движения. Создание своей идеологии и возможность ее развития и распространения были значимы для участниц феминистического движения. Это движение по своей направленности было правозащитным, однако акцент делался именно на придании гласности проблемам женщин и нарушению их прав. Задачей движения было также создание журнала, ориентированного не на философские дискуссии и литературные проблемы, а на самые актуальные социальные проблемы общества.

Об идеологии феминистского движения можно судить по его изданиям, самиздатским журналам “Женщина и Россия” (1979) и “Мария” (1980-82). В их номерах критикуется советское общество в целом, но больше всего внимания занимают статьи на различные актуальные темы: психологические проблемы взаимоотношений мужчин и женщин, проблемы семей, неравное участие отца и матери в воспитании детей, неполные семьи, специфически женские практики (аборты, роды), изнасилование, положение женщин в тюрьме, женщины-бомжи, и т.д. Зарождающееся феминистское движение сначала было ориентировано, прежде всего, на констатацию существующих в советском обществе и замалчиваемых женских и общечеловеческих бед. В дальнейшем была выработана стратегия возможного пути решения проблем. Если сравнивать феминизм диссидентского периода в Ленинграде с современным ему западным, то его можно соотнести с либеральным и радикальным направлениями западного феминизма.

В дальнейшем этот (“русский”) вариант феминизма пошел по своему оригинальному пути. Движение получило название “христианского феминизма”. Была выработана идеология выхода из духовного кризиса, в котором многие годы жили мужчины и женщины, подавленные закрытым обществом, в котором фактически отсутствовали возможности творческой самореализации. Феминистки провозгласили, что именно русская женщина может стать носителем духовных перемен в себе и в окружающем мире. Для выполнения этой миссии она должна была вернуться в христианские ценности. Символом этого движения был образ богородицы, и журнал феминисток получил название “Мария”. Также стал называться клуб, созданный участницами движения.

СЦЕНАРИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Поскольку основными акциями феминисток было издание журналов и участие в семинарах на темы проблем женщин, то типичным сценарием вовлечения в деятельность этой группы было согласие на предложение подготовить публикацию в журнал, или участие в организуемых ими дискуссиях. Рекрутирование в движение осуществлялось по дружеским сетям. Приглашались

подруги, которым доверяли, а также известные в своем кругу женщины из кругов “второй культуры”.

Разделение ролей в диссидентском движении. Функции женщин.

Разделение ролей между мужчинами и женщинами в диссидентском движении во многом воспроизводило гендерную систему советского общества. Оно возникло уже в первых подпольных группах конца 50-х годов и оставалось неизменным вплоть до середины 80-х. Это разделение касалось прежде всего сфер деятельности, которые были традиционно и в силу обстоятельств “женскими” или “мужскими”. Так, “женской сферой” была прежде всего работа по созданию и поддержке инфраструктуры диссидентского движения, осуществление информационного обмена и “благотворительная” работа по оказанию помощи политзаключенным. “Мужской” сферой было “теоретизирование” (создание идеологии и плана действий), идейное и организационное руководство осуществлением акций, создание текстов воззваний и бюллетеней. Сферой приложения “общих сил” были сами акции и их подготовка: распространение листовок, написание лозунгов, присутствие на судах политзаключенных и выражение им солидарности в зале суда, сбор подписей под письмами протеста, участие в семинарах.

Несмотря на то, что функции женщин в движении оставались преимущественно прежними, некоторые изменения на протяжении существования диссидентского движения имели место. Участницы подпольных групп раннего периода сообщали, что они выполняли только “вспомогательные” работы, тогда как интервью с участницами движения 70-х - 80-х годов показывают, что роль женщин стала в рамках одних и тех же функций более самостоятельной и творческой. В сфере инфраструктуры женщины часто руководили и сами определяли *что* и *как* необходимо делать.

Мужчина - идеолог, руководитель или ответственный исполнитель различных акций протеста оказывался, в первую очередь, мишенью для КГБ. Уже к началу семидесятых всем участникам движения было известно, что любая акция протеста ведет к лишению свободы. Со временем “нормальными” страницами биографии мужчины-диссидента и даже определенным “кодексом чести” стали достойное прохождение допросов и отбытие срока заключения.

“Нас интересовал процесс, как мы пройдем через следствие, выстоим, устоим ли, то есть, были заражены, я, по крайней мере, - таким архетипом диссидентского движения, и хотелось через все это пройти, чтобы почувствовать себя человеком. Становление такое диссидентское.” (В.П. 1957 г.р.)

“Инфраструктурная” деятельность женщин была также преследуемой и опасной. Она также являлась политическим и моральным протестом. Но, несмотря на это, женщин арестовывали реже, чем мужчин. Стратегия властей заключалась в том, чтобы не арестовывать матерей. Об этом говорит тот факт, что преобладающая часть женщин, которые провели несколько лет в заключении по политическим статьям с 1957 по 1986 год, не имели перед арестом несовершеннолетних детей (хотя есть и исключения из этого правила). Возможно, это было связано с тем, что арест диссидентов, имеющих детей, вызывал наибольшую реакцию протеста на Западе. Поэтому в семьях диссидентов была типичной ситуация, когда муж находился в лагере, а жена оставалась на воле с детьми. У женщин, как и у мужчин, был свой взгляд на проблему арестов.

“Когда сидит мужчина, это ситуация более нормальная, чем когда сидит женщина. Вот где самый страх... В лагере убивали втихомолку. Убивать напрямую было нельзя, а постучать головой о железо можно. Или забрать у женщины все теплое и держать ее в холодном карцере... Они потом рожали детей после долгих мучений. Это просто чудо, если они вообще могли это сделать... Когда женщина сидит в лагере, это ужасно, а когда она сидит дома и воспитывает детей, это естественно.” (Н.Л., 1950 г.р.)

Функции женщин в диссидентском движении

Преимущественно женскими были три сферы деятельности в диссидентском движении: (1) машинописные работы самиздата (машинистки); (2) налаживание контактов, осуществление информационного обмена между диссидентской средой на воле и местами заключения, осуществление связи с Западом (“связные”); (3) создание и поддержание в своих квартирах “открытых домов” диссидентского движения, в частности, домов “центров помощи” и “центров информации”, которые были узловыми точками его инфраструктуры (хозяйки “открытых домов”).

Рассмотрим подробнее каждую из этих функций.

Машинистки

“А вообще... особенность женщин в этом движении - то, что они с утра до вечера сидели и печатали на машинках - бюллетени, литературу разную.” (М.М., 1957 г.р.)

У каждого круга и подпольной группы, у издателей самиздатских журналов были свои машинистки, которые большинство материалов печатали в свободное время бесплатно. Перепечатка материалов - это одна из малозаметных, на первый взгляд, функций, но без нее не мог бы существовать машинописный самиздат - информационная сеть, объединявшая различные диссидентские круги, составлявшая часть инфраструктуры диссидентского движения.

“Связные”

Функция женщин по осуществлению связи и по передаче информации сложилась в результате того, что они, как правило, оставались на воле, тогда как их мужья попадали в лагерь. Во время поездки на свидания жена передавала мужу новости с воли, а он, в свою очередь, передавал через нее “ксивы” - записки, содержащие информацию о зоне, которые жены должны были конспиративно вывезти из лагеря и передать в “Хронику текущих событий” или друзьям на волю.

Также женщины оказывали дружескую поддержку одиноким политзаключенным. В частности, они писали письма в зону не только своему мужу, но и политзаключенным, которые не имели семьи.

“Я уже не могу вспомнить, почему, у меня как-то очень большой образовался круг писем. Я писала довольно много - и в лагеря разные, и в тюрьму. Мы, жены, зная о том, насколько тяжело жить в замкнутом пространстве, старались отправить открытку красивую, яркую, даже не важно, что напишешь. Особенно тем, у кого никого нет. Я писала вот таким людям.” (Л.И. 1938 г.р.)

Одиноким людям в лагерь посылали посылки с едой или одеждой, формируемые из пожертвований. Некоторые женщины ездили в лагерь на свидания, возили туда еду, выдавая себя за сестер или невест политзаключенных.

Другой, не менее важный поток информации, постоянно шел от женщин-диссидентов на Запад. Вовремя переданное на зарубежную радиостанцию сообщение могло в редких случаях спасти арестованного из заключения, или, например, способствовать перемещению тяжело больного из тюремной больницы в лучшие условия для лечения. Информация о диссидентском движении, передаваемая по западному радио, предавала гласности акции, имена, факты преследования диссидентов и, тем самым, их деятельность приобретала больший резонанс.

“Основное мое занятие - я сидела на телефоне и звонила на Запад - в Вену, на “Свободу” в Мюнхен. Я делала массу международных звонков и прямым текстом гнала информацию. Вся информация, которая только что случилась, и надо ее передать”. (Н.Л., 1950 г.р.)

Хозяйки “открытых домов”

Все акции диссидентского движения готовились или осуществлялись в квартирах его участников. Это были единственно возможные места встреч, которые вызывали доверие, где все

происходившее могло при необходимости остаться в пределах их стен. Поэтому феномен “открытого дома” - квартиры, функционирующей в качестве квази-публичного пространства, был в диссидентской среде очень распространен. “Открытые дома” выполняли в диссидентском движении самые разные функции, например, функцию места встречи, штаб-квартиры лидера, места оказания помощи, информационного центра, библиотеки, и т.д. Квартира могла выполнять все эти функции вместе или только одну из них, смотря по обстоятельствам. Хозяевами “открытого дома” могли быть мужчина или женщина, или семейная пара. “Профиль” открытого дома зависел во многом от того, кто был его хозяином или хозяйкой. Выделим несколько видов “открытых домов”.

“Штаб -квартира”

Примером “открытого дома”, управляемого мужчиной, была штаб-квартира лидера-идеолога диссидентского круга или подпольной группы. “Штаб-квартира” могла базироваться как в квартире лидера, так и у его подруги (или жены), однако круг знакомых и то, что организовывалось в этой квартире (встречи, обсуждения или подготовка акций) были связаны, прежде всего, с его интересами. Подруга в этом случае брала на себя, прежде всего, роль хозяйки, которая “создает атмосферу” и обслуживает гостей, кормит их, приносит чай и вместе с тем принимает участие в дискуссиях.

“У мужа была большая система информаторов. От меня многое скрывалось. Жену надо было беречь, чтобы она потом в случае чего носила передачи. Это я, конечно, немножко утрирую. (.) А я была по части винегрета больше. Конечно, у нас круг определенный собирался. Я была хозяйкой “дома”, причем не в сегодняшнем понимании, а в тогдашнем. У нас была небольшая комната в коммунальной квартире, и вот, я на кухне строго-режу винегрет, ставлю чай. И конечно, принимаю участие в разговоре. Мы обсуждали все политические новости, книги... Хотя по части разговора муж был человеком авторитарным.” (И.В., 1932)

Если мужчину арестовывали, а женщина оставалась на свободе, дом, как правило, менял свой “профиль” и становился “центром информации” или “центром помощи”. Главой такого дома становилась женщина.

“Центр информации”

В “центр информации” попадали “ксивы” (или “пули”) - письма и записки от политзаключенных из лагерей и психушек, которые переправлялись на волю к знакомым. Как правило, в дальнейшем, они попадали именно в такой дом, хозяева которого приводили эти записки в читаемый вид и переправляли их издателям “Хроники текущих событий” в Москву.

“Мне диктуют или суют мне бумажки, “пули”, написанные неудобочитаемым способом. “Пуля” - это тюремная записочка, она очень маленькая, и на ней много чего написано. Их пишут обычно на папиросной бумаге, и выщелкивают, куда нужно. Как их передавали на волю, я до сих пор не знаю. И я бы никогда не решилась спросить. Но как-то эти штуки попадали ко мне. Там была информация, кто на какой зоне сидит и сколько. Особенно важными были, конечно, полит-изоляторы. Понимала ли я, что я делаю? Да, понимала. Понимала, что земля подо мною горит. Это были годы наиболее опасные для тех, кто делал “Хронику”. То, что я осталась на свободе, это чудеса.” (Е.Р., 1951 г.р.)

“Центр помощи”

Повседневная жизнь диссидентской среды осложнялась тем, что часть участников движения постоянно находилась в тюрьме, под следствием, в заключении в лагере или в спецпсихбольнице. Поэтому оказание помощи политзаключенным, так же, как и поддержка их семей, оставшихся на воле, были необходимы. Дома - “центры помощи” выполняли различные функции: в одних распределялась материальная помощь, в других можно было просто поесть, пожить, получить совет и моральную поддержку.

“Диссиденты приходили, зная этот дом, раздетые, разутые и голодные, им там собирали деньги. И вообще в этой компании была взаимопомощь, скажем, всегда можно было прийти поесть, некоторые люди этим, конечно, и пользовались... Хозяйка дома была сугубо “теневым кабинетом”. У нее в руках не было солженицынских денег, она сама ни в чем не участвовала. Но я знаю, что политзаключенным она помогала. Там всех кормили, поили, одевали, давали какие-то деньги... Как она это делала, я ее не спрашивала, тогда были вещи, которые никто ни у кого не спрашивал.” (Р.И., 1932 г.р.)

В одном из таких домов содержался, например, “хламофонд” - склад детской одежды, где жены политзаключенных могли найти одежду для своих детей:

“Приходит женщина со своими заботами: мой обормот опять разорвал все свои ботинки. Давай посмотрим в твоём хламофонде, нет ли там чего-либо. Хламофонд собирался так: если у кого-то из моих знакомых, даже не имеющих отношения к диссидентству, я знаю, что растут парни, я говорю: ‘Когда твой вырастет, ботинки, пожалуйста, мне принеси’. И у меня дома были огромные мешки с колготками и ботинками. И когда кому-то что-то надо было - несешь им это.” (Л.И., 1938 г.р.)

Были и такие функции “открытых домов”, для осуществления которых было неважно, кто является хозяином дома, - мужчина, женщина, или, супружеская пара. Примерами этого является “открытый дом” - самиздатская “библиотека” и “место встречи”.

“Место встречи”.

Квартира - “место встречи” характерна не только для диссидентской среды. Это явление встречалось также и в среде интеллигенции, у представителей неофициальной культуры и национальных движений. Это дом, где происходят семинары, концерты, спектакли литературные вечера, где устраиваются выставки, где собираются кружки по интересам, куда каждый день в вечернее время приходят люди, чтобы пообщаться. В диссидентской среде встречи, проходившие в стенах таких домов, носили более радикальную культурную, общественную или политическую направленность. Известным примером такого дома была квартира Т.Горичевой и В.Кривулина, где проходил семинар “37” и где издавался журнал под таким же названием.⁷

“Семинар возник в 1975 году... Вначале приходило два раза в месяц по 40-50 человек... Большинство участников семинара “37” принадлежало к неконформистской творческой интеллигенции. Было много поэтов, писателей, философов и художников, которые не могли печататься или устраивать официальные выставки своих работ. Семинар строго ориентировался на культуру, пытался найти новые пути для русской культуры. Его основатели стремились к соединению христианской культуры с современной неофициальной, надеясь на возможность творческого движения, обретения выхода из тупика послесталинского состояния общества.” (Эллис Дж. 1990: 173)

“У них всегда кто-то жил в этом доме, были ночные чаепития, ночные поэтические бдения. Мы там по очереди мыли полы, что-то им готовили, какую-то пищу приносили... Через подоконник туда входили. Еще у них жило много кошек, которых звали всех по имени-отчеству.” (Г.Г., 1948 г.р.)

“Библиотека самиздата”.

Через квартиры - “библиотеки” проходил почти весь там- и самиздат, ходивший по городу. Хозяева были центром большого круга общения, и они осуществляли передачу литературы от одной части своего круга к другой. В “дом-библиотеку” приносилась на короткий срок литература

⁷ Воспоминания организаторов этого квартирного семинара опубликованы: Т. Горичева “О Боге говорить опасно” (Goritschewa, Tatiana. Von Gott zu reden ist gefaehrlich: meine Erfahrungen im Osten und im Westen. Freiburg, Herder, 1984), Кривулин В. “37”, “Северная почта” // “Самиздат”, НИЦ “Мемориал”, 1993.

и давалась читателям, которые ее очень быстро читали, размножали и возвращали обратно. В этой квартире книги не залеживались. Они проходили через одну “библиотеку”, потом переходили к другой, их циркуляция по городу прекращалась в случае изъятия при обыске. Необходимым условием для функционирования дома-библиотеки была репутация его хозяев как надежных и осторожных людей и наличие у них контактов с “поставщиками” самиздата. Книги, как правило, приходили через Москву или из-за границы. Обычно функции хозяев ограничивались координацией передвижения книг, они не участвовали в каких-либо других акциях протеста. Это позволяло “библиотеке” существовать долгое время (5-10 лет), а участники движения могли использовать такой дом, не “засвеченный” радикальными акциями протеста, как место хранения различных диссидентских материалов.

“Мне приносили гору книг, в основном, тамиздатовских. Книги всегда давали на очень короткий срок, а многие, очень многие, хотели их почитать. Я давала это своим знакомым, а они очень интенсивно все это перепечатывали на машинке, или переснимали на пленку. За книгами была большая очередь... Это была целая индустрия все это достать. Когда меня посадили, я целую неделю спала, потому что за десять лет я не могла выспаться... Еще у меня хранился архив... Потом на следствии меня обвиняли, что я была координатором и конспиратором.” (М.К., 1938 г.р.)

Разделение ролей в семье диссидентов

Выше было рассмотрено разделение ролей между мужчинами и женщинами в сфере нелегальной деятельности. Необходимо сказать несколько слов о том, какие права и обязанности были у мужчин и женщин в сфере повседневной жизни, семьи и быта. Рассмотрим разделение ролей в семье. В диссидентской среде существовали такие же типы полных семей, как и в любом индустриальном обществе, где женщины и мужчины имеют возможность работать⁸.

“Эгалитарный” тип семьи, для которого характерно равноправное участие мужчины и женщины как в “публичной сфере” (диссидентской деятельности), так и в “частной сфере” (в семье). В этом случае мужчина и женщина примерно на равных содержали семью, воспитывали детей, участвовали в оппозиционной деятельности. Можно предположить, что такой тип семьи был в диссидентской среде наиболее распространенным.

“Патриархальный” тип. В этом случае сферой сосредоточения интересов и деятельности мужчины является диссидентское движение, а сферой приложения сил женщины - семья и дом. Материальным обеспечением семьи в силу специфики советского общества были заняты оба супруга, так же, как и в следующем типе семьи.

“Матриархальная” семья. Этот тип семьи также описан в историях жизни участниц феминистского движения. В противоположность предыдущему, в такой семье активность женщины была направлена на деятельность движения, а мужчина брал на себя большую часть работы по дому и частично заботу о детях.

Неполные семьи (как правило, мать и дети без отца) были достаточно распространены в диссидентской среде, как и в советском обществе в целом. Отдельного рассмотрения заслуживают семьи, ставшие неполными на период ареста и заключения отца. В такой семье женщина несла более, чем “двойную” (как все советские женщины) нагрузку: она должна была материально обеспечивать себя и детей, поддерживать посылками арестованного мужа в лагере, решать бытовые проблемы и проблемы воспитания, и, при этом, она нередко продолжала участвовать в диссидентском движении. В следующей главе будет подробнее рассмотрено то, как существовали такие семьи.

Частное и публичное в диссидентской среде.

---

⁸ В социологии семьи выделяется три формы власти в семье: “Патриархат - муж во главе, матриархат - жена во главе, эгалитарность - равенство.” (Яковлев 1993: 76)

“Общее дело” и частная жизнь.

Диссиденты жили, как и большинство других советских горожан, в коммунальных или отдельных квартирах, часто в составе большой семьи - с детьми, супругами, родителями, бабушками и дедушками. Вышеописанными “открытыми домами” становились, как правило, те квартиры, где жили только участники движения, без старших родственников, не разделявших их взглядов. Поскольку такой дом, где жила семья, нес “двойную нагрузку”, — он был не просто местом жительства, но также выполнял определенную функцию в диссидентском движении — диссидентство не могло быть частным делом одного из членов семьи, оно так или иначе касалось всех обитателей квартиры. Поэтому диссидентство было, как правило, семейным делом. Во всяком случае, члены семьи, если они не были активны в движении сами, должны были принимать и понимать взгляды и деятельность своего родственника-диссидента. В противном случае, семьи распадались. Те же участники движения, которые попали в эту среду, будучи несемейными, были ориентированы на то, чтобы связать свою жизнь с человеком, разделяющим их взгляды, стиль жизни, лучше всего, с “товарищем по делу” :

“И вообще, представить себе невозможно, как за чужого выйти замуж, как объяснить это чужому, когда вдруг среди ночи к тебе придет бритый уголовник, которому товарищ дал твой адрес, как то место, где ему на пол бросят какое-нибудь пальто, где он может переночевать. Конечно, муж и жена должны это понимать.” (Е.Р., 1951 г.р.)

“Если тебя могут посадить, то тебе не то, что жену не надо заводить, а и семью. А я завел не жену, а, так скажем, товарища по борьбе”. (В.Р., 1951 г.р.)

“Жены были товарищами по делу. И очень часто они при этом переставали быть женщинами, переставали быть женами. Но они оставались, конечно, товарищами”. (Е.Р., 1951 г.р.)

“Женщина - это соратница, прежде всего, а дети - общие”. (А.С., 1957 г.р.)

Согласие супругов в вопросах участия в диссидентском движении, как и в семейных вопросах, было важно для оппозиционной деятельности, поскольку в ситуации “открытого дома” необходимо было полное взаимное доверие и хорошая координация действий. Нужно было удержать в равновесии обе сферы жизни - приватную (домашнюю) и квази-публичную (диссидентскую), которые, сосуществуя в пространстве дома, оказывали сильное влияние друг на друга. Приватная и квази-публичная сферы в диссидентской среде тесно переплетались: повседневная жизнь семьи нередко подчинялась нуждам диссидентского движения, а возможность осуществления диссидентской деятельности зависела от личных отношений между его участниками.

Ярким примером переплетения “общего дела” и частной жизни также является распространенный в диссидентской среде феномен “брака в тюрьме”. Брак в тюрьме заключался чаще всего парой, которая не зарегистрировала свои отношения до ареста. Поводом для заключения брака был арест и связанная с ним необходимость оказывать помощь политзаключенному, ездить в лагерь на свидания. Бывало, что в диссидентской среде для различных целей заключались фиктивные браки. Чаще всего, хотя официальная регистрация брака констатировала существующие в реальности отношения, для молодоженов она имела, прежде всего, функциональное значение.

“На самом деле, брак с мужем нужен для личного свидания. На общее еще можно попасть как-нибудь, но на личное никак иначе. Это единственный реальный способ получить информацию и два дня покормить человека нормальной едой, ведь это достаточно много. Поэтому, брак регистрировался для всего”. (Н.Л., 1950 г.р.)

Также переплетение частной жизни и деятельности диссидентского движения видно на примере семей, где мужчина находился в заключении. Такая семья вовлекалась в сеть взаимопомощи. Ей оказывал помощь, в том числе и Фонд Солженицына. Некоторые женщины, в

свою очередь, включались в деятельность Фонда, т.е. они и получали помощь сами, и оказывали ее своим друзьям.

“Когда мужа арестовали, все хотели помочь. Из Москвы все время передавали какие-то деньги. Была поддержка моральная. (.) Потом ко мне пришел человек из Фонда Солженицына. Он не просто принес деньги, но душевно участвовал во всем - пытался найти адвоката, покупал мне продукты, помогал поехать на свидание к мужу. (.) Потом я тоже стала ему помогать.” (Т.П., 1950 г.р.)

Итак, дружеский диссидентский круг во время отсутствия отца семейства морально поддерживал его семью. Бывали случаи, когда друзья брали на себя заботу о детях, например, когда жена должна была поехать на свидание к мужу или при других обстоятельствах. Одна из респонденток рассказывает о сыне диссидентов:

“Он остался почти сиротой. Потому что посадили его отца. И мать забрали в ссылку. Мы все его вели как-то. Он в поход ходил с нашими ребятами. До сих пор, когда я его вижу, мне хочется его к груди прижать как ребенка, который остался без родителей.” (Л.К., 1939 г.р.)

Тот факт, что успех “общего дела” диссидентов зависел от личных отношений, подтверждает тезис о важности для оппозиционной деятельности гендерного разделения ролей. Мужчина был готов к тому, что его арестуют, и в то же время был уверен в том, что будет получать помощь с воли. Женщина знала, что она будет ездить на свидания, и что ее поддержит дружеский круг, своя среда. Оба претендовали на самореализацию в определенной сфере оппозиционной деятельности. Гендерное разделение ролей способствовало саморегуляции и устойчивости диссидентского движения.

Бывшие участницы диссидентского движения сегодня

Политическая деятельность, как сообщили участницы данного исследования, не является их предназначением или любимым занятием. Часть женщин даже считают, что политика вообще не является подходящей для женщины сферой самореализации. Представление о месте женщин в обществе и наилучшей сфере приложения их сил у бывших участниц диссидентского движения следующее: во-первых, женщина реализуется в эмоциональной сфере - в любви, сфере контактов и взаимоотношений, в семье; во-вторых, в воспитании детей. В-третьих, важна профессиональная самореализация женщины, раскрытие ее творческого потенциала в оплачиваемом труде.

Анализ жизненного пути этих женщин за последние десять лет (1986-96) показывает, что в этот период, несмотря на изменившуюся структуру политических возможностей в обществе, бывшие диссидентки не делали попыток самореализации в политике.

Жизненные стратегии бывших участниц оппозиционных кругов/ подпольных групп и бывших участниц феминистской группы диссидентского движения различаются и сегодня.

Некоторые из бывших участниц оппозиционных кругов и подпольных групп работают теперь в благотворительных общественных организациях. Часть женщин вообще не участвуют больше в общественной жизни. Они профессионально самореализуются, работая, например, в печатных изданиях, ставших теперь легальными.

Из бывших феминисток, большая часть которых живет сегодня на Западе, почти никто не продолжает работать в сфере женского движения. Они занимаются литературным трудом. В последние годы на Западе опубликованы их произведения: стихи, проза, философские размышления, воспоминания.

Заключение

В данной статье было рассмотрено несколько сюжетов - социализация женщин-диссидентов, мотивация участия и сценарии их вовлечения в диссидентское движение, разделение ролей между мужчинами и женщинами, соотношение частного и публичного в диссидентской

среде и влияние диссидентства на ценностные ориентации и повседневную жизнь участниц диссидентского движения. Исследование привело к следующим выводам.

Наиболее значимыми факторами, способствующими вовлечению женщин в диссидентское движение были: участие в неформальных кружках и *средах*, критически воспринимаемые общественно-политические события, конфликты с советской системой, влияние инакомыслящих “значимых других”.

Участие в различных группах диссидентского движения предполагало различные типы мотивации. Выделено две группы женщин, отличавшихся друг от друга мотивами участия и сценариями вовлечения: участницы подпольных групп/ оппозиционных кругов диссидентского движения и феминистки. Для участниц подпольных групп и оппозиционных кругов наиболее значимым мотивом участия была солидарность. Это определило сценарий вовлечения: через замужество или в составе круга близких друзей. Для феминисток главным мотивом была творческая самореализация. Они вовлекались в движение, как правило, как авторы журнала, через подругу.

Гендерная структура диссидентского движения выражалась в том, что определенные роли и функции выполнялись преимущественно мужчинами или преимущественно женщинами. Преимущественно женской сферой деятельности было создание инфраструктуры диссидентского движения: информационной сети и сети помощи. Основные функции женщин: перепечатка самиздата, осуществление связи с местами заключения и с Западом, создание “открытых домов” - центров информации и центров помощи, которые были узловыми точками инфраструктуры диссидентского движения.

В диссидентской среде тесно переплетались сфера частной жизни и общего дела. Так, частная квартира выполняла функции квази-публичного пространства.

Исследование выявило наиболее важные роли женщин. Именно женщины оставались на воле и выполняли в диссидентском движении рутинную, практическую работу по поддержанию инфраструктуры движения. Кроме того, они хранили традиции своей среды и поддерживали в ней атмосферу солидарности, что было существенно для консолидации участников, наличия у них корпоративного духа и их способности противостоять властям.

В заключение следует отметить, что попытка анализа участия женщин в диссидентском движении поставила ряд новых вопросов и задач. В частности, одним из новых аспектов изучения диссидентства на материале биографических интервью с участницами движения представляется изучение субкультуры диссидентской среды, начало которому было положено в этом исследовании.

Литература

Алексеева Л. 1984. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson, Vermont. Khronika Press.

“Женщина и Россия”. 1980. Альманах женщинам о женщинах. Вып.1. Paris. Editions des Femmes.

Здравомыслова Е. 1993. Парадигмы западной социологии общественных движений. Санкт-Петербург. Наука.

Иофе В.В. (псевд. С.Д. Рождественский). 1982. Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года. В сб. Память. Исторический сборник. Вып. 5. Париж. Editions Is Press Libre.

Иофе В.В. 1991. Предисловие к воспоминаниям М.М. Молоствовова “Ревизионизм-58”. В сб: Звенья. Исторический альманах. Вып.1.

Кривулин В. 1993. “37”, “Северная почта”. В сб. Самиздат. Санкт-Петербург. НИЦ “Мемориал”.

“Мария”. Журнал российского независимого женского религиозного клуба “Мария”. 1981, 1982. № 1-3. Ленинград - Франкфурт-на- Майне.

Эллис Джейн. 1990. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон. OPI.

- Яковлев И.П. (сост). 1993. Социология. СПб. ИКА Тайм-аут”.
- Fuchs, Werner. 1984. Biographische Forschung: eine Einfuehrung in Praxis und Methoden. Opladen, Westdeutsche Verlag.
- Goritschewa, T. 1984. Von Gott zu reden ist gefaehrlich: meine Erfahrungen im Osten und im Westen. Freiburg. Herder.
- Lehmann, A. 1983. Erzaehlstruktur und Lebenslauf. Autobiographische Untersuchungen. Frankfurt. Campus Verlag.
- Mannheim, K. 1978. Das Problem der Generationen. In: Kohli, Martin. Soziologie des Lebenslaufs. Darmstadt, Luchterland.
- Mayring, Ph. 1988. Qualitative Inhaltsanalyse. Grundlagen und Techniken. Weinheim. Deutscher Studien Verlag.
- Schroeder, W. 1979. Kollektive Biographien in den historischen Sozialforschungen. In: Lebenslauf und Gesellschaft. Stuttgart. Klett-Colta.
- Voronkov, V. 1993. Die Protestbewegung der “Sechziger”-Generation. Der Widerstand gegen das sowjetische Regime 1956-1985. In: Osteuropa, № 10.

Юлия Зеликова

Женщины в благотворительных организациях Петербурга: мотивация участия

Введение

Процесс трансформации российского общества сопровождается изменением роли государства, граждан и ростом гражданских инициатив. В период экономического кризиса и политических изменений обостряются старые и появляются новые социальные проблемы, такие как рост преступности и безработицы, бедность, детская беспризорность и пр. Государственная система социальной защиты оказывается неспособной решать комплекс существующих и возникающих проблем.

Вне административно-государственных структур социальной защиты возникают новые гражданские инициативы, которые направлены на решение социально-защитных проблем. Эти гражданские инициативы и являются благотворительными организациями.

Под благотворительной организацией в данном случае понимается некоммерческая негосударственная организация, которая осуществляет свою деятельность в целях социальной защиты нуждающихся групп населения.

В 1993 году автором статьи было проведено исследование, посвященное проблемам формирования и функционирования благотворительных организаций Санкт-Петербурга. Это исследование имело целью описать благотворительный сектор Петербурга и проанализировать взаимоотношения благотворительных организаций с коммерческим и государственным секторами. Проведенный анализ показал, что доля женщин в таких организациях составляет примерно 80%.

Именно в связи с этим особый интерес представляет выявление причин активности женщин в благотворительности. Проблема активности женщин, на наш взгляд, должна быть проанализирована в социально-политическом и социально-историческом контекстах. Участие женщин определяется (1) особенностями советской гендерной социализации; (2) проблемами быстрых социальных изменений; (3) спецификой понимания благотворительности в России (в том числе и ее гендерного измерения).

В данной статье представлены результаты исследования “Женщины в благотворительных организациях России (на примере Санкт-Петербурга)”. Целями исследования было определение основных мотивов участия женщин в благотворительных организациях, а также факторов, препятствующих этому участию.

Для анализа участия в благотворительных организациях и изучения его гендерного аспекта мы поставили следующие вопросы: Какие культурно-исторические традиции женского участия в благотворительности дореволюционной России возрождаются в настоящее время? Как

трансформировалось отношение к благотворительности в советское и постсоветское время? Какие роли выполняют женщины в благотворительных организациях? Каковы мотивы участия женщин и какие существуют барьеры, препятствующие их участию?

Женщины и благотворительность в дореволюционной России и в Петербурге.

Данная проблема исследована нами по исторической литературе, а также по специальным исследованиям женского участия в благотворительности в России (Liborakina 1995, Almedingen 1964).

До революции в России благотворительность считалась уважаемым занятием. Существовало несколько наиболее распространенных видов благотворительности: религиозный, аристократический и светский. В настоящее время можно говорить о попытке восстановить культурную преемственность в благотворительной деятельности. Имена ярких представительниц дореволюционной благотворительности выполняют важную символическую и консолидирующую роль.

В России XVIII - начала XX веков благотворительность была связана с Русской православной церковью. Исследователи женского участия в благотворительной деятельности (Любовь Мюллер, Адель Линденмейер) отмечали, что церковь всегда поощряла людей, подающих милостыню, но для глубоко набожных и благочестивых женщин подача милостыни считалась недостаточной. Церковь предлагала специфическую модель женской набожности: “Женщина связывает свою жизнь и свое счастье с тем, чтобы помогать другим людям. Участие женщин в благотворительности, особенно если они принадлежали к высшему слою общества, измерялось не тем, сколько они пожертвовали средств на благотворительность, а тем, сколько времени они потратили на заботу об обездоленных, на распределение лекарств, на личные визиты к бедным и больным.” (Пистольков 1910: 4).

Благотворительницы представлялись церковью как образцы женской благочестивости и добродетели. Диапазон благочестия и самопожертвования в православной идеологии был чрезвычайно широким: от полного самоотречения “святых мучеников”, готовых к отказу от всего “своего” во имя ближнего, до разовых материальных дотаций. Различные виды благотворительности воссоздаются в современной России. Мы выделяем религиозную, аристократическую и светскую благотворительность. Рассмотрим каждый из этих видов подробнее.

Религиозный вид благотворительности

Ксения Блаженная, жившая в Петербурге во второй половине XVIII века, стала символом женской благочестивости, набожности и благотворительности. После смерти мужа Ксения раздала все свое имущество бедным, и, взяв на себя роль святой юродивой, в поношенной одежде умершего мужа ходила по бедным кварталам города, утешала страждущих, помогала нуждающимся, молилась за всех. Люди верили, что Ксения страдает за них, верили в ее способность предсказывать будущее, относились к ней как к святой. После ее смерти в ее честь была построена часовня (Поселянин 1905). Тип благотворительности, символически связанный с Ксенией Блаженной, можно определить как религиозный.

Образ Ксении Блаженной до сих пор очень популярен в Петербурге. В городе существует благотворительный фонд ее имени. Она часто упоминается в наших интервью. Так, например, одна из респонденток рассказывает:

“Конечно, я не Ксения Блаженная, я не способна на такие жертвы, но мне так хочется что-нибудь сделать для этих несчастных бездомных. Я провожу в этом фонде почти все свое время, я уже не могу жить без этого подвала.” (Библиотекарь, 45 лет)

Религиозность является одним из важных идеологических оснований для благотворительности. Из интервью видно, что в семьях респонденток было принято давать милостыню нищим у церкви. В настоящее время верующие женщины, как правило, работают в благотворительных организациях религиозной направленности, например, в Армии Спасения, Обществе Петра и Павла, Фонде им. Ксении Блаженной т.д.

Аристократический вид благотворительности

В дореволюционной России, начиная с конца XVIII века, благотворительность патронировалась членами императорской фамилии. По инициативе и под патронажем Екатерины II был образован Институт благородных девиц (Смольный институт). На средства императрицы Марии Федоровны, которая возглавляла благотворительное ведомство в России, в Петербурге была создана и до сих пор существует Мариинская больница. Как реплика этого вида благотворительности в 1990е годы в России появляются фонды и организации, патронируемые официальными лицами и членами их семей. Так, в 1995 году в Петербурге женой бывшего мэра города был организован Мариинский фонд.

Еще одним примером *аристократической благотворительности* является деятельность урожденной немецкой принцессы Елизаветы Федоровны, сестры императрицы Александры Федоровны, жены дяди последнего русского царя и генерал-губернатора Москвы (1864-1918). После гибели мужа от бомбы террориста в 1905 году, Елизавета Федоровна продала все свое имущество и направила полученные средства на создание приютов и госпиталей. Изучив работу различных западных женских религиозных обществ, она решила создать свое собственное, направленное исключительно на помощь больным и бедным. Это общество просуществовало до 1918 года, в нем состояло 70 сестер. Сестры отбирались по конкурсу из большого числа заявок после специальной аттестации, что свидетельствовало о большой популярности такой модели женской благочестивости, не требовавшей отказа от светской жизни (Almedingen 1964).

Другой важной символической фигурой женской благотворительности стала Мария Дондукова-Корсакова, жившая в Петербурге в XIX веке. Дочь богатых родителей аристократического происхождения, она отказалась от вступления в брак и жизни в высшем обществе. Мария Дондукова занималась благотворительностью всю жизнь, начиная с ранней юности: работала в больницах и приютах, помогала бедным. Она стала основательницей женской религиозной общины и ряда благотворительных институтов. Мария Дондукова была для современников воплощением бескорыстного служения людям.

Данный вид благотворительности - аристократический. Это деятельность женщин из высшего общества, которые имели возможность создавать благотворительные институты и попечительствовать над ними.

Сегодня мы можем говорить о возрождении, хотя и в ином виде, данного типа благотворительности. В современной России есть примеры благотворительной деятельности жен высокопоставленных государственных лиц. Например, жена бывшего мэра Санкт-Петербурга Л. Б. Нарусова возглавляет благотворительный фонд "Дети Петра", она же была инициатором создания первой в России благотворительной больницы "Хоспис" для неизлечимых больных. В отделении "Общества Хоспис" в Москве работала жена бывшего первого вице-премьера России А. Б. Чубайса.

В православной благотворительной традиции женщины, решившие полностью посвятить себя помощи обездоленным, не обязаны были отказываться от светской или семейной жизни. Но, как правило, активно заниматься данной деятельностью они начинали либо в зрелом возрасте, либо, овдовев. Анализ состава участников современных благотворительных организаций также показывает, что возраст большинства женщин, работающих в этих организациях, составляет 40-45 лет.

Светская благотворительность

Третий вид - светская благотворительность. Впервые она оформляется как особый вид деятельности в среде ссыльных декабристов в Сибири. Декабристки учили грамоте местных крестьян, ухаживали за больными, помогали врачам в больницах. Жены декабристов имели огромный моральный авторитет в образованных слоях российского общества. Их опыт получил большой резонанс и оказал большое влияние, в том числе, и на следующее поколение русских женщин (Гордин 1989).

После александровских реформ и реабилитации декабристов, с первой волной женского движения в России впервые появились светские благотворительные организации. Одним из первых было учреждено общество “Красный Крест”. К началу XX-го века в России действовало 97 отделений “Красного Креста”, где женщины обучались работе сестер милосердия. Если не считать крошечной пенсии после 25-ти лет службы, более чем 3000 сестер милосердия служили в 1904 году, не получая платы за свой труд (Гогель 1913: 390). Отделение “Красного Креста” в Петербурге существует и в настоящее время.

Еще одной формой светской благотворительности стало создание трудовых артелей, как правило, швейных, для бедных девушек. Эта форма стала особенно популярна после выхода в свет романа Чернышевского “Что делать?” (Водовозова 1987). Хозяйки таких артелей выкупали девушек из публичных домов, предоставляли им жилье, еду и обеспечивали работой, например, заказами на пошив одежды. Ни одна из этих артелей не просуществовала долго, но подобный опыт также вызывает интерес наших современниц. В Петербурге существует христианский девичий приют, директор которого принимает девочек, сбежавших из дома и из интернатов, часто малолетних проституток. В этом приюте заботятся о них, обучают рукоделию и другим трудовым навыкам.

Когда женщины в дореволюционной России решали посвятить свою жизнь помощи нуждающимся, они имели для этого разные возможности. Организационная инфраструктура общества и их собственные материальные ресурсы открывали путь к участию в благотворительности. Женщины могли принять участие в деятельности уже существующей религиозной общины или благотворительного общества; создать религиозную общину, благотворительный институт или попечительство над такими организациями.

В исследовании “Женщины в благотворительных организациях в современной России: мотивация участия” была выдвинута гипотеза о том, что мотивы и традиции благотворительности дореволюционной России влияют на мотивацию участия сегодняшних благотворителей. Подтверждение данной гипотезы мы получили во многих интервью. Многие респонденты ссылались на значимость для них традиций русской благотворительности и православной церкви. Для процесса идентификации участников благотворительной деятельности сегодня важен поиск культурных традиций, важен тот факт, что в русской истории существовала определенная культура благотворительности.

Русская православная церковь, пытаясь восстановить свое влияние на духовную жизнь общества, в настоящее время покровительствуют некоторым благотворительным организациям, также ссылаясь на дореволюционные традиции.

Благотворительность и благотворительные организации в современной России.

Для выявления мотивов и специфики женской благотворительной деятельности важно определить происхождение и состояние благотворительного сектора в современной России.

В настоящее время возрождается понятие благотворительности, негативно оцениваемое в советское время. Так, в Большой Советской Энциклопедии благотворительность определялась как “помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества некоторой части неимущего населения”. “При социализме благотворительность не

нужна, - указывалось в энциклопедии, - поскольку в обществе уничтожены нужда и нищета” (Большая Советская Энциклопедия, т.5: 278).

В 1987 году Даниил Гранин впервые публично поставил вопрос о возрождении понятий милосердия и благотворительности как важных культурных явлений.

С 1989 года на улицах крупных городов России впервые за послевоенное время открыто появились нищие, просящие подаяние. Их появление было вызвано ухудшением экономической ситуации в стране, появлением беженцев из районов межнациональных конфликтов и ослаблением государственного контроля. В средствах массовой информации развернулась дискуссия об отношении к этому новому для России явлению. Одни призывали к милосердию, к оказанию масштабной помощи нищим, другие утверждали, что данная категория граждан является преступной, и в отношении к ним должны быть приняты соответствующие насильственные меры. Таким образом понятие благотворительности (и нищенства) стало частью публичного дискурса и было восстановлено в повседневной речи.

Именно с появлением термина “благотворительность” в публичном дискурсе можно говорить о начале институционализации благотворительности в 90-х годах. Важным фактором этого процесса стало широкомасштабное поступление в Россию гуманитарной помощи из-за границы. Первые благотворительные организации видели свою цель в том, чтобы справедливо распределить эту помощь среди нуждающихся.

Отношение к такой деятельности, со стороны общественного мнения было противоречивым. Лидеров организаций упрекали в присвоении гуманитарной помощи. В прессе появились сообщения о продаже гуманитарной помощи и присвоении денег благотворительными организациями, а также о попытках перевоза вместе с гуманитарной помощью, не подлежащей таможенному досмотру, контрабандных грузов.

После того, как гуманитарная помощь перестала поступать в Россию в крупных размерах, благотворительные организации начали искать другие источники финансирования. При этом они стали не просто распределять ресурсы среди своих клиентов, но и создавали собственные программы поддержки отдельных категорий населения.

Одновременно в России возникают благотворительные фонды, деятельность которых заключается в аккумуляции средств и распределении их для решения конкретных социальных проблем.

С деятельностью благотворительных фондов было связано много конфликтов, которые получили широкую огласку в средствах массовой информации. Чаще всего такие конфликты возникали по поводу использования полученных фондом средств в коммерческих целях.

В общественном мнении сложилось двойственное отношение к благотворительным организациям и благотворительности в целом. С одной стороны, в средствах массовой информации подчеркивалась важность этого сектора общества как элемента гражданского общества и фактора политической стабильности. С другой стороны, многочисленные нарушения, связанные с деятельностью благотворительных организаций, создавали в массовом сознании отношение к благотворительности как к криминальной сфере, как к способу “отмывания грязных денег”. Такая амбивалентность по отношению к благотворительности является барьером для участия в благотворительных организациях. Его можно проиллюстрировать цитатой из интервью:

“Я сотрудничала одно время с благотворительным фондом, но я не стала там работать постоянно. Мне не нравятся люди, которые в нем работают. Я видела, как они все лучшее из гуманитарной помощи берут себе, хотя не имеют на это право. Зачем мне там работать? Подумают, что я такая же.” (Художник, 43 года)

Всего в Санкт-Петербурге на конец 1994 года зарегистрировано более 3200 инициативных общественных объединений граждан. Из них свыше 300 в той или иной степени занимается благотворительной деятельностью в сфере социальной защиты населения.

В ходе анализа были выделены несколько групп благотворительных организаций Петербурга, которые распределились следующим образом: на первом месте - организации,

ориентированные на помощь малообеспеченным и инвалидам; на втором месте - ориентированные на помощь детям и многодетным семьям; на третьем - женские группы самопомощи и защиты прав женщин.

По социальному составу штатные сотрудники благотворительных организаций Петербурга принадлежат к технической и гуманитарной интеллигенции. В большинстве случаев участвующие в благотворительности не имеют опыта работы в советских организациях социальной защиты. Средний возраст активистов - около 40-50 лет, 80 % из них - женщины.

Активность женщин в благотворительных организациях очень велика. Они являются их организаторами, лидерами, штатными сотрудниками и активистами, представляют собой добровольный неоплачиваемый актив волонтеров.

Важно подчеркнуть специфику формирования благотворительного сектора в современной России. В развитых демократических обществах благотворительные организации являются частью “третьего сектора”. Само название “третий” говорит о том, что этот сектор существует в обществе наравне с коммерческим и государственным секторами. Формирование третьего сектора в развитых капиталистических странах происходило в условиях уже сложившегося рыночного хозяйства. В мировой практике совокупность организаций третьего сектора представляет собой особую подсистему общества, находящуюся между рынком и государством, которая выполняет в нем специфические функции (Anheier 1994).

В России формирование третьего сектора происходит в условиях политической и экономической нестабильности, когда ни рынок, ни новая государственная система еще не сформированы. При обсуждении проблем формирования и функционирования благотворительных организаций в сегодняшней России следует учитывать следующие особенности современной российской ситуации:

Культурные. Формирование независимого сектора, действующего в сфере благотворительности происходит в условиях, когда в обществе нет адекватных представлений о специфике некоммерческих организаций. В общественном мнении отсутствует доверие к благотворительности в целом.

Юридические. До последнего времени в России не существовало механизмов финансового и налогового регулирования, учитывающих социальную значимость и специфику общественных субъектов подобного рода. Организации третьего сектора вынуждены были действовать по экономическим и юридическим правилам, сформированным для коммерческих структур. Кроме того, недостаточно проработанное законодательство о благотворительности и некоммерческих организациях, а также отсутствие механизмов финансового и налогового регулирования их деятельности позволяет благотворительным организациям заниматься противозаконной деятельностью.

Многочисленные нарушения в деятельности благотворительных организаций связаны и с полным отсутствием контроля как со стороны соответствующих служб, так и со стороны самих членов таких обществ.

Тем, кто работает в благотворительных организациях, приходится сталкиваться с непроработанным законодательством, ограниченными материальными возможностями, недоверием к своей деятельности. Кроме того, благотворительная деятельность не является престижной в современной России. Это фактор очень существенен для тех, кто прямо не заинтересован в результатах деятельности благотворительной организации, но хотел бы в ней работать. Так, например, жен “новых русских” благотворительная работа привлекает своими гуманными целями, но отталкивает недостаточной престижностью.

Приведем фрагмент интервью:

“Вы выйдете на улицу и спросите, что такое благотворительность. Вам ответят, что это - “отмывание грязных денег”, или “раздача старой одежды нищим”. “Моя мама, например, вначале считала мою деятельность проявлением чуть ли не психической ненормальности.

Она так мне и говорила: “Ты больна, и должна скрывать свою болезнь от окружающих.” (35 лет, учитель)

Мы предполагаем, что участие в благотворительности наталкивается на более сильные психологические барьеры, чем участие в политических партиях, экологических, культурных и других организациях. Эти барьеры связаны прежде всего с имиджем благотворительности в современной России.

Интересным аспектом развития благотворительности в Петербурге является роль таких организаций в ресоциализации лиц, которые ранее были объектами административного и уголовного преследования. Так, около 5% организаций сосредотачивают свои усилия на помощи больным алкоголизмом, наркоманией, бездомным, а также на поддержке лиц, возвращающихся из мест заключения.

Этот факт говорит о том, что, по сравнению с государственной системой социальной защиты, появляющийся сектор благотворительных организаций имеет другие ценности и приоритеты. Если субъектом государственной системы социальной защиты, в первую очередь, являлись те, кто имеет больше заслуг перед государством, то субъектом благотворительных организаций являются те, кто в данный момент испытывают потребность в социальной защите, независимо от предыдущих успехов, заслуг и наград.

Перейдем теперь к анализу участия женщин в благотворительности. Советская гендерная социализация стала тем культурным фоном, который сделал возможным социальную активность женщин вообще и их активность в благотворительности, в частности. Рассмотрим эту группу факторов несколько подробнее.

Некоторые особенности гендерной социализации в современной России

Особенности гендерной системы в России привели к тому, что, с одной стороны, женщина испытывала двойную нагрузку, но с другой стороны, имела личную независимость. Двойственная оценка положения женщины (дискриминация в публичной сфере, эмансипация и доминирование в приватной) присутствует и в представлениях женщин о самих себе. С одной стороны, они осознают свою эмансипированность и не хотят ее потерять. С другой стороны, страдают от той двойной нагрузки, которую постоянно испытывают.

Радикальные изменения в России приводят к изменению положения женщин. Меняется их экономическое положение, политические возможности и выполняемые роли.

В современной России наблюдается попытка женщин уйти от “старой” роли *советской женщины*. Часто в интервью наших респонденток встречается такое мнение:

“Разве я женщина? Я загнанная лошадь. Я только и бегаю между работой, магазином и домом. Система нас изуродовала, а мужиков мы сами избаловали. С этим надо что-то делать”.

Или еще одно высказывание:

“Я не хочу, чтобы моя дочь повторила мой путь. Я не хочу, чтобы она была типичной советской женщиной. Я постараюсь дать ей другое воспитание”.

Кризис гендерной идентичности, который связан с мотивацией женского участия в общественных организациях, можно проиллюстрировать на примере двух типичных установок.

1. В настоящее время многие женщины считают, что им биологически присуща роль матери, жены, хозяйки (эссенциалистская роль). Они хотят отказаться от роли работающей женщины. Однако, ограничив свою жизнь приватной сферой, начинают чувствовать себя неполноценными, испытывать потребность в реализации себя в публичной сфере.

“Мне стыдно признаваться, что я домохозяйка. Когда меня спрашивают о том, кто я, я говорю, что я врач, хотя я уже 5 лет не работаю.” (33 года)

Профессиональная реализация женщин, преимущественно ориентированных на семью, очень затруднена в современных условиях. Для того, чтобы сделать карьеру в условиях обострившейся конкуренции, необходимо посвящать большую часть времени работе. Для таких женщин привлекательна работа в общественных организациях, которая позволяет, с одной стороны, активно участвовать в публичной сфере и не чувствовать себя изолированной, а, с другой стороны, позволяет иметь достаточно свободного времени в приватной сфере.

Гендерная идентичность, основанная на эссенциалистской идеологии женского предназначения и желании реализоваться в общественной жизни, становится важным фактором мотивации участия в тех общественных организациях, которые строятся на традиционном понимании женской роли, в частности, роли матери.

2. Другая позиция заключается в том, что женщина должна отказаться от традиционной роли в семье и в обществе. Гендерная идентичность, основанная на отказе - явном или скрытом - от традиционной роли, может стать идейным мотивом участия в разнообразных женских организациях (группы помощи, профессиональные организации, и др.).

“Я стала себя гораздо больше уважать с тех пор как я работаю в этой организации. Чем я могла гордиться раньше? Что я ребенка родила и воспитала? Так это, в принципе, каждый может сделать. Что я университет закончила? Так таких тоже полно. Для меня очень важно осознавать, что я нужна людям, что я делаю полезное дело, первый раз в жизни.” (Филолог, 40 лет)

Поиск гендерной идентичности является культурно-психологической составляющей участия женщин в деятельности общественных организаций. Потребность человека испытывать чувство идентичности является источником наиболее сильных стремлений (Фромм 1995).

Мотивы участия женщин в благотворительных организациях в современной России

В ходе исследования для выяснения мотивов участия женщин в благотворительности автором было проведено 20 глубинных интервью с участницами благотворительных организаций.

По результатам исследования, возраст большинства женщин, занятых в этом секторе, больше 40 лет. В возрасте так называемого кризиса середины жизни, многие люди начинают задумываться над экзистенциальными проблемами, проблемами связанными с поиском смысла жизни, со смертью. В этом возрасте некоторых людей начинает привлекать не денежная и престижная работа, а осмысленная деятельность, позволяющая делать добро, чтобы оставить о себе хорошую память.

После 40 лет заметно меняется положение женщин в обществе: дети выросли, семья часто распадается, труднее найти работу на рынке труда. Кризис середины жизни усугубляется в современной России тем, что именно женщины этого возраста, особенно высокообразованные, чаще всего оказываются безработными.

Можно выделить несколько категорий женщин, которые находят сферу приложения своих сил в возникающем секторе негосударственных некоммерческих организаций.

1) Женщины, которые *лично заинтересованы* в решении социальных проблем.

Из интервью:

“Когда мой ребенок попал под машину и находился в коме, а дома у меня было еще два маленьких ребенка, я бегала по разным инстанциям, но мне никто не хотел помочь. Тогда я поняла, что в нашем районе необходим реабилитационный центр для таких детей, как мой.” (Врач, 42 года)

2) Женщины *со значительным трудовым стажем, ставшие безработными*.

Из интервью:

“Я узнала об этом фонде случайно. Мои знакомые сказали, что здесь можно получить гуманитарную помощь. Я была без работы в то время. Мне предложили помочь

распределять помощь, и я согласилась. Подумала, что все лучше, чем дома сидеть.” (Пенсионерка, 57 лет)

3) Женщины, *ориентированные на карьеру, но не сумевшие реализовать себя профессионально.*

Из интервью:

“...У меня здесь есть возможность для работы. Пусть эти женщины ничего не понимают в искусстве, им надо все объяснять, учить, их надо контролировать все время, но, идеи-то здесь все мои. Я понимаю, что денег с ними не заработаешь, но мне хочется реализоваться, ведь, слава богу, мне уже 40 лет.” (Художник, 40 лет)

4) Жены “новых богатых”, имеющие высшее образование.

Одна из респонденток рассказывает:

“Я не работаю, потому, что в моем положении это не имеет смысла: мне не найти интересную творческую работу, а деньги мне не нужны. Но я очень хочу иметь какую-то жизнь вне дома. Если бы мне порекомендовали хорошую честную благотворительную организацию, я бы с удовольствием там работала.” (35 лет)

Как показывает исследование, возможны различные объяснительные модели участия женщин в благотворительных организациях. Они соответствуют разным вариантам самореализации женщин, разным ролям женщин в организациях, разным проблемам, стоящим перед ними, и разному типу организаций. На практике часто действует мотивационный комплекс, ориентирующий женщину на участие в работе благотворительной организации. Однако, можно выделить следующие основные типы мотивов участия.

Депривационный мотив. Основа участия - разные формы депривации, то есть неудовлетворенности, обусловленной расхождением ожиданий личности и возможностями их осуществления. Так, например, женщина, оставшись без мужа, или с больным ребенком, чувствует себя пострадавшей и становится участницей общественной организации, оказывающей помощь и социальную защиту неполным семьям или детям-инвалидам.

Теоретически выделяют абсолютную и относительную депривацию. Абсолютная депривация представляет собой объективное фиксируемое ухудшение положения, оцениваемое в показателях уровня жизни, материального благосостояния, здоровья, криминогенности обстановки и пр. Приведенная ниже цитата из интервью иллюстрирует мотивирующую силу абсолютной депривации:

“...Когда муж погиб, я осталась с двумя детьми, причем один из них - тяжело больной, из-за которого я не могла работать. Тогда я поняла, что одной мне просто не справиться. И тогда возникла эта идея: объединиться семьям, у которых такие же тяжелые дети, которые не могут в одиночку вырастить их. А государству было не до этих детей.” (Врач, 42 года)

Относительная депривация - психологическое состояние, связанное со сравнением нынешней ситуации с какой-либо моделью (с положением представителей референтной группы, положением лидера собственной группы, со своим прошлым опытом) (Здравомыслова 1992). Этот мотив чаще всего встречается у женщин, потерявших работу.

Для объяснения женского участия в благотворительности важно выявить типичные варианты женской депривации, обусловленной женскими практиками и ролями в современном российском обществе. Рассмотрим эти роли:

- роль матери

Из интервью:

“...Мы создали наше общество, которое помогало бы семьям, в которых есть больные дети, и мать не может из-за этого работать. Мы хотели организовать медицинскую помощь детям, малокомплектную школу, материальную помощь семьям. Государству было не до этих детей.” (47 лет)

- *роль жены (вдовы)*. Так, например, Ассоциация вдов “Валита” создана самими вдовами для самопомощи. Они нашли эффективные способы и для того, чтобы самим зарабатывать деньги, и для того, чтобы решать свои психологические проблемы;

- *роль работавшей и потерявшей работу*

Из интервью:

“После того, как меня уволили с работы, у меня не было желания искать другую. Мне не хотелось больше работать в советском учреждении. И вдруг, я познакомилась с человеком, который мне предложил работать в благотворительном фонде. Я решила попробовать и не жалею.” (Инженер, 50 лет)

- *роль пенсионерки, сохранившей силы для работы и желание быть социально полезной:*

“Сначала, я пришла в эту организацию за помощью. У меня была проблема с сыном. Мне так понравились люди, которые здесь работают. Я пенсионерка, с мужем развелась, сын женился и живет самостоятельно, внуков у меня пока нет, а я привыкла работать, быть полезной, и мне очень нравится то, что делают в этой организации. Я предложила им свою помощь. Теперь я очень довольна.” (58 лет)

Депривация, однако, не является ни необходимым, ни достаточным мотивом участия. Это лишь один из возможных мотивов, который, однако, встречается чрезвычайно часто в благотворительных организациях специфического типа, а именно, в организациях самопомощи. Иными словами, в данном случае участие в работе благотворительной организации соответствует личными интересам женщин, а также решению проблем, которые она считает своими личными.

Ценностный или идейный мотив. В этом случае участие в работе организации обусловлено приверженностью участницы целям-ценностям, провозглашаемым организацией, реализацией представления о женском предназначении или борьбой за возможность исполнения соответствующей роли. Так, в организациях материнской (эссенциалистской) и феминистской направленности лидерами являются, как правило, женщины с выраженным идейным мотивом. Например, лидер организации родителей-попечителей объясняет свое участие следующим образом:

“Усыновление нашего первого ребенка подтолкнуло нас к мысли, что вся эта система усыновления и попечительства, во-первых, полностью коррумпирована, во-вторых, безумно жестока, в-третьих, что она специально создана такой. И мы поняли, что требуется спасение в духовной форме. Мы кинули клич, собрали группу родителей с усыновленными детьми, сделали кучу передач по радио и телевидению. Каждого ребенка из детдома мы выбивали с боем... Зато теперь достаточно нашего ходатайства и ребенка сразу отдают на усыновление.” (Учитель, 35 лет)

Разновидностью идейного мотива является представление о специфическом женском предназначении, основанное на женских практиках заботы о слабых и милосердии, укорененных в российской традиции. Из интервью с руководительницей девичьего христианского приюта:

“Я чувствую, что в этой работе мое предназначение как женщины. Ведь женщина - это прежде всего мать, защитница слабых, заступница за обиженных. Я вижу, что Бог мне помогает.” (Педагог, 56 лет)

Мотив солидарности. Многие социологические исследования показывают, что человек испытывает потребность быть причастным к сообществам себе подобных (Ядов 1994). Кризисные условия заставляют человека стремиться к групповой защите, солидарности, поиску стабильности. Этот тезис подтверждается и в нашем исследовании. С одной стороны, коллективный характер общего дела оказывается привлекательным для женщин сам по себе. С другой стороны, совместная коллективная деятельность кажется наиболее эффективной в решении проблем. Этот мотив легко проследить при изучении историй вовлечения женщин в группу.

Солидарность как мотив участия типична для рядовых участников организации или для волонтеров. Исследование показало, что в организацию люди приходят через друзей, родственников и знакомых. Они идут туда целыми “компаниями”, объединенными общими проблемами. Представление о том, что проблемы можно решить сообща, очень сильно у большинства наших респондентов. Корпоративный дух, дух товарищества, взаимопомощи и понимания проявляется и в характере собраний женских объединений, досуговой деятельности, в том числе, проведении совместных праздников:

“Конечно, я могла бы работать в другом месте, а не работать с инвалидами, но я случайно попала в этот фонд, и теперь уже я не могу бросить этих людей, мне их жалко, хотя работать вместе с инвалидами тяжело и не очень выгодно.” (Инженер, 47 лет)

Солидарность, таким образом, является важным стимулом-мотивом участия в движении и в его отдельных акциях. Примером являются, в частности, движения самопомощи.

Материальный мотив. В ряде случаев стимулом - мотивом участия, является определенный вид материального вознаграждения. Такой мотив типичен для организаций-фондов. В качестве такого мотива-стимула может выступать получение рабочего места с соответствующей оплатой труда для неработающих женщин (участницы феминистских инициатив, деятельность которых финансово поддержана западными фондами; штатные должности в благотворительных фондах, работа которых оплачивается). Это типично для тех, кто работает на руководящих должностях в фондах, активистов, а не для рядовых участников.

Другим видом материального вознаграждения может быть получение гуманитарной помощи, различных льгот, предоставляемых общественным организациям, возможность поездок за границу.

“Когда я начала работать в этом фонде меня привлекало, во-первых, то, что нам говорили о возможности поехать в Англию, и то, что при распределении гуманитарной помощи нам разрешали какую-то часть брать себе. В то время для меня это было существенной помощью. (.) Теперь материальное положение моей семьи изменилось, и я уже не нуждаюсь в гуманитарной помощи. Но теперь у меня, благодаря фонду, установились контакты с американцами, и они пригласили меня в Америку. Может быть, мне удастся развить там мои контакты, и появится постоянная возможность бывать за границей.” (Учительница, 49 лет)

Мотив самореализации. Как показывает исследование, возможность самореализации выступает, как правило, не в качестве мотива, побуждающего к участию, а как мотив продолжения этой работы. Его можно проиллюстрировать историей, изложенной одной из респонденток.

Лидер одной из детских организаций, многодетная мать, имеющая больного ребенка, создала свою организацию для реабилитации больных детей. Работа в этой организации помогла ей решить проблему со своим ребенком, т.е. восстановить его здоровье. Таким образом, мотивом для начала общественной деятельности была абсолютная депривация, связанная с болезнью собственного ребенка. Однако, постепенно, благотворительная деятельность становится ее постоянной работой, и женщина продолжает заниматься ей *профессионально*. При этом работа в благотворительной организации значительно повышает социальный статус респондентки: до

начала своей общественной деятельности она была швеей-мотористкой, а теперь она является президентом ассоциации и директором реабилитационного центра.

* * *

Таким образом исследование показало, что вовлечение в деятельность благотворительных организаций является для значительной части женщин способом решения стоящих перед ними проблем. Часть этих проблем носит личный характер (что особенно выражено у женщин, участвующих в профессиональных объединениях и группах самопомощи: многодетные матери, ассоциация женщин-предпринимателей). Для других участие в организациях решает психологическую проблему: самореализация, удовлетворенность деятельностью, преодоление комплекса одиночества и других вариантов психологического кризиса (кризис середины жизненного цикла, кризис гендерной идентичности безработных и “новых богатых”). Часть проблем имеет экономический характер: для штатных работников занятость в этих организациях является источником дохода и возможностью для профессионального роста.

Благотворительный сектор в России сегодня является новой сферой приложения женской активности. Он привлекателен для женщин и как способ самореализации, и как возможность создания новых рабочих мест, и как механизм решения разного рода проблем.

Литература

- Водовозова Е. Н. 1987. На заре жизни. М. Художественная литература.
- Воронина О. 1993. “Женщина и социализм: опыт феминистского исследователя”. В сб. “Феминизм: Восток, Запад, Россия”. С. 205-226.
- Гогель С.К. 1913. Подготовка к благотворительности // Трудовая помощь. N4: 390-401.
- Гордин Я. 1989. Мятёж реформаторов. Л. Лениздат.
- Здравомыслова Е. 1992. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. Наука.
- Кайдаш С. 1993. О “женской культуре”. В сб.: Феминизм: Восток, Запад, Россия. 1993. Сс.183-204.
- Пистольков О. 1910. Памяти княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой // Трудовая помощь, N1: 1-18.
- Поселянин Е. 1905. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. Санкт-Петербург.
- Римашевская Н.М. 1992. Женщина в меняющемся мире. М. Наука.
- Фромм Э. 1995. Человеческая ситуация. М. Смысл.
- Ядов В.А. 1994. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал, N1: 35-53.
- Almedingen, E.M. 1964. An Unbroken Unity: A Memoir of Grand Duches Serge Of Russia, 1864-1918. London: Bodley Head.
- Anheier, H. 1994. Civil Society as Associational Infrastructure: A Comparative Analysis. Mimeo.
- Emmerich W. 1973. Socialization and Sex-Role Development. In: P.B. Baltes and E.W. Schaie (Eds.) Life-Span Developmental Psychology. Personality and Socialization. Pp. 123-144.
- Liborakina M. 1995. Women's Voluntarism and Philonthropy in Russia: Building a Civil Society. International Fellows Program Center for the Study of Philonthropy Graduate School and University Center Information Center of the Indeendent Women's Forum City University of New York.
- Maccoby E.E., Jacklin C.N. 1974. The Psychology of Sex Differences. Stanford.